ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал основан в марте 2018 года

2019, том 2, № 2 **ISSN 2619-1229**

Международный научный журнал

Учредитель: Фахрутдинов Раиль Равилович

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77–73017 от 06.06.2018.
Периодичность: 4 выпуска в год.
Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».
Адрес издателя: 420111, г. Казань, ул. Кремлёвская, 10/15.
Почтовый адрес редакции: 420008, Россия, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117.
Тел.: +7(843) 221-33-21.
E-mail: turkologstudies@gmail.com
Сайт: http://turkological-studies.ru
Подписка и распространение: редакционная подписка

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка, РГБ. Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Дата выхода выпуска в свет: 25.06.2019.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 70x108 1/16. Усл.-печ. л. 7. Тираж 500 экз.
Заказ 180/5. Отпечатано в типографии Издательства Казанского университета.
Адрес типографии: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37.
Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.
Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Редакция не несет ответственности за содержание публикаций.

Редакционно-издательская группа
Л. Ф. Абзалов (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)
А. В. Фахрутдинова (научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Е. В. Витоль (ответственный за выпуск) (г. Казань, Россия)

Главный редактор
Р. Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Шеф-редактор
Р. Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Председатель редакционной коллегии
Э. К. Хабибуллина – кандидат филологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

Редакционная коллегия
А. Г. Ситдиков – доктор исторических наук, доцент, член корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)
Р. Р. Замалетдинов – доктор филологических наук, профессор (г. Казань, Россия)
И. Э. Ярмакеев – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)
Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор (г. Мадисон, США)
И. А. Гилязов – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ (г. Казань, Россия)
И. М. Миргалеев – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия)
В. В. Трепавлов – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)
И. В. Зайцев – доктор исторических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Гаркавец– доктор филологических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Сафарян – кандидат исторических наук, профессор (г. Ереван, Армения)
Ильяс Топсакал – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)
Хайати Девели – доктор, профессор (г. Стамбул, Турция)
Ильяс Кемалоглу – Ph.D. (история), доцент (г. Стамбул, Турция)

Распространяется бесплатно
© **Тюркологические исследования, 2019**

TURKOLOGICAL STUDIES

Journal was founded in March 2018

2019. Vol. 2, No. 2 **ISSN 2619-1229**

International Scientific Journal

Founder: Rail Fahrutdinov

Registered by the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate number: ПИ № ФС 77–73017.
Date of registration: 06.06.2018
Periodicity: 4 issues per year (quarterly)
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries
Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage".
Address: 10/15, Kremlevskaya street, Kazan, 420111.

Editorial address: 420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, M. Mezhlauka str., 3, of. 117, Tel.: (843) 221-33-21.
E-mail: turkologstudies@gmail.com
Website: http://turkological-studies.ru
Subscription and distribution: editorial subscription

The journal is indexed by: Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka, RSL, Ulrich's Periodicals Directory.

Signed for printing: 25.06.2019. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16.
Conventional printing plates 7.
Print run: 500 copies. Order: 180/5.
Printed at Kazan University Press printing house.
Address: 420008, Kazan, 1/37, Professor Nuzhin str. Tel.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.
Editorial office is not responsible for the contents of publications.

Editorial and Publishing Group
L. Abzalov (Executive secretary) – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)
A. Fahrutdinova (Scientific editor) – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)
E. Vitol (Responsible for the release) (Kazan, Russia)

Depute Editor in Chief
R. Khajrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

Chief-Editor
R. Fahrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

Chairman of the Editorial Board
E. Khabibullina – Ph.D. in Philology, Associate Professor (Kazan, Russia)

Editorial Board
A. Sitdikov – Doctor of History, Associate Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)
R. Zamaletdinov – Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)
I. Yarmakeev – Doctor of Pedagogy, Professor (Kazan, Russia)
Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor (Madison, USA)
I. Gilyazov – Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia)
I. Mirgaleev – Ph.D. in History, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)
V. Trepavlov – Doctor of History, Professor Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
I. Zaytsev – Doctor of History, Professor Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
A. Garkavets – Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russia)
A. Safaryan – Ph.D. in History, Professor (Yerevan, Armenia)
Ilyas Topsakal – Doctor of History, Professor (Istanbul, Turkey)
Hayati Develi – Doctor of Philology, Professor (Istanbul, Turkey)
Ilyas Kemaloglu – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

Distributed free of charge
© Turkological Studies, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ 5

Руденко К.А. Новые материалы по знакам-тамгам у волжских булгар (археологический аспект).....5

Миргалеев И.М. Смерть хана Токтамыша в «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми 15

Abibullaeva E. Some Aspects of Daily Life of the Crimean Khanate Cities.....20

Гаптрахимов Р.А., Гатин М.С. Турецкая историография культуры Казанского ханства 27

Шигабдинов Р.Н. Некоторые аспекты казахской истории (XVI – первая половина XIX вв.). К вопросу о ее «географической оси» 36

Муфтахутдинова Д.Ш. Роль А.К. Казем-бека в переводах христианских богослужебных книг на татарский язык 56

Ахундова Н.Ф. Эволюция научно-концептуальных взглядов на вопрос происхождения династии Сефевидов в историографии XIX–начала XX вв. 64

НАСЛЕДИЕ.....97

Мустафина Д.А. Акты землевладения служилых мурз Ишеевых из фондов Российского государственного архива древних актов 97

РЕЦЕНЗИИ 112

Абзалов Л.Ф. Эпидемии и природные катаклизмы: новые аспекты изучения истории Золотой Орды 112

CONTENT

ARTICLES 5

Rudenko K. New Materials on Tamgas at the Volga Bulgarians (Archaeological Aspect) 5

Mirgaleev I. The Death of Khan Toktamysh in "Umdat al-Akhbar" by Abdulgaffar Qirimi's 15

Abibullaeva E. Some Aspects of Daily Life of the Crimean Khanate Cities 20

Gaptrahimov R., Gatin M. Turkish Historiography of Culture of the Kazan Khanate.....27

Shigabdinov R. Some Aspects of Kazakh History (16 – First Half of 19 Centuries). To the Question of it's "Geographical Axis" 36

Muftakhutdinova D. The Role of A. Kazem-bek in Christian Translations of Liturgical Books in the Tatar Language 56

Akhundova N. The Evolution of Scientific and Conceptual Perspectives on the Question of the Origin of the Safavid Dynasty in the Historiography of XIX-Early XX Centuries.....64

LEGACY 97

Mustafina D. Acts of Land Tenure of Service Murz Isheevs from the Funds of the Russian State Archive of Ancient Acts 97

BOOK REVIEWS 112

Abzalov L. Epidemics and Natural Disasters: New Aspects of Studying the History of the Golden Horde.....112

С Т А Т Ь И

УДК 902:911:008(091)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЗНАКАМ-ТАМГАМ У ВОЛЖСКИХ БУЛГАР (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

К.А. Руденко
Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
murziha@mail.ru

Резюме. *Цель:* введение в научный оборот новых материалов по знаковой системе и письменности Волжской Булгарии.

Материалы исследования: основным источником являются археологические артефакты, полученные в результате раскопок автора в начале XXI в. и археологические материалы из собрания Национального музея Республики Татарстан. Это фрагмент керамического сосуда и серебряный перстень булгарского производства.

Результаты и научная новизна: впервые было проведено детальное изучение и описание не известных ранее археологических артефактов с сохранившимися знаками-тамгами, свидетельствующие об их особой роли в различных социальных слоях булгарского общества, причем как городского, так и сельского. Помимо этого, определен круг аналогий знакам-тамгам которые были на этих артефактах. Большая часть этих знаков сопоставима с хорошо изученными клеймами и знаками (метками) на булгарской керамике. Кроме того, эти два артефакта хорошо датированы: фрагмент сосуда датирован концом XI – началом XII в., а перстень – XII в.

Если в предыдущих исследованиях речь шла преимущественно об артефактах, происходивших как правило из крупных булгарских городищ – прежде всего Билярского городища, то один из артефактов, который анализируется в статье, происходит с селища, то есть не городского поселения. Очевидно, что система знаков-тамг в центральной части Волжской Булгарии была распространена среди ремесленников разных профессий как в городах, так и в сельской местности.

В статье рассматриваются два артефакта, датированные концом XI–XII в.: перстень из серебра с чернью со знаками с обратной стороны щитка и фрагмент глиняного горшка, на поверхности которого были нанесены знаки-тамги. Причем знаки на этом горшке были сделаны по сырой поверхности глины, то есть когда его изготавливали. Можно предполагать, что их нанес гончар, который и изготовил этого горшок. Знаки наносились справа налево в две строки. Строки начинают два знака в виде буквы «А». Такой знак широко распространен как у булгар, так и в тюркской письменности Евразийских степей. Некоторые исследователи считают, что знак «А» принадлежал правящему роду в Волжской Булгарии и мог обозначать город Биляр и всю страну – Булгарию. Остальные знаки также встречены на булгарских изделиях XI–XII вв.

Не очень понятно для чего были нужны эти знаки на данном сосуде. Они не имеют отношения к содержимому горшка, поскольку он был предназначен для приготовления пищи, а не для хранения продуктов. Горшок был покрыт нагаром и копотью, то есть его активно использовали на кухне. Они не обозначали имя владельца, поскольку такую посуду вряд ли ее хозяин мог отдавать или передавать кому-либо вне своего дома. Сомнительно, что это специальные тамги гончара так как на этом селище другие подобные надписи на горшках не обнаружены.

Серебряный перстень является типичным изделием ювелиров Волжской Булгарии, работавших в Биляре. На его обратной стороне специальным инструментом были вырезаны знаки. Они были расположены плотно друг к другу в одну строку и один знак был вынесен над строкой. Знаки были вырезаны в процессе изготовления так как после завершения работы их нанести было невозможно. Нанес их ювелир, который этот перстень и изготовил. Несмотря на завершенность композиции расшифровать значение этих знаков затруднительно.

Учитывая имеющиеся данные по знакам на различных изделиях булгарских ремесленников можно утверждать, что у булгар существовала своя система знаков, которая широко использовалась в быту и ремесленной деятельности.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Биляр, тамги, Остолоповское селище, руническая письменность, ювелирное дело.

Для цитирования: Руденко К.А. Новые материалы по знакам-тамгам у волжских булгар (археологический аспект). *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 5–14.

Интерес к письменности, знакам и языку волжских булгар в целом, возник в начале XIX в. К настоящему времени накопилась достаточно обширная литература по этим вопросам, требующая особого осмысления. В XX в. было установлено, что у булгар была письменность как на основе арабской графики, так и руническая. Последняя была представлена уникальной надписью на ручке керамического сосуда из раскопок Билярского городища, отнесенной И.Л. Кызласовым к кубанскому варианту тюркской рунической письменности [4; 8, с. 5–18; 6, с. 128–131; 7, с.216,274–275, №К11; 9, 226–246]. Кроме того, было зафиксировано большое число тамгообразных знаков на различных изделиях – бытовой и специализированной керамике, каменных, костяных и бронзовых изделиях. Особо детально исследовались клейма на гончарной посуде, где эта категория знаков очень представительна [3, с. 69–92; 2].

Несмотря на разнообразие данных по булгарской письменности и системе знаков многие вопросы остаются пока мало разработанными. Среди них стоит отметить проблему распространения данной традиции за пределами крупных городских центров, например, Билярского городища или торговых поселений (Измерское I и Мурзихинское селища), где были обнаружены артефакты с надписями и различными знаками. Проблема заключается в редкости таких находок, даже при масштабных и регулярных археологических исследованиях.

Учитывая ценность для научных исследований в булгаристике таких материалов особый интерес вызывают новые находки с подобными знаками. В 2008 г. на Остолоповском селище XI–XII вв. в Алексеевском районе РТ

на раскопе XIX, расположенном в южной части памятника, был обнаружен венчик (10х6х4 см) кругового глиняного горшка с примесью песка и шамота в тесте[1] [10, с. 5–22; 12, с. 123–145] (рис.1: *1,1а*). Он был найден поблизости от жилой постройки конца XI – рубежа XI–XII вв. [11, с. 322].

Сосуд был небольших размеров: диаметр венчика – 13 см; горловины 11,5 см; диаметр наибольшего расширения тулова – 15 см.; общий объем его не превышал 1 л. (рис.1: *1б*). Внешняя поверхность горшка закопчена, следы нагара и пригоревшего содержимого были зафиксированы и с внутренней его стороны. Близкие формы горшков встречены в материалах, опубликованных ранее Т.А. Хлебниковой из раскопок этого памятника [15, с. 61, 62, рис. 3–3,9; 16, с. 86]. В целом, такие керамические изделия, изготовленные с помощью гончарного круга или подправленные на круге, часто встречаются на памятниках Алексеевского-Курналинского археологического микрорегиона X – XII вв., например, на Алексеевском городище [16, с. 88, 211, рис. 5,4; 119].

На плечике верхней части сосуда с внешней стороны частично сохранились две строчки тамгообразных знаков[2]. Нанесены они специальным инструментом (писáлом) с острым окончанием с одной стороны и плоской лопастью шириной 0,4 см, с другой. Острым окончанием знаки процарапывались, а плоским оттискивались, причем, при нанесении знаков на данном сосуде использовались оба окончания писала.

Первая и вторая строчки начинаются (справа налево) со знака в виде буквы «А» с перекладиной в виде галочки острием вниз (№№1,4) (рис.1:*1*) – один из самых распространенных знаков на булгарской керамике [2, 157–161, тип 12]. При этом эти два знака несколько отличаются по внешнему виду. Верхний знак (№1) (рис.1:*1–1*) меньше по размеру: высота и ширина его 0,7 см. Левый штрих знака нанесен острым окончанием, которое разрезало поверхность сырой глины. Правый штрих выполнен надавливанием второго, плоского, окончания инструмента, им же сделана «перекладина-галочка» внутри буквы. Поэтому буква как бы составлена из небольших отрезков (за исключением левого штриха). При этом верхняя часть знака оказалась смазанной при заглаживании поверхности в этой части сосуда.

Нижний знак «А» (№4) (рис.1: *1–4*) крупнее: 1х1 см и сделан видимо чуть позднее верхнего знака по уже заглаженной поверхности, поэтому сама линия четкая с ровными краями с невысоким бортиком: движение писалом давалось гончару легко, рука шла без усилий, свободно. Сначала гончар острием писала обозначил левый штрих знака, лопаточкой – остальные его части, но в отличие от верхнего знака «А», он этот знак не выдавливал, а вычерчивал: одним движением правый штрих, другим – левый, после чего двумя короткими отрезками нарисовал галочку-перекладину, тем самым завершив его форму.

Следующий знак в верхней строчке – «ветка» или «дерево»[3] в виде вертикальной линии с наклонно отходящими с обеих сторон от стержня в средней части двумя штрихами Верхняя часть линии имеет отходящую направо

[1] Полевой шифр: О.с.-8.2/4909. В настоящее время фрагмент находится в экспозиции археологического музея Билярского музея-заповедника (БГИАПМЗ, инв. №735).

[2] Благодарю И.Л. Кызласова за консультацию и ценные замечания по знакам на этом артефакте.

[3] Здесь и далее использованы названия знаков, разработанные Н.А. Кокориной.

наклонную ветвь. Этот знак процарапали острым окончанием инструмента, при этом линия получалась ровная и «выход» ее на поверхность при ослаблении нажима на инструмент уже чертился вскользь, оставляя тонкую линию и через несколько миллиметров сходя на нет. Представляется, что этот знак был нанесен чуть позже знака №1, по немного подсохшей поверхности сосуда, возможно в период сушки перед обжигом, поэтому края у контуров нечеткие, с микроскопическими комочками. Знак «ветка» был весьма распространен на билярской керамике XI – XII в. [2, с. 162, типы 63 и 64].

Последний знак (или часть знака) в верхней строке, нанесенный одновременно с предыдущем знаком – «черта» в виде вертикальной линии длиной 1,5 см (№3). На гончарных булгарских клеймах он встречается редко [2, с. 163, тип. 73].

В нижней строчке помимо знака А (№4) слева помещен еще один знак «черта», но в ином виде: два коротких горизонтальных отрезка длиной 0,7 см сходящиеся в левую сторону, между которыми посередине находится еще один отрезок такой же длины. Композиция напоминает схематически изображенный наконечник стрелы. Похожие, но не идентичные знаки встречаются на керамике Булгарского городища [2, с. 163, тип 84]. Этот знак на изучаемом фрагменте горшка нанесли одновременно со знаками №№2 и 3. В целом, знаки были нанесены на сосуд в следующей последовательности: 1–4 – (2, 3,5).

Очевидно, что знаки на данном сосуде, во-первых, не соотносилась с его содержимым, поскольку были нанесены в процессе изготовления горшка, при этом он изготавливался не для хранения чего-либо, а для приготовления различной пищи, при этом под копотью и нагаром знаки были не видны и заранее предвидеть это было невозможно; во-вторых, вряд ли горшок был изготовлен в гончарной мастерской в крупном городе, и скорее всего гончар жил непосредственно на этом селище. Отметим, что на Билярском городище известны лепные горшки с клеймами «А» на днище, но знаков в таком формате и композиции ни на них, ни на любых других сосудах не встречено [3, с. 86].

На Остолоповском селище встречены и другие знаки на керамике, например, прочерченный крест на ручке кувшина (раскоп XXIV). В этом случае – это метка собственности и не более того. Тем более, что практика ставить метки на личную глиняную посуду (чаще всего кувшины и кринки) или прясла, была распространена у булгар повсеместно, например, значительное число прочерченных или процарапанных знаков зафиксировано на керамических сосудах из Билярского городища, сводка которых по раскопкам 1970-х – 1980-х гг. опубликована А.Ф. Кочкиной [5, с.104–106, рис. 1–3].

Все находки о которых шла речь выше с Остолоповского селища имеют стратиграфические даты, а в целом изученная часть селища функционировала с начала XI до второй половины XII в. [14, с. 308]. Это важно для определения хронологических рамок бытования системы знаков в Волжской Булгарии.

Второй случай использования тамгообразных знаков связан с серебряным перстнем из Билярского городища из собрания Национального музея РТ[1]. Перстень датирован XII – началом XIII в. [13, с. 58, 363, ил. 95, кат.15]. Это кованое изделие с овальным щитком (2х2 см), на лицевой поверхности которого нанесен гравированный рисунок. Шинка диаметром 1,7 см, сломана в средней

[1] НМ РТ, инв. №ЭО-99/51 (СУ-373).

части. Рисунок выполнен в характерной для булгар композиции: поле разделено узким орнаментальным пояском, декорированным наклонными s-видными отрезками, имитирующими «плетенку»; в верхней и нижней части орнаментального поля симметрично размещены переплетающиеся стилизованные растительные побеги, оканчивающиеся трилистниками. Фон рисунка немного углублен и покрыт чернью (рис.1: *2*,*2а*).

На обратной стороне щитка нанесены справа налево знаки, один из которых расположен отдельно, а остальные – в одну линию вплотную друг к другу. Высота их разная: самый крупный (№3) имеет высоту 0,7 см, самый низкий – (№1) – 0,3 см. Можно различить 5 тамгообразных и геометрических знаков (рис.1: *2в*) расположенных по горизонтали. Они выгравированы тонким инструментом, тем же, что и рисунок на лицевой стороне щитка. Мастер предварительно сделал разметку для того чтобы знаки были ровными, использовав ее при нанесении самих знаков. Судя по одинаковым по следам инструмента при гравировке знаков и их взаимному расположению, все знаки нанесены в одно время.

Первый знак (№1) «песочные часы» оказался немного «сбитым»: мастер сначала выбил сам знак, а затем добавил поверх его верхнего правого угла маленькую полукруглую арочку, причем очень близко от края из-за чего здесь образовалась микротрещина (рис.1: *2г*). Такой знак встречается на керамических сосудах XII – начала XIII в. из Биляра, а также из Болгарского городища и Ага-Базара [2, с. 177, тип №234, рис.106–234; 107]. Особенностью знака на билярском перстне является своеобразный завиток в его верхней правой части.

Второй знак (№2) в виде овала/круга с вписанным в него другим знаком в виде уголка острием налево. Похожий знак встречается на гончарных клеймах Билярского городища XI – начала XIII в. [2, с. 167, рис.106–171].

Третий знак (№3) – двухсторонний трезубец совмещает два знака встречающихся на билярской керамике: двухстороннего двузубца и одиночного трезубца (типы №№164 и 182) [2, с. 164]. Причем, на этом перстне ювелир выполнил его виртуозно: одним движением резца была изображена левая верхняя часть знака, потом, короткими линиями завершена верхняя его половина. Нижняя часть трезубца нанесена иначе: сначала ювелир выгравировал средний зубец, затем, правый, после чего, чуть зайдя на верхнюю часть средней линии, левый зубец.

Четвертый знак (№4) в виде горизонтальной линии с отростком, отходящим от левого конца линии под углом $\approx 45^0$. Возможно, что таким образом наносивший знак мастер показал окончание строки (а) и перенос еще одного знака на другую строку (б) (рис.1: *2в,г*). Впрочем, в нем его можно видеть и знак «галочка», близкий формам клейм на керамике Биляра и Муромского городка [2, с. 172, тип 123]. Образовавшаяся условная горизонтальная борозда посередине мне кажется была результатом разметки при размещении знаков, поэтому она состоит из коротких отрезков два из которых слева и в центре были нанесены в первую очередь[1] перед гравировкой знаков.

Последний знак – «корабль» образован дугой, обращенной верхней частью вниз, посередине которой помещена вертикальная линия. Левая часть знака дополнена маленькой арочкой. Этот знак имеет аналогии в керами-

[1] При нанесении знака №2 край отрезка оказался чуть потревоженным.

ческом материале городища Муромский городок и Билярского городища и помимо их нигде больше на памятниках Волжской Булгарии не выявлен [2, с. 172, тип 179].

Плотность расположения знаков на билярском перстне объясняется видимо недостатком места на щитке не позволившее разместить все знаки в одну строчку. Если исходить из того, что знаки наносились справа налево, то последний знак (№5) оказался в верхнем регистре. Вполне очевидно, что знаки нанесены до того, как перстень был завершен: то есть запаяна шинка. Поэтому эти знаки нанесены в процессе изготовления ювелиром скорее всего по пожеланию заказчика, поскольку ни на одном другом таком перстне знаков не обнаружено.

Е.П. Казаков отмечал, что знаки на перстнях встречались у булгар и ранее: в Больше-Тарханском могильнике второй половины VIII – первой половины IX в. из погребения 237 происходит серебряный перстень, на щитке которого выгравирована крестообразный знак. Ко второй половине IX в. относится перстень из погребения 877 Танкеевского могильника на квадратном щитке которого имеются выгравированные три знака – справа налево: прямая вертикальная линия, знак напоминающий английскую «U» и третий близкий по начертанию английской «J» [1, с.179, рис.1–1; 2–2]. Однако в отличие от билярской находки эти знаки являются элементом дизайна данных артефактов.

Учитывая имеющиеся данные по знакам-тамгам на различных изделиях булгарских ремесленников и те сведения, которые были получены при анализе вышеописанных артефактов, можно утверждать, что у булгар существовала собственная система знаков, сформировавшаяся на основе тюркского рунического алфавита, знаков-тамг и геометрических меток, которая достаточно широко использовалась в быту и ремесленной деятельности в Волжской Булгарии с X и до начала XIII в.

Список литературы

1. Казаков Е.П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4, с. 178–185.

2. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI–начала XV в. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, 2002. 383 с.

3. Кочкина А.Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983, с.69–92.

4. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // Советская тюркология. 1985. № 4, с. 54–80.

5. Кочкина А.Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние болгары в Восточной Европе / отв. ред. А.Х.Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989, с. 97–107.

6. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа). М.: ИА РАН, 1990. 180 с.

7. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: Издат. фирма Восточная лит-ра, 1994. 327 с.

8. Кызласов И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7), с. 5–18.

9. Кызласов И.Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Группы по археологии Кавказа. Вып. 1 / отв. ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский. М.: ТАУС, 2012, с. 226–246.

10. Руденко К.А. Отчет об археологических исследованиях в Татарстане в 2008 г. Казань, 2009. 46 с.+117 ил.,3 табл. и 4 диаграммы в тексте // АИА РАН. Р-1, №44189.

11. Руденко К.А. К вопросу о булгарских жилищах домонгольского времени (по материалам Остолоповского селища в Алексеевском районе РТ) // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / отв. ред. М. Ш. Галимова. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009а, с. 309–352.

12. Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. №2, с. 123–145.

13. Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т.II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

14. Руденко К.А. Стратиграфия Остолоповского селища XI – XII вв. в Алексеевском районе Татарстана // Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Издат. дом «Казанская недвижимость», ИА им А. Х. Халикова АН РТ, 2017, с. 296–319.

15. Хлебникова Т.А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1, с. 58–68.

16. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Сокращения

АИА РАН – Архив института археологии Российской академии наук

БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник

ИА АН РТ – институт археологии академии наук Республики Татарстан

РТ – Республика Татарстан

СА – Советская археология

Сведения об авторе: Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, доцент, Казанский государственный институт культуры (420059, Россия, Казань, Оренбургский тракт, 3), e-mail: murziha@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

NEW MATERIALS ON TAMGAS AT THE VOLGA BULGARIANS (ARCHAEOLOGICAL ASPECT)

K.A. Rudenko
The Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru

Abstract. Purpose: introduction of new materials into the scientific circulation on the sign system and the writing of the Volga Bulgaria.

Research materials: the main source are archaeological artifacts obtained as a result of the author's excavations at the beginning of the XXI century and archaeological materials from the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan. This is a fragment of a ceramic vessel and a silver ring of Bulgarian origin.

Research results: for the first time, a detailed study and description of previously unknown archeological artifacts with preserved tamgas has been carried out, indicating their special role in various social circles of the Bulgarian society, both urban and rural. In addition, the circle of analogies to the tamgas that were on these artifacts was determined. Most of these signs are comparable with well-studied brands and marks on Bulgarian ceramics. In addition, these two artifacts are well dated: the fragment of the vessel is dated by the end of the XI – the beginning of the XII century, and the ring – by the XII century.

If in previous studies it was mainly about artifacts that occurred as a rule from large Bulgarian sites – first of all Bilyar hillfort, then one of the artifacts analyzed in the article comes from the village, that is, not the urban settlement. It is obvious that the spread of the sign-tamg system in the central part of the Volga Bulgaria was spread among artisans of various professions both in cities and in rural areas.

Two artifacts dated to the end of the 11th–12th centuries are considered: a ring from silver with black with signs on the back side of the flap and a fragment of a clay pot on which surfaces were inscribed tamgas. And the signs on this pot were made on a damp surface of clay, that is, when it was made. It can be assumed that they were inflicted by a potter, who made this pot. Signs were applied from right to left in two lines. The lines begin two characters in the form of the letter "A". This sign is widely distributed both among the Bulgars and in the Turkic writing of the Eurasian steppes. Some researchers believe that the sign "A" belonged to the ruling clan in Volga Bulgaria and could designate the city of Bilyar and the entire country – Bulgaria. The remaining signs were also found on the Bulgarian products of the 11th–12th centuries.

It is not very clear why these signs were needed on this vessel. They are not relevant to the contents of the pot, because it was intended for cooking, and not for storing food. The pot was covered in soot and soot, that is, it was actively used in the kitchen. They did not designate the name of the owner, since such a pottery was unlikely to be given or handed over to anyone outside his home. It is doubtful that these are potter's special tamgas since other similar inscriptions on pots were not found on this village.

Silver ring is a typical product of goldsmiths of the Volga Bulgaria, who worked in Bilyar. On its back side, special signs were cut out. They were located

tightly to each other in one line and one sign was placed above the line. Signs were cut in the manufacturing process because after the completion of the work they were impossible to apply. He brought them a jeweler who made this ring. Despite the completeness of the composition, it is difficult to decipher the meaning of these signs.

Given the available data on the signs on various products of the Bulgarian artisans, it can be argued that the Bulgars had their own system of signs that was widely used in everyday life and handicraft activities.

Keywords: Volga Bulgaria, Bilyar, tamgas, Ostolopov settlement, runic writing, jewelry business.

For citation: Rudenko K.A. New Materials on Tamgas at the Volga Bulgarians (Archaeological Aspect). *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 5–14. (In Russ.)

References

1. Kazakov E.P. Znaki i pis'mo rannej Volzhskoj Bolgarii po arheologicheskim dannym. *SA*. 1985. № 4, s. 178–185. (In Russian)

2. Kokorina N.A. Keramika Volzhskoj Bulgarii vtoroj poloviny XI–nachala XV v. (K probleme preemstvennosti bulgarskoj i bulgaro-tatarskoj kul'tur). Kazan': Institut istorii AN RT, 2002. 383 s. (In Russian)

3. Kochkina A.F. Goncharnye klejma Bilyarskogo gorodishcha // Srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Tatarii / otv. red. A.H. Halikov. Kazan': IYALI KFAN SSSR, 1983, s.69–92. (In Russian)

4. Kochkina A.F. Runicheskie znaki na keramike Bilyara. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1985. № 4, s. 54–80. (In Russian)

5. Kochkina A.F. Znaki i risunki na keramike Bilyara // Rannie bolgary v Vostochnoj Evrope / otv. red. A.H.Halikov. Kazan': IYALI KFAN SSSR, 1989, s. 97–107. (In Russian)

6. Kyzlasov I.L. Drevnetyurkskaya runicheskaya pis'mennost' Evrazii (Opyt paleograficheskogo analiza). M.: IA RAN, 1990. 180 s. (In Russian)

7. Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepej. M.: Izdat firma Vostochnaya lit-ra, 1994. 327 s. (In Russian)

8. Kyzlasov I.L. Runicheskaya ehpigrafika drevnih bolgar. *Tatarskaya arheologiya.* 2000. № 1–2 (6–7), s. 5–18. (In Russian)

9. Kyzlasov I.L. Serebryanye monety s legendami kubanskogo runicheskogo pis'ma // Problemy arheologii Kavkaza. Gruppy po arheologii Kavkaza. Vyp. 1 / otv. red. R.M. Munchaev, S.N. Korenevskij. M.: TAUS, 2012, s. 226–246. (In Russian)

10. Rudenko K. A. Otchet ob arheologicheskih issledovaniyah v Tatarstane v 2008 g. Kazan', 2009. 46 s.+117 il.,3 tabl. i 4 diagrammy v tekste // AIA RAN. R-1, №44189. (In Russian)

11. Rudenko K. A. K voprosu o bulgarskih zhilishchah domongol'skogo vremeni (po materialam Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rajone RT) // Srednee Povolzh'e i YUzhnyj Ural: chelovek i priroda v drevnosti / otv. red. M. SH. Galimova. Kazan': Izd-vo «Fehn» AN RT, 2009a, s. 309–352. (In Russian)

12. Rudenko K. A. O nekotoryh itogah issledovaniya Ostolopovskogo selishcha v Alekseevskom rajone Respubliki Tatarstan. *Povolzhskaya arheologiya*. 2012. №2, s. 123–145. (In Russian)

13. Rudenko K.A. Bulgarskoe serebro. Drevnosti Bilyara. T.II. Kazan': Zaman, 2015. 528 s. (In Russian)

14. Rudenko K. A. Stratigrafiya Ostolopovskogo selishcha XI – XII vv. v Alekseevskom rajone Tatarstana // Srednevekovye arheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: problemy issledovanij, sohraneniya i muzeefikacii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kazan': Izdat. dom «Kazanskaya nedvizhimost'», IA im A. H. Halikova AN RT, 2017, s. 296–319. (In Russian)

15. Hlebnikova T.A. Nekotorye itogi issledovaniya bulgarskih pamyatnikov nizhnego Prikam'ya. *SA*. 1974. № 1, s. 58–68. (In Russian)

16. Hlebnikova T.A. Keramika pamyatnikov Volzhskoj Bolgarii. K voprosu ob ehtnokul'turnom sostave naseleniya. M.: Nauka, 1984. 240 s. (In Russian)

About the author: Rudenko Konstantin, Dr. habil. (History), The Kazan State Institute of Culture (420059, Kazan, Russian Federation, the Orenburg path, 3), e-mail: murziha@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

УДК 94 (470)

СМЕРТЬ ХАНА ТОКТАМЫША В «УМДЕТ АЛ-АХБАР» АБДУЛГАФФАРА КЫРЫМИ

И.М. Миргалеев
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
dilnur1976@mail.ru

Резюме. В статье рассказывается о доселе не известной версии гибели хана Токтамыша от руки одного из известных золотоордынских временщиков – беклярибека Идегея. Автор статьи допускает, что изложенная версия Абдулгаффара Кырыми может иметь реальную основу о том, как умер Токтамыш, а именно упал с лошадью с крутого берега.

Ключевые слова*:* Токтамыш, Идегей, Абдулгаффар Кырыми, Золотая Орда.

Для цитирования: Миргалеев И.М. Смерть хана Токтамыша в «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 15–19.

История жизни одного из великих ханов Золотой Орды – Токтамыша, достаточно хорошо отражена в письменных источниках. Известный крымский ученый XVIII века Абдулгаффар Кырыми также достаточно подробно рассказывает о Токтамыше и о его возвышении. Также этот автор передает свою версию гибели хана. Данные Абдулгаффара Кырыми по разным аспектам золотоордынской истории уже становились объектами нашего исследования [см.: 4, 5, 6, 7].

Сведения Абдулгаффара Кырыми являются полезными не только с фактологической точки зрения. Особый интерес представляет и то, как татары воспринимали свою историю в более ранние периоды, и какую память об этих важных событиях они сохраняли в XVIII веке.

Мы полагаем, что Абдулгаффар Кырыми кроме своих указанных источников использовал и семейные предания. Будучи прямым потомком легендарного темника Мамая, Абдулгаффар Кырыми дает интересную версию взаимоотношений Токтамыша и Мамая. По сути это единственные свидетельства о контакте двух значимых личностей эпохи Средневековья. Версия гибели Мамая от руки приближенного Токтамыша Ректемура Ширина уже была нами рассмотрена [7, с. 191].

В этой статье мы бы хотели обратить внимание на версию гибели Токтамыша от рук Идегея. Безусловно, она легендарная и не отражает многих фактов долгого противостояния Токтамыша и Идегея, известных нам по другим источникам. Однако, во-первых, при описании труда XVIII в. необходимо учитывать некоторые особенности, связанные с источниковой базой, служившей основой для его написания.

Во-вторых, другой важной особенностью произведения является то, что используемые в нем сведения, прежде всего, касающиеся ханов Золотой Орды (в особенности таких ханов как Берке, Токта, Узбек, Токтамыш и Улуг Мухам-

мад), основаны не только на нарративных источниках, но и на устной историологии татар. По сути, переданная Абдулгаффаром Кырыми история, в некоторой степени, включает в себя «народную версию» прошлого, представляя собой также и историческое наследие, переданное сквозь века. Его сочинение наполнено важными фактами, позволяющими, прежде всего, оценить уровень понимания татарами XVIII века своей древней истории.

Необходимо отметить и то, что касательно золотоордынской истории Абдулгаффар Кырыми, как он сам указывает, многое почерпнул, правильнее сказать даже пересказал текст небезызвестного Дост-султана.

Вполне возможно, что у Абдулгаффара Кырыми была история того самого Дост-султана, о которой говорит и Утемиш-хаджи, но который не устроил среднеазиатских шейбанидов и поэтому Утемиш-хаджи на основе этого сочинения создал свое, более полное произведение, дополненное сведениями, собранными среди татар Большой Орды и Астраханского ханства [12].

Среди своих источников, сведениями которых Утемиш-хаджи дополнил сочинение Дост-султана, указан некий Хаджи Тарханлы Эль-хадж Нияз. Абдулгаффар Кырыми также приводит данные этого астраханского историка и называет его среди своих источников. В этом случае он ссылается на него или через труд Утемиша-хаджи или же у него было какое-то отдельное сочинение астраханского историка, остается не ясным. Кроме сообщений Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми о сочинении Хаджи Тарханлы Эль-хадж Нияза, других сведений об этом сочинении нам не удалось обнаружить[1].

Но вот версия гибели Токтамыша в изложении Абдулгаффара Кырыми отличается от версии Утемиша-хаджи. Здесь автор или использовал какие-то другие сведения или же опирался на устную историологию татар.

В труде Абдулгаффара Кырыми история возвышения Токтамыша изложена в весьма похожей на сведения Утемиша-хаджи последовательности. С изданием как транскрипции [1], так и перевода на русский язык этого труда [2], давать здесь отрывки, касающиеся всей истории Токтамыша мы не будем. Однако приведем в этом отрывке и сведения о вторжении Тимура на территорию Золотой Орды, об их битве, как указывает автор «сражения, которых раньше никто не видел», чтобы показать последовательность противостояния Токтамыша и Идегея.

Итак, как рассказывает Абдулгаффар Кырыми, Идегей (Эдигю бег) лично целых два месяца преследовал Токтамыша и прижал к реке Черный Дон (?) и хотел его взять живым, однако Токтамыш-хан с конем упал с крутого берега и умер [1, с. 92–93, 347; 2, с. 68–69]. Возможно, здесь версия падения Токтамыша с крутого берега и имеет какие-то основания. Кроме, конечно же, Черного Дона, так как, судя по другим источникам, Токтамыш все же был убит в Западной Сибири.

Османский автор Ахмед Деде сообщает, что в «807 г.х. (соответствует 10.VII.1404–28.VI.1405) Токтамыш умер в окрестностях Тюменя» [3, л. 123]. Русские летописи отмечают, что зимой 1406 года Токтамыш был убит в Сиби-

[1] Необходимо учитывать, что Утемиш-хаджи данные этого астраханского историка использовал именно в качестве дополнения труда Дост-султана. Получается, что в истории Дост-султана его данных не было. В этом случае Абдулгаффар Кырыми под Дост-султаном имеет в виду именно Утемиша-хаджи. Возможно, конечно и то, что какой-то труд астраханский историк оставил, хотя это и маловероятно.

ри Шадибек-ханом [например: 8, с. 109; 9, с. 276; 10, с. 91]. Как известно, Ибн Арабшах говорит о 15 сражениях между Идегеем и Токтамышем [11, с. 470].

Вполне возможно, что версия Абдулгаффара Кырыми о падении Токтамыша с крутого берега основывается на народной памяти, которая сама вполне могла сохранить и правдивую версию гибели Токтамыша, учитывая, что в Крыму утвердились именно сторонники и родственники хана Токтамыша.

Лист 270 б

Затем напали на Великую Орду, подошли к границе Дешта. Но Токтамыш хан оказался далеко. Чтобы войско Тимура оказалась беспомощным, все свои эли переселили в сторону Волги. Но Тимур был решительным и не отказался от цели. Через бесконечные степи и земли он прошел как река[1]. В этом направлении Тимур был довольно осторожным и осмотрительным. Это подробно описано в «Зафер-наме». После трех месяцев скитаний по равнине на местности под названием Ублан Караман встретил войско Токтамыша. Были сражения, которых раньше никто не видел. С двух сторон полегло очень много воинов. Умерли такие начальники как Барын Джавлы Бай из войска Токтамыша. Тимур Кутлук оглан и Эдигю бег оба были в передних рядах войска завоевателя мира Тимура. Сражения, которые они вели с Токтамышем, известны среди узбеков и приведены в достоверных исторических трудах. Затем войско Токтамыша распалось. Тимур Завоеватель отправил Темур Кутлука, Кунчек оглана и Эдигю на захват элей и собрать отделившихся. Кунчек оглан нашедшие эли привел к Тимуру. Однако Эдигю бег, объединившись с Темур Кутлуком, то что нашли повели на далекое расстояние, к реке Яик. Тимур удивился их уходу, узнал о действиях Эдигю. В «Зафер-наме» подробно описано как он расстроился «О ты подлый человек, Эдигю, снова ты поступил недобросовестно». После ухода Тимура, в объединенных элях Эдигю назначил ханом своего племянника Темур Кутлука, а сам стал бегом. И собрал войска. Токтамыш также собрал войска из оставшихся у него элей и тех, кто остались в устье реки Волга, но не смог быть действенным.

Эдигю бег оставив хана[2] в эле, сам целых два месяца не отставал от Токтамыш хана, дошел за ними до берега реки Кара Дон. Когда дал распоряжение поймать его, и по неосторожности привел до крутых берегов упомянутой реки, [Токтамыш] с конем упал с берега и умер.

Затем Темур Кутлук хан, благодаря храбрости эмира эмиров Эдигю бега стал владеть всем Улусом Джучи.

Список литературы

1. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.

2. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-Ахбар. Книга 2. Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

[1] Дословно, поплыл как река.

[2] Темур Кутлука.

3. Ахмед Деде. «Мунеджим-Баши». Перевод В.Г. Тизенгаузена / Рукопись/. СФ ИВ РАН. Фонд 52. Опись 1. Дело 14. ЛЛ. 115–126.

4. Миргалеев И.М., Пашаоглу Д.Д. Обзор сочинения «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми // Золотоордынское обозрение. Казань. № 2(4)/2014. С. 35–60.

5. Миргалеев И.М. Сведения Абдулгаффара Кырыми о Казанском ханстве // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. С. 96–98.

6. Миргалеев И.М. Сведения ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми об исламизации в Золотой Орде // Ислам и власть в Золотой Орде. Казань, 2012. С. 6–17.

7. Миргалеев И.М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Сборник научных трудов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С. 183–197.

8. ПСРЛ. Том 4. Новгородския и псковския летописи. СПб.: тип. Э. Праца, 1848. 363 с.

9. ПСРЛ. Том 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.

10. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 412 с.

11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся къ истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабскихъ. Т. I. СПб.: Тип-я ИАН, 1884. 564 с.

12. Утемиш-хаджи. Кара таварих // Транскрипция И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань, 2017. 312 с.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6013-6944, Researcher ID: J-9533-2017 (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

THE DEATH OF KHAN TOKTAMYSH IN "UMDAT AL-AKHBAR" BY ABDULGAFFAR QIRIMI'S

I. Mirgaleev
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
dilnur1976@mail.ru

Abstract. The article describes a hitherto unknown version of the death of Khan Toktamysh from the hand of one of the famous Golden Horde favorites –

beklarbek Idegey. The author admits that the version of Abdulgaffar Kirimi can have a real basis on how he died Toktamysh, and it fell with a horse with a steep Bank.

Keywords: Toktamysh, Idegey, Abdulgaffar Qirimi, Golden Horde.

For citation: Mirgaleev I. The Death of Khan Toktamysh in «Umdat al-Akhbar» by Abdulgaffar Qirimi. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 15–19. (In Russ.)

References

1. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-Ahbar. Kniga 1: Transkripciya, faksimile. Seriya «YAzma miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Vyp. 1. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2014. 420 s. (In Russian)

2. Abdulgaffar Kyrymi. Umdet al-Ahbar. Kniga 2. Per. s osmanskogo YU.N. Karimovoj, I.M. Mirgaleeva. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2018. 200 s. (In Russian)

3. Ahmed Dede. «Munedzhim-Bashi». Perevod V.G. Tizengauzena. /Rukopis'/. SF IV RAN. Fond 52. Opis' 1. Delo 14. LL. 115–126. (In Russian)

4. Mirgaleev I.M., Pashaoglu D.D. Obzor sochineniya «Umdet al-ahbar» Abdulgaffara Kyrymi // Zolotoordynskoe obozrenie. Kazan'. № 2(4)/2014. S. 35–60. (In Russian)

5. Mirgaleev I.M. Svedeniya Abdulgaffara Kyrymi o Kazanskom hanstve // Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva. Sbornik statej. Vypusk 4. Kazan': Institut istorii im. SH.Mardzhani AN RT, 2012. S. 96–98. (In Russian)

6. Mirgaleev I.M. Svedeniya al-Hadzh Abd al-Gaffara Kyrymi ob islamizacii v Zolotoj Orde // Islam i vlast' v Zolotoj Orde. Kazan', 2012. S. 6–17. (In Russian)

7. Mirgaleev I.M. «CHernyj chelovek» Mamaj // Mamaj. Opyt istoriograficheskoj antologii. Sbornik nauchnyh trudov. Kazan': Izd-vo «Fen» AN RT, 2010. S. 183–197. (In Russian)

8. PSRL. Tom 4. Novgorodskiya i pskovskiya letopisi. SPb.: tip. E. Praca, 1848. 363 s. (In Russian)

9. PSRL. Tom 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka. M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 464 s. (In Russian)

10. PSRL. T. 28. Letopisnyj svod 1497 g. Letopisnyj svod 1518 g. (Uvarovskaya letopis'). M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 412 s. (In Russian)

11. Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, otnosyashchihsya k" istorii Zolotoj Ordy. Izvlecheniya iz sochinenij arabskih". T. I. Spb.: Tip-ya IAN, 1884. 564 s. (In Russian)

12. Utemish-hadzhi. Kara tavarih // Transkripciya I.M. Mirgaleev, E.G. Sajfetdinovoj, Z.T. Hafizova; perevod na russkij yazyk I.M. Mirgaleeva, E.G. Sajfetdinovoj. Kazan', 2017. 312 s. (In Russian)

About the author: Il'nur Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (420014, Kazan, Baturin str. 7, Russian Federation), e-mail: dilnur1976@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

УДК 94(477.75)

SOME ASPECTS OF DAILY LIFE OF THE CRIMEAN KHANATE CITIES

Elmira Abibullaeva
Ismail Gasprinsky Memorial Museum
Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation
Crimean Research Center,
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation
shems-annur@mail.ru

Abstract. The article reveals some aspects of the daily life within the period of the Crimean Khanate. Studies of everyday life help to identify not only the objective sphere of human existence, but the scope of its subjectivity as well. There is the illustration of how the way of everyday life is determined by human actions that affect the course of history. The paper gives a study of libraries, medicine, social life, and handicraft business in the Crimean Khanate.

Keywords: Crimean Khanate, daily life, cities, medicine, libraries.

For citation: Abibullaeva E. Some Aspects of Daily Life of the Crimean Khanate Cities. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 20–26.

After the formation of the independent Crimean Khanate in 1443, while the Giray dynasty being on the throne, some new cities appeared: Bakhchisaray, Karasubazar, Akmescit, Kezlev and others.

The administrative division of the Crimean Khanate was as follows. Bakhchisarayskoe kaymakanstvo included 6 kadylyks: Bakhchisaray, Mangupsky, Karakurtsky, Salgirsky, Mufti Arpalakskiy, Cachi Besh Peresy. Akmechetkskoe kaymakanstvo – 9: Akmechetsky, Yukari Ichkiyskiy, Ashaga-Ichkiyskiy, Dairskiy, Zuinskiy, Tashlysheykhelin Beshparesy, Tashlinskiy, Chounchinskiy Beshpare, Salgirskiy. Karasubazarskoe kaymakanstvo – 9: Karasubazar, Dipchongarskiy, Nasypskiy, Argunskiy, Burulchanskiy, Bochalatskiy, Orta chongarskiy, Kuchuk karasuvskiy, Tamakskiy. Kezlevskoe kaymakanstvo – 5: Kezlevskiy, Buinakskiy, Tarkhanskiy, Mangitskiy, Sheyhelskiy. Kefinskoe kaymakanstvo – 7: Kefinskiy, Sudakskiy, Shirinskiy, Tepe kerchenskiy, Orta kerchenskiy, Old-Crimean, Arabatskiy. Perekopskoe kaymakanstvo – 6: Perekopskiy, Kirk Baul, Karaul, Sakal, Samarchik, Cheterly. All in all there were 42 kadylyks in six kaymakanstv, including 7 kadylyks of kefinskiy kaymakanstvo [6, p. 36–39]. Kadylyks were divided into “shehir” (city), “karie” (country), “nahie” (village).

In turn, all the cities, countries and villages consisted of mahalla (blocks) – the smallest administrative unit of the town/city. In fact, each mahalla was a district and had a certain complex of public institutions (mosque, mekteb (school), madrasah, hamam, etc.), which formed an integral feature of any residential area of a medieval town/city, for everyday living. The connection between the mahalla and the settlement center was the network of countless narrow winding streets. There

was not any clear boundary between the quartets, but almost in each of them there was a mosque [1, p. 167].

The documents and sources of the Crimean Khanate period that have reached us show that the population had a high interest in reading. Certain layers (scientists, muderis, Cadi, mullahs) used libraries, and some had their own personal libraries. The largest collection of books was concentrated in the Palace library. Halim-Giray mentions the countless number of books in the library of Saadet-Giray I, who ruled in 1524–1532, noting the volume of the book “Hamse” by Alisher Navoi with the personal seal of Saadet-Giray [11, p. 27]. Omer Byyk, who studied the court registers of the Crimean khanate, in his work quotes the decree of Selim-Giray I on the registration of stored books in the Khan's library in 1692 [4, p. 123].

Among the assets of maderia and Mullah Seyid Abdunnabi, who lived in the quarter, Cami Kebir in the town of Bakhchisarai, specify the books from his personal library: Isagechi, Serb and Izzy, Lûgat-tercuman, Lûgat-jevbery, Tafsir and kadi, Tewarih, Shafie fi's-Sarf, Kaside and Burde, Risaleton fil, Mantic etc. (totally 82 books) [Güneş, 2006, p. 96]. Probably, muderis used these books in their professional activities.

There were the libraries at each higher education center (madrasah), stored in the collections of the Bakhchisaray historical-cultural and archeological museum and Russian national library of handwritten books from Zinjirli madrasah (built by Mengli Giray in 1500), one of the most prestigious educational centers of the Crimean khanate.

Considering daily life in the cities of the Crimean khanate, it is impossible to ignore medicine, as people at all times sought ways of treatment and relief from illness. Having studied the materials from the extant written sources, we can imagine medicine and its role in the life of the cities of the state.

Most of the references about the scientists-physicians are found in Evliya Çelebi. For example, when describing the capital of the Crimean khanate, the traveler wrote the following: “This ancient city is a source of scientists and a collection of wise men, the residence of poets, so there are many medical scientists. A skillful physicians and surgeons-bloodletter – very great masters in the science of the pulse, similar to Galena” [9, p. 111].

The traveler mentions about surgeons-blood-letting in the description of the town Kefe (Pheodosia): “This ancient town – a collection of scientists and a source of knowledge, and since the climate is amazing, and scientists are fond of amazing sciences and have a lot of knowledge. Skilled sages-surgeons-blood-letting know no equal" [9, p. 190].

In these quotations we are talking about hijama or hajamat “ قمامجح”, in translation from Arabic – the bloodletting. Probably, this method of treatment was popular among the population of the Crimean khanate, as it is a very simple and effective way to get rid of many diseases by removing dirty blood from the body.

Further on Evliya Çelebi listed the names of the famous Khan's surgeons living in Bakhchisaray: Dede Masum, slave Tarkan, Alp Akai. Describing Gezlev (Evpatoria), the traveler writes that in this country patients are rare, as it is a big city, there are wise scientists-doctors – Alisha mirza and Dudus ata. There are also commendable comments about the master surgeons of the Hungarian blood living in the town Gezlev [9, p.57].

Concerning special institutions for patients, the author writes: "...all patients and the weak are under the supervision at home. The Tatar people, for fear of the plagues, avoid [hospitals]. Near the mosque of Sahib Giray Khan [in Bakhchysaray] there is a hospital of a couple of rooms, sick people are being cared there" [9, p. 113]. From the descriptions of Evliya Çelebi it follows that in most cities of the Crimean khanate there were doctors specializing in certain areas of medicine.

New information about medicine was revealed during the analysis and study of the etymology of the nobles'names of the time. In defter for 1635 (in this context – list), compiled during the reign of Khan Inaet Giray, Maahlesh Çelebi [18, p. 143] had been mentioned. In two other defteras for 1637/1638-s, during the reign of Bahadir Giray I, in the list of the men closed to the court Maahlesh Aga [18, p. 168, 210] had been referred. In all three documents, this man is in the list under the title "Zerdeve bashlik ton tiish verrelekelen kullarymizdir" or "Zerdeve jian" (zerdeve is translated as "marten"; tiish – "the awarded"). It is known that the fur of this fur animal has long been highly valued and presented as a gift only to a narrow circle of respected people for their merits and personal qualities. In this case we are talking about an expensive robe with marten fur. Maahlish Aga was given the following gifts: one bathrobe (sirt ton), coat (kharin ton), two long shirts (iki tahte sirt), two short shirts (tahte kharyn), one fox cloak (tilke burke) [18, p. 143, 168, 209–210]. Mentioning of this man's name also occurs in the Court registry in 1701 in the name of the quarter Maalish Aga mahallesi (quarter Maalish Aga) with the same Maalish Aga gamisi (mosque of Maalish Aga) [4, p. 121].

A detailed analysis of the etymology of the name "Maalish" the following facts had been revealed: in Arabic there is the word "mualij – جالعم" is a physician (doctor), derived from the word "lyag" - medicine. When you pronounce the letter "j" at the end of the word it is pronounced as" sh", i.e. "maalish". It is possible that in documents of 1635, 1637/1638 and 1701 the word "mualij" is written as it is pronounced, namely "maalish".

Therefore, we can assume that we are talking about the doctor, whose profession name eventually replaced his real name. Maalish Agha was probably a healer of the Khan's family and court nobility of the Crimean khanate. According to surviving documents it is difficult to determine under which rulers, in addition to Inaet-Girey and Bahadir Girey I, there lived and practiced as a physician Maalish Agha. The fact is that this physician built a mosque, most likely in the quarter where he lived. Later, the whole quarter was called Maalish Agha. From the old buildings of the quarter Maalish Aga only a few tombstones of the cemetery of the quarter had been survived, which can be seen today in front of the Museum of I. Gasprinsky in Bakhchysaray (Fig. 1).

Medical Affairs in the Crimean khanate had been done by the foreigners as well: a court physician of Gazi Giray III in 1706, was a Frenchman Ferran; Khan Krym-Girey was treated by the Greek Siropulo [3, p. 335; 13, p. 83–85].

The sister of Haji Selim Giray, Ulu khani, had the attending physician - a local Jew, who cured her from a deadly disease. Therefore, the Princess released living on the territory of the fortress (Chufut Kale) Jews from certain obligations, in particular the poll tax [15, p. 48].

Therapeutic mud, located in the village of Sah or Sak (now Saki), was known in the period of the Crimean khanate. The healers were really the masters in the art of mud treatment: they dug a deep hole, put a patient in it, buried him in the dirt in

such a way that he could move only his head freely, but his body was completely buried in the dirt. After lying in this position for an hour and a half, the patient passed into another pit, located not far and full of warm water, and washed there [5, p. 337]. After this procedure, the patient got rid of pain in the joints and muscles.

The town of Crimea (Solhat) was famous for its thermal springs. According to D'Ascoli in 1634 in the "Description of the Black sea and Tartary": "…in the suburbs of this town fragrant flowers and herbs grow. Every year, from spring until July, there is a big arrival of people from all parts of Tartary to use tubs of hot water with flowers and herbs, healing people from many ailments" [7, p. 106–107].

The picture of the relationship of people in everyday life has not changed since then: people got married and divorced, borrowed money, and then returned it, sold their homes as Sheikh Ali Efendi from the village of Aziz [10, p. 94]. The buyer of Sheikh Ali Efendi house was Hafiz Mehmed Efendi, for whom now it was comfortable and close to teaching at the quarter school, as it was located in the southern part of the quarter, next to his purchased house. Fatma Totai from Bakhchisaray also sold her house for 1000 gurusha to Mehmegany Mull Asenby [10, p. 94]. It should be noted that in Bakhchisaray most of the houses were one - and two-storeyed, had gardens with fruit and non-fruit trees. In some of the yards there were water sources, a çeşme (fountain) [10, p. 95].

To resolve conflict situations, people went to court. For example, the inhabitants of the quarter Hadji, Esengeldi in Karasubazar complained about their neighbor Ummugulsum [14, p. 46]. The fence she built around her house prevented the outflow of water during heavy rains, therefore, the yards of all residents and the quarter mosque were constantly flooded. The way this lawsuit was resolved is unknown [14, p. 47].

On the pages of court registers in the recorded decisions a lot of details of daily quarterly life are revealed. For example, in Bakhchisaray in the quarter Shehre Custy Aisha Abay died. Her house and poor household equipment – an axe, a hoe, a small pot, two mattresses, two blankets, two pillows, a tripod under the boiler, etc. – were estimated at 7300 akche. She had no heir, therefore, spending 980 akche of the total for her funeral, the remaining part of the money the court in the presence of witnesses gave to muhtasib Maqsood Agha [al-sukuk al-Shariat va-s-sigilat al-mariyat, 1750-1751, vol. 72, l. 28 a]. E.V. Bahrevskiy explains the word "muhtesib" – the person, obliged to watch the prices at which artisans and merchants were selling their goods, the correctness of weights and measures. That man had the right to punish those who swindled in trade affairs, applying the wrong measures of weight or length [9, p. 246]. According to the dictionary by F. Develioglu, it is a municipal employee; a police officer, combining the position of a municipal employee [8, p. 676]. These minions of the law made the documentation, the account, for example: "According to the tarkhan book of muhtasiba agha, there are just nine thousand of the gardens of Paradise around the town of Bakhchisaray, like the garden of Irema. Grapes grown in the gardens on the banks of the rivers Kachi, Kazakly-ozen, Belbek and gardens Suren – tasty" [9, p. 114]. The position of a mukhtasib was almost in all major towns/cities of the Crimean khanate [9, p. 114, 136, 144, 173, 212]. In cases when a dead person had no heirs, the remaining money was transferred to the state Treasury through muhtasibes. Such solutions are found in Court registers (Kadiasker notebooks).

The theme of everyday life is also revealed in the epistolary heritage, which is represented in the work by V.V. Velyaminov-Zernov "Materials for the history of

Crimean khanate”, published in 1864 in St. Petersburg. Of great interest is the letter of Suleiman Efendi, written in 1633/1634 (second reign of Janibek Giray; Smolensk war) to his wife. From the first lines it turns out that Suleiman Efendi treated his wife with love and respect, referring to her: “Dear and beloved, my companion. The most majestic woman... I am constantly riding, so not so often I am able to write to you ...". Suleiman, knowing that if the order to go further in the campaign, he will not soon return home, maybe in battle he dies, says to the wife: “Give my regards to Shami Mahmud Çelebi. If we get the order to go on a hike, take kusur akche from him (deferred money. – *E.A.*) and akche, which is stored at Eljas Bek, you can have it, asking to testify our Mahmoud Kethude. He will help you with this case. Give them my regards (selamlar) too”. Next Suleiman Effendi sends greetings to many friends, acquaintances, neighbours and relatives, including the housework assistant Salykha kadyn and maids [18, p. 785–787].

The given information proves that the epistolary heritage reveals many facts, including the range of socio-cultural relations, the daily life of a certain segment of the population. It turns out that this couple was quite literate. The letters were sent by the postal service. By the descriptions of the French Consul Charles de Peysonnel, who was on a diplomatic mission in 1755 in the khanate, the postal service was free (free travel); cost of maintaining them was paid by Khan, donating the income per acre, derived from Nogai of Yanbolika. Postal stations of the khanate ended in Ochakovo. They were placed in different places: in Uluklukaram, Orkapy, Kadjanbak, Kezlev, Bakhchisaray, Akmechet, Karasu, Kaffe, where half of the cost was assumed by the khan, and also in Kersheni-Kale, Taman and Khaplu. At each station there were about sixty horses, and in general they were much better equipped than in Turkey [15, p. 38–39].

Everyday life would not be so bright and full without holidays, which were celebrated and observed with special attention. The main holidays of Muslims are the Day of Sacrifice (Kurban Bayram) and Ramadan. Evliya Çelebi described the celebration of Ramadan as follows: "... the noble month of Ramadan came and we spent it with a highly resistant Khan and Royal companions kakzak-sultans, and especially with the Lord of generosity Selim-Giray-Sultan. I had not spend Ramadan in any of the countries in such a way before. Then came the blessed holiday, and all the noble people, agas and sultans visited each other in the houses " [9, p. 201].

Handicraft business in the towns/cities of the Crimean khanate played an important role. It is known that the basis of the urban population of the Crimean khanate were artisans. This was the most significant layer of society.

Qadi, who conducted the audit of Bakhchisarai in 1701, recorded 13 candle shops [17, p. 302]. They were all held by non-Muslims. There were eight bakeries – all of their owners or tenants were Muslims. Baking cakes of unleavened dough – cherik, sericulture, peddling, comber’s craft, manufacturing maximy, mediation was a common practice. In addition to that, there were felts – kechegi, producing products such as tents-chadyrs and carpets-kilims; manufacturers-bezzazy, selling different fabrics; hatters-khalpakchi sewing hats-kalpak and putting them on the form; the potters-chemlekchi, producing different pitchers (desty, ibrik) and mugs (mashrapa); shoemakers-haffafi, currying goatskin, oxskin, cowskin and sewing mesty (soft shoes for men and women), boots-chizme, saddlebags sumy – haybe, sacks – chuval and torba; the smiths-nalbandi, giving grounding in horses, oxen; carders-hallaji worked with silk, brushed cotton, leather, fur … fur dyers of fabrics,

etc. [17, p. 304] (Fig. 2). The way of handicraft life which was developed under the Crimean khanate was partially kept until the end of the XIX century.

Thus, the towns/cities in the Crimean khanate were social and cultural centers, and the population, in turn, played an important role in the development and growth of towns/cities.

References

1. Abibullayev E. E. Mahalla is a territorial unit of the medieval town of Bakhchisaray on materials of Kadiasker notebooks // Golden Horde Review. No. 2.

2. Al-sukuk ash-shariat va s-sigilyat al-mariyat, 1750–1751. Vol. 72 / GBU RK Republican Crimean Tatar library after Ismail Gasprinsky, Sector of manuscript and archival materials.

3. Bakhrushin S. V. Main moments of the history of the Crimean khanates // Materials on archeology, history and ethnography of Tavria. Issue. 3. Simferopol: Tavria, 1993. P. 426.

4. Bıyık Omer. *Osmanlı yonetiminde Kırım (1600–1774)*. Izmir, 2007.

5. Buryanov V. Walk with children in Russia. Part IV. SPb.: Printing house of the Imperial Russian Academy, 1837 [2], XIII, [2], 391 p.

6. Cameral description of the Crimea, 1784, Message of a member of the Commission F. F. Lashkov // News of the Taurian Scientific Archival Commission. No. 6. Simferopol, 1888. P. 36–39.

7. D'Ascoli, E. D. Description of the Black sea and Tartary. Made the Dominican Emidio Dottelli D'Ascoli, prefect of Kaffa, Tatars, and so on. 1634 y. Access Mode: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym / XVII/1620-1640/ Askoli / frametext.htm.

8. Develioğlu Ferit. *Osmanlica-Turkce Ansiklopedik Lugat eski ve yeni harflerle*. Ankara, 2009.

9. Evliya Çelebi. Travel book. The Crimea and the neighboring region. Extract from the writings of Turkish traveler of the XVII century, Trans., introd. Article and comment by E. V. Bahrevsky. Simferopol, 2008.

10. Güneş Hasan Huseyin. Bahcesaray Cami-i Kebir mahallesi insanlar ve kurumlar // *Karadeniz Arastırmaları.* № 11. 2006.

11. Halim Giray Sultan. Rose Bush of khans, or the history of the Crimea. Transcriptions by A. Ilmi 1909 and explanations by K. Useinov, 2004. Ed. 2, Simferopol, 2008.

12. Kazan, 2015. P. 163–187.

13. Osterman V. Giray of Crimea, an ally of Frederick the Great. The prologue of clashes between Russia and Turkey. Theodor Mundt // News of the Taurian Scientific Archival Commission. Vol. 43. Simferopol, 1909. P. 1–87.

14. Özdem Zeynep. *Kırım Karasubazarda sosyo-ekonomik hayat (17 yüzyıl sonlarından 18 yüzyıllarına kadar)*. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 2010.

15. Peysonnel Sh. Note on little Tartary / Transl. Fr. by V. Lotosnikova. Dnepropetrovsk, 2009.

16. Timchenko V. N. Using Arabic script inscriptions cemetery of Gazi-Mansur and of other monuments of Bakhchisaray // Naukovi Collection of works. Issue. 8. Kiev, 2006.

17. Turan A. N. Features of everyday life of the Crimean people (XVII–XVIII centuries) // Culture of the Black Sea peoples. Simferopol, 2002, № 43.

18. Velyaminov-Zernov V. V. Materials for the history of the Crimean khanate. St. Petersburg, 1864.

19. Velyaminov-Zernov V.V. *Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıglar ve hatlar (St. Perersburg, 1864)*. Hazırlayanlar A. Melekozyetgin, İlyas Kamalov. Ankara: Turk Tarih Kurumu Basimevi, 2009.

About the author: Elmira E. Abibullaeva, Director, Ismail Gasprinsky Memorial Museum, Crimean Republican Institution "Bakhchisaray Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve" (133, Rechnaya Str., Bakhchisaray 298405, Crimea, Russian Federation); Research Fellow, Crimean Research Center, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (57 «L», Basenko Str., Bakhchisaray 298405, Crimea, Russian Federation), e-mail: shems-annur@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Э.Э. Абибуллаева
Музей Исмаила Гаспринского
Бахчисарай, Крым, Российская Федерация
Крымский научный центр, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Бахчисарай, Крым, Российская Федерация
shems-annur@mail.ru

Резюме. В статье раскрываются некоторые аспекты повседневной жизни в период Крымского ханства. Исследования повседневной жизни помогают выявить не только объективную сферу человеческого существования, но и сферу его субъективности. Существует иллюстрация того, как образ повседневной жизни определяется человеческими действиями, влияющими на ход истории. Статья посвящена изучению библиотек, медицины, общественной жизни и ремесленного дела в Крымском ханстве.

Ключевые слова: Крымское ханство, повседневная жизнь, города, медицина, библиотеки.

Для цитирования: Abibullaeva E. Some Aspects of Daily Life of the Crimean Khanate Cities. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 20–26.

Сведения об авторе: Эльмира Эбазеровна Абибуллаева – заведующая Мемориальным музеем Исмаила Гаспринского Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (298405, ул. Речная, 133, г. Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (298405, ул. Басенко, 57 «Л», Бахчисарай, Крым, Российская Федерация), e-mail: shems-annur@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

УДК 94 (560)

ТУРЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Р.А. Гаптрахимов
Казанский федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
atesh116@mail.ru
М.С. Гатин
Казанский федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
marat_gata@mail.ru

Резюме. История и культура Казанского ханства издавна вызывала интерес отечественных исследователей. Интерес был и у иностранных ученых, в том числе и у турецких. Однако изучение этого наследия долгое время было мало возможно. Только после распада СССР началось изучение турецких трудов по истории Казанского ханства. В данной работе были использованы труды Г. Баттал-Таймаса, А.-З. Валиди-Тогана, А.Н. Курата, И. Кемалоглу для того, чтобы определить их взгляды по вопросам культуры Казанского ханства. Эти личности считаются турецкими исследователями, хотя они были выходцами из Волго-Уралья, так как их труды издавались на турецком языке для турецкого читателя, и именно они являются основными по данной проблематике. Хотя их работы, в большинстве своем, были по всеобщей истории татар, а не конкретно по культуре Казанского ханства, в их трудах легко выделить основные идеи и по культуре этого средневекового государства. Эти идеи могут помочь по-новому взглянуть на историю, культуру и искусство Казанского ханства. Именно поэтому в последнее время все большее внимание уделяется зарубежной историографии.

Ключевые слова: Казанское ханство, культура, искусство, татары, турецкая историография.

Для цитирования: Гаптрахимов Р.А., Гатин М.С. Турецкая историография культуры Казанского ханства. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 27–35.

В современном мире идет активный процесс интернационализации науки. Многие отечественные исследователи интересуются историей стран Европы, Азии, Африки и Америки. То же самое наблюдается и в других государствах, по отношению к нашей стране. Учитывая тесные культурные и политические контакты, неудивительно, что историей России, а особенно историей Татарстана и татарского народа, интересуются турецкие исследователи. Хотя большинство трудов турецких историков посвящены истории Золотой Орды и ее взаимоотношениям с Османской империей, не оставили без внимания и историю Казанского ханства. Для изучения взглядов турецких исследователей были использованы такие труды, как «Казанские тюрки» Г. Баттал-Таймаса, «Тюрко-мусульманская культура в Казанском ханстве» А.-З. Валиди, сборник сочинений «Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном

Причерноморье в IV–XVIII вв.» А.Н. Курата, «Татары – завоеватели Евразии», «Сотрудничество некоторых армянских торговцев с русскими при падении Казанского ханства» И. Кемалоглу.

Первым обратил внимание турецкого читателя на историю Казанского ханства Г. Баттал-Таймас в своем обобщенном труде по истории татар «Казанские тюрки» [1, с. 5]. Этот татарский публицист и историк работал во многих татарских газетах и журналах. После очередного ареста Баттал бежал из страны в Финляндию в 1921 году, где некоторое время занимался преподавательской деятельностью в Хельсинки, там же он начинает писать свой труд «Казанские тюрки».

Затрагивая тему культуры, Габделбари Баттал, опираясь на русские летописи, отмечает существование в Казанском ханстве большого количества мечетей. Кроме того, приводя записи Ибн Русте о волжских болгарах и дневник русского офицера Н. Рычкова, побывавшего в Казанской губернии XVIII в., автор приходит к мнению, что в Казанском ханстве были широко распространены школы при мечетях. Также отмечается высокий уровень организации государственного аппарата и судебной системы, однако им не приводятся конкретные примеры и источники. Говоря о литературе, автор признает высокую художественную культуру ханства, но из примеров приводит только произведение «Жизнь Чингисхана и Аксак Тимура» и надгробные памятники.

А вот что говорит автор о религиозной ситуации на территории бывшего Казанского ханства после его взятия: «Русские варварски уничтожили мусульманские организации Казани, убили религиозных деятелей, сожгли мечети и медресе, с презрением смотрели на религию мусульман, насмехались над тюркскими традициями, лишили коренной народ прав и довели до уровня рабов» [1, с. 40].

Следующим автором, изучавшим историю и культуру Казанского ханства, был Ахмет-Заки Валиди Тоган со своей статьей «Тюрко-мусульманская культура в Казанском ханстве». Можно сказать, что данный труд А.-З. Валиди является весьма уникальным и полезным. Потому что, автор в своем труде впервые опубликовал ценнейший источник по истории Казанского ханства – сочинение Шерифи Хаджитархани «Зафер наме-и вилайет-и Казан» («Победная книга вилайета Казань»). Это десятистраничное произведение было найдено около Кютахьи, в районе Тавшанлы, в библиотеке Зейтиноглу. Данный труд, написанный в январе или феврале 1550 года (957 год по хиджре в месяце мухаррем), описывает осаду Казани Иваном Грозным зимой 1550 года, самоотверженное сопротивление казанцев, и отступление русских войск. Именно анализируя данную работу, Валиди попытался дать характеристику культуры Казанского ханства. Кроме того, автор использовал и другие источники татарского, русского и европейского прриcхождения: письмо Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II, ярлык Сахиб-Гирея 1523 года, Летописи из 19 тома Полного собрания русских летописей, «Книга о московитском посольстве» Паоля Иовия Новокомского, «Записки о Московии» С. Герберштейна. Кроме письменных источников, Валиди широко опирался на эпиграфические памятники и этимологию многих слов. Также автор использовал примеры фольклора, например, дастан «Чура Батыр» и легенды об основании Казани.

Теперь обратимся к литературе, которую А.-З. Валиди использовал при написании вышеуказанной статьи. Из татарских историков автор, прежде все-

го, опирался на труды Мурата Рамзи «Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей» («Тәлфик әл-әхбәр вә тәлких әл-асар фи вәкаиг, Казан вә Болгар вә мөлүк әт-татар»), Хади Атласи «Казанское ханство» («Казан ханлыгы») и «Сююмбике» («Сөен-Бикә»), Г. Баттала «Казанские тюрки» («Казан төркиләре»), Г. Юсупова «Введение в Булгаро-татарскую эпиграфику». Из русских историков использованы труды С.Шпилевского «Древние города и другие Булгаро-татарские памятники в Казанской губернии», Н.М. Карамзина «Истории государства Российского», С.М. Соловьева «История России с древнейших времён», И.Н. Березина «Турецкая хрестоматия». Также Валиди привлек и турецкую литературу, среди которых есть работы Халиля Иналджика и Фуата Кёпрюлю «Первые мистики в турецкой литературе». Кроме таких больших трудов, автор использовал статьи из разных турецких журналов и газет, например, «Журнал института исследования ислама» №1 (1954 год) и «Новый Туркестан» №2-3 (1927 год).

В своей работе Тоган затрагивает достаточно разные аспекты. Важное место в ней занимает тема языка, на котором говорили казанские татары в XVI веке. Проанализировав надгробные памятники, опубликованные в книге Г. Юсупова [2, с. 203], автор приходит к выводу, что до начала XIV века мусульмане бывшей Волжской Булгарии разговаривали на чувашском языке [8, с. 299]. Хотя сам Г. Юсупов в своем труде явно доказывает обратное. Однако, ситуация изменилась после завоевания территории Булгарии монголами: «В эпоху Золотой Орды, в частности после 1300 годов, Булгария и Казань становятся центром распространения ислама и в это же время «Чувашский литературный тюрки» остается неофициальным языком булгарских мусульман, а на его место приходит, судя по надгробным памятникам, среднеазиатский литературный тюрки» – утверждает Валиди [8, с. 299].

Кроме того, автор указывает и на то, что определенное влияние на язык казанских татар оказывало и государство Ильханов. То есть, было влияние и персидского языка. Вот что пишет Валиди: «Также в Казани употреблялись термины, употребляемые в Азербайджане и Хорасане, например вместо слова «рабад» использовалось «бисте», то есть пригород, окраина. В других городах бассейна Волги «бисте» не встречается» [8, с. 301]. Кроме того, для доказательства влияния иранской культуры автор приводит слова, которые встречаются в русских летописях, это слова «муллазаде», «шейхзаде», «сеидзаде», и слова из современного татарского языка, например, «бәлеш» пришел из персидского «بالش», что означает «подушка».

Известно, что до начала XX века, татарский язык, как и многие другие тюркские языки, отображался с помощью арабской графики, которая распространилась в Поволжье с момента принятия ислама в 922 году. Валиди смог рассмотреть влияние иранской культуры благодаря стилю письма, используемой на территории Казанского ханства. «Письма, отправленные казанским правителем Улуг-Мухаммедом Мураду II в 1428 г. и крымским ханом Хаджи Гиреем Фатиху Султану Мехмеду в 1453 г., были написаны почерком «дивани», развитым на высоком уровне в Тебризе и Герате. Язык письма – красивый восточный тюркский[1]… Однако грамота (ферман) Сахиб-Гирея 1523 года настолько плохо написан, а язык настолько невежественен, что это показывает

[1] Здесь идет речь о чагатайском языке.

о влиянии восточной цивилизации (Тебриза и Герата) на Казань в волнообразной форме» – пишет автор [8, с. 302]. И. Муктасимов соглашается с Валиди о персидском влиянии на ярлык Сахиб-Гирея [5, с. 33–34]. При анализе труда «Зафер наме-и вилайет-и Казан» Тоган обращает внимание и на фактический материал. Так, автор указывает, что в труде Шерифи дано очень много различных имен, особенно ученый остановился на названиях каждых из врат, описанных в труде.

Для изучения взглядов одного из основоположников турецкой истории А.Н. Курата мы воспользовались книгой «Собрания сочинений А.Н.Курата: «Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв.» [4, с. 416], которая была издана в Турции в 2002 г, а переведена на русский и издана в Казани в 2015 г. В данной книге истории Казанского ханства уделено большое внимание.

Для начала необходимо рассмотреть списки использованных источников и литературы. Из источников А.Н. Курат использовал ярлыки Сахиб-Гирей хана и Ибрагим хана, «Зафер наме-и вилайет-и Казан», поэму «Тухваи Мардан» Мухаммедьяра, Сказания Андрея Курбского о взятии Казани, русские летописи и другие источники из «Истории Татарии в документах и материалах». Кроме этого, Акдес Нигмет Курат опубликовал найденные им источники: письмо казанцев муфтию Крыма написанное Рахманом Кулу в 1635 года и «Путевые заметки» Андрея Тарановского от 1569 года.

Также автор привлек большое количество исторических трудов различных историков. Из татарских историков Курат обращался к таким трудам как, «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») Шигабутдина Марджани, «Тәлфик әл-әхбәр вә тәлких әл-асар фи вәкаиг, Казан вә Болгар вә мөлүк әт-татар» («Собрание сведений из прошлых событий Казани, Булгара и татарских царей») Мурата Рамзи, «История тюрко-татар» Ахмет-Заки Валиди, «История Болгара» Гайнетдина Ахмерова, «Казанское ханство» Хади Атласи, «История татар» Газиза Губайдуллина. Из русских историков Курат обращается к трудам Н.М. Карамзина «История государства Российского», С.М. Соловьева «Истории России с древнейших времен», Н.Н. Адашева «Татарские земляные письма XV века», М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», Н.Н. Фирсова «Прошлое Татарстана», Н.Ф. Калинина «Казань. Исторический очерк», С. Бахрушина «Казанское ханство, В.В.Вельяминова-Зернова «Исследования о касимовских царях и царевичах». Из турецкой литературы историк обращался только к труду «Казанские тюрки» Г. Баттала и к своим прошлым трудам, что еще раз показывает малоизученность темы в Турции.

Хотя А.Н. Курат уделяет политической истории большее внимание, автор изучаемого нами произведения пишет и о других аспектах жизни ханства. Курат считает, что казанские татары были более развиты, чем финно-угорские народы, а также чем другие татары. Причину в этом автор видит в более раннем принятии ислама. Ислам, по мнению Акдеса Курата сыграл важную роль в культуре Казанского ханства. Сильное влияние в этом плане оказала культура Туркестана, а особенно движение исламского мистицизма, которая началось еще в период Волжской Булгарии. «Особую популярность получил тарикат Накшбандия» – пишет автор [4, с. 189]. Кроме этого автор заключает, что из-за того, что большая часть населения жила в селах, а не в городе, было невозмож-

но такое развитие культуры и науки как в Самарканде, Бухаре и Стамбуле. Но все же автор отмечает работы «Тухфа-и мардан» и «Нуры содур» такого поэта времен Казанского ханства, как Мухамедьяра Махмуд Хаджи углы. Говоря об архитектуре, отмечается отсутствие примеров городской культуры. Но делается предположение, что на нее оказала влияние архитектура туркестанского города.

Военную культуру казанцы переняли у Золотой Орды. Основную часть войска составляла кавалерия, позже, при защите Казани, начали использовать пехоту, которая в большинстве состояла из черемисов. Курат пишет о существовании речного флота, где самыми искусными считал чувашей. Также автор пишет, что основным оружием были лук, меч и копье, позже появилось и огнестрельное оружие [4, с. 192].

Последней изучаемой нами работой стали труды современного турецкого исследователя Ильяса Кемалоглу «Татары – завоеватели Евразии» и «Сотрудничество некоторых армянских торговцев с русскими при падении Казанского ханства». Данные работы весьма интересны, так как показывают современное развитие турецкой историографии Казанского ханства. В свою работу «Татары – Завоеватели Европы» Ильяс Кемалоглу завершил в 2007 году в Стамбуле. Исследование состоит из 15 глав. Так как глава «Казанское ханство: возникновение и развитие» на самом деле написана С.Х. Алишевым, а И. Кемалоглу только перевел ее, мы не будем включать ее в свой анализ. Таким образом, остается только одна глава «Царица Сююмбике и захват Казани русскими войсками», которую нам предстоит проанализировать.

В своей главе по истории Казанского ханства автор привлек достаточно большое количество исторических источников. Из татарских источников И. Кемалоглу привлек только ярлык Сахиб-Гирей хана. В основном же автор обращается к русскоязычным источникам: Великие Четьи Минеи, Никоновская летопись, Московский летописный свод конца XV в., Мазуринский летописец, Казанский летописец, сведения А.М. Курбского о взятии Казани. Из европейских источников приведено только «Путешествие в Тану» Иософата Барбаро.

Теперь стоит рассмотреть использованную литературу, автор привлек достаточно широкий круг исторических трудов. Татарских историков, к трудам которых обращался И. Камалов, можно разделить на 2 группы: историки начала XX века и современные историки конца XX – начала XXI в. Из первой группы Кемалоглу обращался к таким трудам, как «Мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар» («Кладезь сведений о делах Казани и Булгара») Шигабутдина Марджани, «История тюрко-татар» А.-З. Валиди, «История Булгара» Р. Фахретдина, «Сююмбика» и «Казанское ханство» Х.Атласи. Ко второй группе относятся труды: А.Г. Мухамадиева «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.», С.Х. Алишева «Казань и Москва. Межгосударственные отношения в XV–XVI вв.», И.Л. Измайлова ««Казанское взятие» и имперские притязания Москвы», Ш. Ахмадиева «Знаменитейшая из женщин Суюмбике», Ф.А. Рашитова «История татарского народа: с древнейших времён до наших дней», И. Рамиева «Образ Суюмбике в татарской истории» и «Образ Сююмбике в труде русского писателя А.Н.Грузинцева». Также автор обращался к статьям Г.М.Давлетшина, Ф.Ш. Хузина, И.Л. Измайлова, Б.Л. Хамидуллина. И.Кемалоглу привлек и большое количество трудов русских истори-

ков: М.Г.Худякова «Очерки по истории Казанского Ханства», В. Мавродина «О появлении огнестрельного оружия на Руси», Г.А. Федоров-Давыдова «Клады джучидских монет», М.Н. Тихомирова «Древняя Москва XII–XV вв.», В.В.Похлебкина «Татары и Русь: 360 лет отношений, 1238–1598 гг.». Также автор привлек и иностранную литературу. Это работа египетского ученого Аль-Холи Амина «Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв.» и американского экономиста Б.С. Ишболдина ал-Бекри «Очерки из истории татар». Из турецкой литературы автор обращался к трудам Х. Гулечюза, Ф.Кёпрюлю, А. Курата, М. Озйетгин и т.д. Также к турецкой литературе можно отнести труд татарского публициста, журналиста, историка, чью работу мы разбирали выше, Г. Баттала «Казанские тюрки», так как он был написан на турецком языке и издан в Турции.

Сначала стоит отметить, что И. Кемалоглу придерживается мнения, что Казанское ханство, или даже Казанский вилайет, существовало ещё во времена Золотой Орды, а когда к власти пришел Махмуд, сын Улуг-Мухаммеда, произошла смена булгарской династии на Чингизидскую [9, с. 117–127].

Как видно по названию главы «Царица Сююмбике и захват Казани русскими войсками», автор уделял внимание больше политической истории при правлении Сююмбеки. Однако говоря про культуру, он затрагивает архитектуру башни Сююмбике. И. Кемалоглу говорит, что такие исследователи, как В. Суслов, И. Грабар, П. Дульский, Н. Калинин, С. Айдаров, С. Халиков считают, что башню построили русские зодчие. Вторую группу составляют Н. Баженов, К. Невоструев, М. Пинегин, Ш. Марджани, К.Насыри, Г. Ахмеров, Х. Атласи, З.-В. Тоган, Г. Баттал, Р. Фахретдин, которые считают башню результатом развития татарской архитектурной мысли. Автор придерживается мнения второй группы. Сторонники русского происхождения башни считают, что башня Сююмбике похожа на Боровицкую башню в Москве. Говоря, что современная башня была построена по прообразу старой, Ильяс Хутдетович считает, что это татарская архитектура оказывала влияние на московскую. В доказательство он приводит аргумент, что церковь Василия Блаженного очень похожа на 8-минаретную Соборную мечеть Старой Казани, а Казанский вокзал сделан в стиле башни Сююмбике [9, с. 149]. Вторым аргументом автор считает тот факт, что для русских эта башня не является «священной». Название этой башни в честь татарского героя Сююмбике, наличие стихов, песен, баитов про башню только у татар – третий аргумент, доказывающий, что башня Сююмбике является продуктом татарской архитектуры [9, с. 149–150]. Говоря о времени постройки башни, Кемалоглу соглашается с мнением Х.Атласи, что здание было построено во времена Казанского ханства, и получила название, когда Сююмбике рядом проливала свои слезы. Некоторые исследователи считают, что башня была возведена в 30–40-е годы XVI вв., но изначально состояло из 3-4 ярусов с куполообразным окончанием и служило в качестве одной из частей мечети. Но в XVIII веках из неё сделали дозорную башню добавив недостающие 3-4 яруса [2, с. 234–236].

Подытоживая указанные сведения, стоит сказать, что турецкие историки большее внимание уделяют политической истории Казанского ханства. Однако среди их трудов можно выявить информацию и о культуре Казанского ханства. Хотя каких-то сенсационных выводов авторы указанных выше трудов не делают, их работы помогают пролить некоторый свет на культуру и искусство

Казанского ханства. К сожалению, турецкие исследователи игнорируют искусство и архитектуру Казани, хотя было бы очень интересно посмотреть сравнительную характеристику архитектуры Казанского ханства, как это сделал, например, Нияз Халит в своем труде «Очерки по архитектуре Ханской Казани» [6, с. 230].

В целом можно сказать, что за последнее столетие турецкая историческая наука сильно продвинулась вперед, хотя еще есть много не решенных вопросов. Несомненный вклад в области исторической науки, особенно по истории Поволжья и Приуралья, сделали выходцы из этих регионов, которые по различным обстоятельствам оказались на территории Турецкой республики и даже не теряли интерес к своей родине.

Список литературы

1. Батталов Г.А. Казан төркиләре. Тарихи язмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 192 б.

2. Галлямов Р. Башня Сююмбике Ханской мечети… // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. Казань: Изд-во: «Фэн». 2002. 20 с.

3. Калимуллина А. Источники труда "Краткая история тюрко-татар" А.-З. Валиди // Тюркологические исследования: Journal of Turkology. Казань. №10. 2010. 212 с.

4. Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. / Ответственные редакторы: И.М. Миргалеев, Д.М. Гайнутдинов. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 416 с.

5. Мустакимов И.А. Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 5. Казань, 2013. 236 с.

6. Халитов Н.Х. Очерки по архитектуре Ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. Казань: Издательство "Мастер Лайн", 1999. 232 с.

7. Юсупов Г.В. Введение в Булгаро-татарскую эпиграфику, М.;Л: Изд-во АН СССР, 1960, 203 с.

8. Toğan Z.V. Kazan hanlığında islam türk kültürü // Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 273 с.

9. Kamalov İ. Avrasya Fatihi Tatarlar, Kaknüs Yayınları, İstanbul, 2007. 395 s.

Сведения об авторах: Гаптрахимов Рамиль Аскатович, магистрант второго курса кафедры регионоведения и евразийских исследований Института международных отношений КФУ, e-mail: atesh116@mail.ru

Гатин Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Института международных отношений КФУ, e-mail: marat_gata@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

TURKISH HISTORIOGRAPHY OF CULTURE OF THE KAZAN KHANATE

R. Gaptrahimov
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
atesh116@mail.ru
M. Gatin
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
marat_gata@mail.ru

Abstract. The history and culture of the Kazan khanate has attracted the interest of domestic researchers for a long time. Foreign scientists, including Turkish ones, had the same interest. However, the study of this heritage was impossible for a long time. Only after the collapse of the USSR began the study of Turkish works on the history of the Kazan khanate. In this work the researchers of G. Battal-Taimas, A.-Z. Validi-Togan, A. N. Kurat, I. Kemaloglu were used to determine their position about the culture of the Kazan khanate. These scientists are considered Turkish researchers, although they came from the Volga region and the Urals, as their works were published in Turkish for the Turkish reader, and they are the main ones in this issue. Although their works, most of all, were about the General history of the Tatars, and were not specifically the Kazan khanate, it is easy to identify the main ideas of the culture of this medieval state in their works. These ideas can help to look at the history, culture and art of the Kazan khanate from another angle. That is why in recent years more and more attention is paid to foreign historiography.

Keywords: Kazan khanate, culture, art, Tatars, Turkish historiography.

For citation: Gaptrahimov R., Gatin M. Turkish Historiography of Culture of the Kazan Khanate. *Tyurkologicheskie issledovaniya=Turkological Studies*. 2019; 2(2): 27–35. (In Russ.)

References

1. Battalov G.A. Kazan tərkiləre. Tarikhi yazmalar [Kazan Turks. Historical record]. Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1996. 192 b. (In Tatar)

2. Gallyamov R. Bashnya Syuyumbike Khanskoy mecheti… [Soyembika tower of the Khan mosque…] // Kazanskoye khanstvo: aktual'nyye problemy issledovaniya. Materialy nauchnogo seminara «Kazanskoye khanstvo: aktual'nyye problemy issledovaniya». 5 fevralya 2002 g. Kazan': Izd-vo: «Fen». 2002. 320 s. (In Russian)

3. Kalimullina A. Istochniki truda "Kratkaya istoriya tyurko-tatar" A.-Z. Validi [Sources of labor "a brief history of the Turko-Tatars" by A.-Z. Validi] // Tyurkologicheskiye issledovaniya: Zhurnal tyurkologii, Kazan', №10, 2010. 212 s. (In Russian)

4. Kurat A.N. Sobraniye sochineniy. Kniga 2. Tyurkskiye plemena i gosudarstva v Povolzh'ye i Severnom Prichernomor'ye v IV-XVIII vv.[Collected works. Book 2. Turkic tribes and States in the Volga region and Northern black sea region

in IV-XVIII centuries] / Otvetstvennyye redaktory: I.M. Mirgaleyev, D.M. Gaynutdinov. Kazan', Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2015. 416 s. (In Russian)

5. Mustakimov I.A. Yeshche raz o kazanskom yarlike khana Sakhib-Gireya [Again the label of the Kazan Khan Sahib Giray] // Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva. Sbornik statey. Vypusk 5. Kazan', 2013. 236 s. (In Russian)

6. Khalitov N.KH. Ocherki po arkhitekture Khanskoy Kazani. Gipotezy. Fakty. Razmyshleniya [Essays on the architecture of Khan's Kazan. Hypotheses. Data. Reflections]. Kazan': Izdatel'stvo "Master Layn", 1999. 232 s. (In Russian)

7. Yusupov G.V. Vvedeniye v Bulgaro-tatarskuyu epigrafiku [Introduction to the Bulgaro-Tatar epigraphy]. M.;L: Izd. AN SSSR, 1960, 203 s. (In Russian)

8. Togan Z.V. Kazanskiy khanlydinda islam tyurk kyultyuru [Islamic Turkish culture in Kazan Khanate] // Khamidullin B.L. Narody Kazanskogo khanstva: etnosotsiologicheskoye issledovaniye. Kazan': Tatarskoye knizhnoye izdatel'stvo, 2002. 273 s. (In Turkish)

9. Kamalov İ. Avrasya Fatihi Tatarlar [Eurasia Conqueror Tatars]. Kaknüs Yayınları, İstanbul, 2007. 395 s. (In Turkish)

About the authors: Ramil Gaptrahimov, Master Student of the second course, Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation), e-mail: atesh116@mail.ru

Marat Gatin, Cand. Sci. (History), Associate Professor Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation), e-mail: marat_gata@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

УДК 94(574)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАЗАХСКОЙ ИСТОРИИ (XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВВ.). К ВОПРОСУ О ЕЕ «ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОСИ»

Р.Н. Шигабдинов
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан
г. Ташкент, Республика Узбекистан
rinatuz2010@mail.ru

Резюме. В статье характеризуется процесс смены этносов, государственных образований, а также изменения международной обстановки по периметру казахских границ (но и ритмы мировой истории в целом) в XVI – первой половине XIX вв., которые приводили к возникновению различных ситуаций, менявших на время геополитический статус казахских земель, их стратегическое положение в центре Евразии, что сильно влияло на историческую судьбу казахского народа.

Ключевые слова: Казахские степи, Средняя Азия, Туркестан, казахи, геополитика.

Для цитирования: Шигабутдинов Р.Н. Некоторые аспекты казахской истории (XVI – первая половина XIX вв.). К вопросу о ее «географической оси». *Тюркологические исследования.* 2019; 2(2): 36–55.

(Первую часть статьи см. в предыдущем номере)

К востоку от казахских земель, Джунгария, бывшая в прошлом небольшой частью мировой монгольской державы, к XVII веку лучше других уцелевших степных реликтов великой эпохи «бури и натиска» кочевого мира, сохранила традиции той эпохи, в столетие перехода от средневекового к новому времени, предприняла героическую и трагическую по своему исходу попытку осуществить «Второе издание» монгольской империи. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в первой половине XVII столетия, в период разворачивающейся экспансии капиталистического Запада, охватывавшей все более значительные части Ойкумены, в Евразии – от Халхи до Персидского залива – имел место мощный (и последний) всплеск геополитической активности Степи: как в Джунгарии, так и в Иране (держава Надир-шаха) попытки создания империй инициировала кочевая ментальность.

Уже после падения в 1368 году династии Юань, ойраты (западные монголы), перестав признавать главенство восточномонгольских правителей-чингизидов, изгнанных из Китая, стали не только вполне суверенным государством, но и явно претендовать на главенство среди других монгольских племен и народов [48, с. 3–4]. В начале XVII века среди ойратских поколений в Джунгарии последовательно появлялись деятельные князья, которые стремились сплотить ойратский этнос в одно целое [31, с. 22]. После откочевки части ойратов в северо-западном направлении, в низовья Волги и Урала, где они приняли подданство Российской империи и стали известны как волжские калмыки, процесс образования Джунгарского ханства ускорился, поскольку накал междоусобных войн снизился [28, с. 90].

В то же время в Джунгарии и Тибете стали развиваться идеи своеобразного панмонголизма и панламаизма, которые выразились в планах образования самостоятельного мощного государства, способного противостоять возраставшей цинской угрозе с востока [31, с. 152–153]. О подобном синтезе В.П. Юдин в свое время писал, что «чингисизм, основой которого было утверждение исключительности и избранничества татаро-монголов, их право на мировое господство, легко образовывал симбиоз с любой идеологической системой, подчинявшейся ему, или инкорпорировался в ее состав в приемлемых для него формах и масштабах» [90, с. 110].

Возникшее Джунгарское ханство стало играть доминирующую роль в системе международных отношений в Центральной Азии. Военная сила и политическое влияние этого кочевого государства на протяжении столетия (1635–1758) были настолько значительны, что с ним были вынуждены считаться правящие круги Средней Азии, Казахстана и даже цинские императоры Китая и русские цари. Многочисленным победам джунгар способствовали наличие сильной центральной власти, а также уходящие своими корнями в глубокое прошлое военное искусство и военная организация [60, с. 68–70]. Это давало возможность правителям государства, которое находилось в состоянии военно-политической конфронтации практически по всему периметру своих границ совершать грабительские походы на территорию Казахстана и активно вмешиваться в политическую жизнь Средней Азии, где с начала XVIII века Бухарское государство переживало «великое настроение» общей анархии, развала, непокорности феодалов и беспокойных узбекских племен «правой и левой стороны» [77, с. 5], что привело к образованию в конце 1722 года независимого от Бухары Самаркандского ханства во главе с Раджаб-ханом, которого «по чингизханову обычаю подняли на белом войлоке» [1, с. 69]. Вмешательство особенно усилилось после завоевания в 1723 году войсками Цэван-Рабдана Присырдарьинского района с его городами. Ш. Б. Чимитдоржиев заметил, что факты свидетельствуют о том, что ойраты за соответствующую мзду, возможно, за признание за ними района Сырдарьи, отзывались на зов мусульманских правителей раздробленного Мавераннахра [87, с. 25]. Вообще, осознание джунгарской правящей верхушки ценности и важности обладания этим регионом несомненно, поскольку его утрата лишала казахских ханов материальной, военно-политической базы, что предельно ослабляло центральную власть. Думается, что именно потеря Туркестана («географической оси») в сильной степени повлияла на углубление кризиса казахской государственности, и связь между ними не случайно-синхронная, но в определенной мере причинно-следственная.

Таким образом, Присырдарьинский район, даже будучи утраченным Казахским ханством, продолжал играть важную роль в этом регионе Евразии, став возможным плацдармом будущих джунгарских завоеваний в Средней Азии и Казахстане. Естественно, что реализация таких грандиозных по меркам XVIII века замыслов была бы сопряжена со многими трудностями даже в условиях «стратегического затишья». Но его не было.

В Китае маньчжурская верхушка, восприняв китайскую традиционную догму об извечном превосходстве своей империи над всеми странами, считала Китай центром Поднебесной, а окружающие его народы – вассалами Китая [86, с. 38]. И с середины 90-х годов XVII века маньчжурские завоеватели в лице

династии Цин, укрепив свои позиции в Китае, установив еще более жесткие, чем когда-либо прежде, нормативы конфуцианской империи [13, с. 137], подавляя инакомыслие и сомнение в интеллектуально-духовной сфере [21, с. 331], и используя мощный экономический потенциал покоренной страны для удовлетворения своих имперских амбиций, начали распространять свое влияние в Центральной Азии. Главным направлением расширения империи стал Западный край – территория современного Синьцзяна и более западные земли – казахские и среднеазиатские. Поэтому война с Джунгарией, приступившей к созданию монгольской империи, способной противостоять цинскому Китаю, стала неизбежной.

Думается, что в непосредственной связи с будущими войнами и завоеваниями на западе находится реформа налогообложения в цинском Китае – законы начала XVIII века, в частности декрет 1712 года императора Канси[1], отменивший принцип подушного налогообложения, который способствовал стабилизации численности населения страны и использовался всеми предыдущими династиями [51, с. 161]. Переход к налогообложению недвижимости, дающей средства существования упростил и удешевил систему налогообложения, позволив тем самым извлекать больше средств, необходимых для проведения имперской политики. Так, война Цинов с джунгарским правителем Цэван-Рабданом длилась до смерти императора Канси (1736 г.) и была исключительно трудной для империи. Армии терпели поражения, а огромные военные расходы тяжело отражались на государственных финансах [31, с. 225]. Но изменение системы налогообложения привело к ускоренному и неконтролируемому росту численности населения и стало решающим фактором демографического взрыва в XVIII веке, к концу которого произошло почти трехкратное увеличение числа подданных, что подытожил второй после Канси император Цяньлун, сказав, что в стране «производителей все меньше, а пожирателей все больше» [51, с. 162].

Демографический взрыв имел своим результатом нехватку продовольствия, голод, безработицу и восстания китайцев под руководством тайных обществ «Триада», «Белый лотос». Такой исход был предвидим и тот же Цяньлунь, надеясь, что расширение империи даст определенный выход «избытку» китайского населения, заявлял, что ни одно китайское правительство «не может быть здоровым и сильным, если оно пренебрегает обширными пустынными пространствами Центральной Азии и Северо-Запада» [50, с. 19]. Обширные пространства пустынными отнюдь не были. На них жили, вели хозяйство и развивали свою культуру кочевники Великой степи. Особенно большую территорию занимал казахский этнос, территорию весьма удобную для развития земледелия и по этой причине привлекавшую к себе не только цинскую империю, но и российскую, а позднее и Кокандское ханство.

В итоге, после нескольких десятилетий ожесточенных войн цинские войска не только стерли ойратское государство с лица земли, но и истребили сотни тысяч его обитателей [31, с. 279]. По словам русского ученого Г.Е. Грум-

[1] Примечательно, что в 1712 году послы Китая, получив разрешение российского Сената, приехали на Волгу к хану калмыков. «Китайцы» хотели уговорить его воевать с Джунгарским ханством. Но Сенат советовал калмыцкому Аюке-хану отказаться от участия в войне. Поэтому попытка Цинов организовать западный фронт против Джунгарии успехом не увенчалась [31, с. 225].

Гржимайло, было совершено событие, «страшное по той демонической злобе, которую проявил тогда победитель, – поголовное истребление китайцами целого джунгарского племени» [26, с. 4]. Манчжуро-китайская армия действовала согласно указу императора Цяньлуна от 1756 года, который гласил: «истребить» ойратов «вообще» [50, с. 5]. После этого в Пекине обратили взоры на запад, полагая возможной реализацию имперских устремлений правителей Поднебесной. Однако, мусульманский Восточный Туркестан, сведенный вместе с опустошенной Джунгарией в особую военно-административную единицу – имперское наместничество Синьцзян («Новая территория», «Новая граница»), не только не стал надежным плацдармом для вторжения в Казахстан и Среднюю Азию, но, напротив, превратился в «ахиллесову пяту» Цинской империи в этом регионе. Даже в XIX веке, по наблюдениям российских пограничных офицеров, в Пекине на нее «смотрели скорее как на ссыльное место, нежели на производительную часть Империи»[1], а периодические восстания мусульман даже служили предлогом для повышения налогов во всем Китае [71, с. 99].

Встревоженные слухами о военных приготовлениях на востоке, казахские султаны и правители среднеазиатских государств предприняли попытку создать антицинскую мусульманскую коалицию под флагом «священной войны» против язычников-китайцев, возлагая надежды на афганского Ахмад-шаха. Последний, даже ведя постоянные войны, счел необходимым предотвратить китайское проникновение в Среднюю Азию и в 1763 году выслал небольшой отряд на защиту Ташкента [25, с. 121–122]. Угроза встречи с объединенным мусульманским миром и наличие беспокойной Кашгарии на собственно китайской территории заставили императора Цяньлуна остановить движение своих войск у рубежей Средней Азии и Казахстана. К этому следует добавить, что геополитическая инициатива Пекина вызвала «стратегический резонанс» на севере: императрица Екатерина II в 1764 году направила в Кандагар к афганскому правителю Ахмад-шаху Дуррани, со специальной миссией капитана русской армии Богдана Асланова, которому, помимо налаживания российско-афганских политических и торговых отношений, было поручено сделать Ахмад-шаху предложение, чтобы он в случае боевых действий с китайскими войсками находился бы в контакте с русскими «пограничными командирами» [24, с. 83].

Таким образом, надежды цинских правителей Поднебесной на «обширные пустынные пространства» как территорию китайской колонизации не оправдались. Череда же казахско-джунгарских войн, наиболее тяжелые и продолжительные из которых имели место в начале XVIII века, привели к «годам Великого бедствия» (1723–1727), бывших прямым следствием отсутствия политического единства, но и к «Арнакайской битве», в которой казахское ополчение разгромило войско джунгарских «латников и пансырников». В контексте противостояния континентальных Оседлости и Степи эти войны привели к истощению двух кочевых этносов. В результате, Джунгарское ханство не только исчезло с политической карты Евразии, но и потеряло большую часть своего населения, истребленного захватчиками. Эти же войны, по замечанию совре-

[1] ЦГА РУз (Центральный Государственный архив Республики Узбекистан), ф. И-715, оп. 1, д. 49, л. 117.

менного историка, в исторических судьбах казахского народа сыграли важнейшую роль, поскольку они в значительной степени определили характер и динамику начального этапа присоединения Казахстана к России [61, с. 22]. То есть, Казахстан отстоял независимость в борьбе с Джунгарией и даже раздвинул пределы своих кочевий на востоке и западе. Но одновременно, в условиях распада казахской государственности, начался довольно длительный и сложный, с точки зрения событийного содержания, процесс вхождения казахских земель в состав Российской империи [59, с. 321].

Последние из крупных кочевых этносов Евразии – казахи, калмыки – в ходе наступления Оседлости на Степь постепенно оказывались в своеобразном цивилизационном кольце. Государства аграрно-урбанистического мира предъявляли степнякам исторический императив: безусловный переход к оседлому образу жизни. В этом отношении показателен так называемый «торгоутский побег» из пределов Российской империи обратно в опустошенную и разоренную цинскими войсками Джунгарию. Один из видных представителей калмыцкой знати в обоснование необходимости ухода из России на родину предков заявлял: «Смотрите, ваши права ограничиваются во всех отношениях. Русские чиновники обращаются с вами ужасно, а правительство хочет поделать из вас землепашцев. Вот покрылись казачьими станицами берега Урала и Волги, вот и северные окраины ваших степей заселены немцами; еще немного времени, и будут заняты Дон, Терек и Кума, а вас стеснят на безводных пространствах и погубят ваши стада» [88, с. 52]. Однако, не менее показательно и то, что волжским калмыкам, имевших целью перекочевки свободное освоение кочевий уничтоженных маньчжуро-китайскими войсками соплеменников, по прибытии в Синьцзян цинские власти навязали принципы покорности и послушания, сделав упор на создание военно-административных единиц, почему и расселили их разобщено, проводя политику изоляции и разобщенности калмыков [88, с. 61].

Движение России на юг, в степные просторы, в значительной степени определялось фактором аграрной колонизации, игравшим в пространственном аспекте российской истории едва ли не ключевую роль. Но расширение империи в пространстве географии сопровождалось также расширением «оседлости», как одного из цивилизационных модусов, в ментальном пространстве номадов. Речь идет о политике исламизации казахской степи, политике ставшей реальностью во второй половине XVIII века, поскольку ислам как религия, возникшая в оседлой, городской среде, соответствовал основным задачам и целям российской государственности, для которой наиболее приемлемым, идеально-обобщенным социальным типом была фигура «Домовладельца», то есть человека, прикрепленного к определенному локусу пространства. В то же время расширение влияния и власти России на казахскую степь совпало с доминированием в имперской политике просветительской идеологии, в которой исламу, как монотеистической религии, отводилась вспомогательная роль в цивилизационной миссии, что привело не только к установлению толерантного взгляда на ислам, но и к попыткам его огосударствления, встраиванию в качестве имперского института в российскую политическую и управленческую систему [73, с. 238]. Поворот в конфессиональной политике («Указ о веротерпимости» 1773 г.) произошел в царствование Екатерины II, которая «не считала допустимым ни насильственное обращение, ни преследование рели-

гиозных меньшинств – лишь бы все ее подданные верили в какого-нибудь бога и выполняли обряды, положенные их вероисповеданию. В религии она видела ценный фактор сохранения порядка в обществе и поддержания общественной и личной нравственности» [53, с. 801].

Как писал русский автор конца XIX века, «Правительство наше, в особенности при императрице Екатерине II, держалось того мнения, что привитие мусульманской религии к степным обитателям было лучшим средством к обузданию своеволия этих дикарей» [17, с. 5]. Поэтому с 80-х годов XVIII века на границах казахской степи началось строительство многочисленных мечетей, медресе, караван-сараев с целью отучения степняков от их кочевых обычаев. После указа 1776 года, отменившего прежние ограничения экономической деятельности татар, функции политических медиаторов и религиозных миссионеров перешли к татарам, выходцам из русского Поволжья, которые стали селиться на казахских землях, что по мнению цитируемого автора, “подготовило в степи почву к успешному привитию в ней татаризации” [17, с. 5]. Процесс этот развивался довольно быстро: в ходе продвижения России на юг, вблизи некоторых населенных пунктов, в основном небольших крепостей, находившихся на пересечении торговых путей, основывались и татарские селения. Именно татарское население за счет средств богатых выходцев из своей среды начало основывать мечети и образовательные заведения при них: мактабы и медресе. Впрочем, успехи в исламизации кочевников, вплоть до образования Туркестанского генерал-губернаторства, были невелеки. Во всяком случае, Алихан Букейханов писал, что и в первой половине XIX века казахи «были довольно равнодушны к религии, в частности, к исламу» [15, с. 45].

Параллельно с мусульманским влиянием, шедшим с севера, существовало, как отмечалось выше, и аналогичное течение с юга, со стороны оседлого населения Средней Азии, культурное воздействие которой на казахские земли, в первую очередь на Присырдарьинский район, было особенно сильным. Поэтому казахи не были оторваны от мусульманской культуры городов Средней Азии. В частности, немалое их число, прежде всего выходцы из богатых и знатных семей, отправлялись на учебу в крупные религиозные центры, где получали образование в школах и медресе. Со временем к культуртрегерскому фактору добавился фактор сугубо завоевательный. Произошло это в «период трех ханств», который в истории среднеазиатского региона был недолгим – около одного столетия, но который в цивилизационном аспекте зримо продемонстрировал трудность включения номадов в культурно-хозяйственный континуум Оседлости, а в политическом – зависимость устойчивости государственности на территории Средней Азии от взаимоотношений оседлого и кочевого компонентов.

Первым представителям мангытской династии бухарских эмиров, Мухаммаду Рахиму (1756–1758) и его преемнику Даниялу (1758–1785), долгое время не удавалось покончить с сепаратизмом земель и племен. Опираясь на поддержку части феодальных группировок и мусульманского духовенства, им пришлось вести практически беспрерывную войну, направленную на подавление мятежников и подчинение их центральному правительству [9, с. 115–116]. Даже в центре Бухарского эмирата, в долине Зерафшана, земли которой отличались плодородием и хорошо орошались водами реки и где находились два главных города страны – Самарканд и столица Бухара, некоторые племена,

например китай-кипчаки, еще не перейдя к прочной оседлости, продолжали вести полукочевой образ жизни, в связи с чем представляли собой благоприятную среду для организации мятежных выступлений против центральной власти [36]. К югу от Зерафшана, мятежный Шахрисябз – юрт племени кенегесов, которые в «преобладающей части оставались кочевниками и в XVIII веке» [9, с. 116] – постоянно угрожал спокойствию «Благородной Бухары». Не случайно, бухарский историк Ахмад Дониш писал, что эмир Насрулла (1828–1860) «в целях упрочения своего государства… заставил племенных вождей неподвижно сидеть на своих землях» [81, с. 39].

В Хорезме, в низовьях Амударьи, где земледелие было возможно только на основе ирригации, и потому плотность заселения центральных районов была весьма высокой, кочевники жили на окраинах ханства, но тем не менее соседство культурно-хозяйственных типов было тесным. Укрепление государства и стремление центральной власти к более полному подчинению туркменских племен, державших себя независимо и не желавших платить налоги, порождало у номадов стремление освободиться от усилившегося контроля ханской администрации, что приводило к частым конфликтам, которые обостряла и проблема водопользования [14, с. 193–202]. В середине XIX века Хорезм потрясло восстание туркменских племен, в котором приняли участие казахи и киргизы.

Но в рассматриваемом аспекте более презентативна история Кокандского ханства. Процесс политического объединения разрозненных владений в Ферганской долине в единое государственное целое начался в период углубления кризиса казахской государственности. Возглавленный представителями узбекского племени минг, он уже на формативной стадии складывания государства обозначил главный вектор будущего пространственного роста Кокандского ханства и тем самым изначально определил его борьбу и упорное сопротивление России при ее движении к среднеазиатским пределам. Уже второй представитель мингов на кокандском престоле Абдурахим (1722–1733) на исходе своего правления имел намерение идти походом на север – на города Ташкент и Туркестан. Поход, правда, не был осуществлен по причине смерти хана [65, с. 14]. Но тем не менее, само намерение свидетельствует об интересе правящих кругов молодого государства к Присырдарьинскому району, который в начале XVIII века приобрел особое значение и в международных отношениях в этом евразийском регионе.

Стержнем же политической истории Кокандского ханства было противостояние, доходившее до ожесточенной борьбы, оседлого и кочевого секторов кокандского общества. Ситуация изначально усугублялась следующим обстоятельством. Так, если в Хорезме скотоводы размещались по периметру области поливного земледелия, то в Фергане имело место чересполосное заселение [67, с. 8]. Ядро страны – Ферганская долина представляла собой средоточие разных культурно-хозяйственных типов, то есть оседло-земледельческой и кочевой составляющей ханства, которое к тому же со временем стало обладать и значительной степной и горной кочевой периферией. Однако серьезные коллизии с населением последней, казахами и киргизами, угрозы для государства не представляли. Зато политические амбиции племенной, главным образом кипчакской, аристократии в центре ханства являлись перманентно дестабилизирующим фактором. Исследователи отмечали, что в Ферганской долине

именно кипчакская полуоседлая среда была наиболее активной [89, с. 104]. Крупный представитель российского туркестановедения В.П. Наливкин считал, что гордость кипчаков своим превосходством над прочими дружинами ханских войск служила «главнейшею помехою для слияния их с другими фракциями государства» [66, с. 155]. Это, например, привело к тому, что в Кокандском ханстве на протяжении трех десятков лет (после 1842 года, с небольшими перерывами) имело место доминирование кипчакской родоплеменной верхушки в политической жизни страны. Кипчакская родовая знать последовательно выдвигала из своей среды трех известных временщиков, обладавших фактической властью – Мусульманкула, Алимкула и Абдурахмана Афтобачи. Вообще активизация кочевников в Средней Азии болезненно воспринималась оседлым населением, что было отмечено русскими пограничными властями. В начале 1859 года из Перовска (Акмечеть) в Оренбург сообщили: «Узбеки, господствующие как в Хиве, так и в Коканде, убиты нравственно, распространившейся народною молвою, что ныне настало время владычества туркменов в Хиве и кипчаков в Коканде»[1].

Давление номадов на мир оседлости в той или иной степени ощущалось на протяжении всего периода «трех ханств», влияя на социополитические характеристики общества, на формирование и устойчивость государственности, особенно кокандской, которая из трех узбекских государств была наиболее динамичной. При двух правителях – Алим-хане (1800–1810) и Омар-хане (1810–1822) – значение Кокандского ханства, его роль в экономике и политический вес в среднеазиатском регионе быстро возрастали. Первый из них провел важную для страны военную реформу. Для укрепления центральной власти он сформировал снабженное огнестрельным оружием новое войско из горцев-таджиков, выходцев из Кухистана – горной страны между Ферганской котловиной и Южным Таджикистаном. Таджики-горцы, считавшиеся на Среднем Востоке лучшими пешими воинами [40, с. 5], в Коканде были противопоставлены старому войску, в результате чего внутри военного сословия возникло соперничество [11, с. 95]. Враждебность между двумя частями вооруженных сил отражала и противоречие между оседлым и кочевым мирами. Однако созданная Алим-ханом большая армия присоединила к ханству Ташкент с прилегающей областью, а также территорию Южного Казахстана с городами Чимкент, Сайрам, Туркестан. При Омар-хане также продолжалось расширение государства. Достигнув расцвета в правление Мадали-хана (1822–1842), Кокандское ханство раздвинуло свои границы до Джизака на западе, низовьев Сырдарьи на севере (то есть весь Присырдарьинский район был включен в состав Кокандского ханства), до озера Балхаш и реки Или – на северо-востоке. Российские власти в Омске были осведомлены о видах Кокандского правительства на земли казахов Среднего жуза. Их реализация привела бы к исчезновению «казахского буфера» между государствами, представлявшими разные типы цивилизаций – восточно-христианской (православной) и мусульманской. По мнению российских пограничных властей, наступление кокандцев на север было остановлено в связи с начавшимся в то время (1825 год) восстанием мусульман Восточного Туркестана против китайцев, в котором хан Коканда «принял деятельное участие»[2].

[1] ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 21, л. 110–111.
[2] ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 3, л. 148–151.

Завоевание казахских земель сопровождалось колонизационным движением в степь. Опорой утверждения мусульманской городской цивилизации на кочевых пространствах являлись аналоги российской системы крепостей на севере, кокандские крепости – военно-административные и торгово-ремесленные центры. Впрочем, утверждение оседлости этого типа было непрочным. В.В. Бартольд писал, что казахи-кочевники были настолько недовольны земледельческой колонизацией, что после падения в ходе продвижения русских войск кокандских крепостей и ухода сартов-земледельцев, они «сравняли сартовские поселения с землею и превратили в кочевья». Однако, добавил ученый, поток оседлости с исламского юга «сменила более прочная и еще менее желательная для киргизов (казахов – В.И.) колонизация русская» [10, с. 341].

Эти процессы будут иметь место второй половине XIX века, а в его первой половине Коканд был уверен в своей силе. Мадали-хан, по сообщению русского источника, «ласково» принимая в 1841 году английского разведчика Артура Конолли, в отличие от бухарского эмира и хивинского хана, не опасался ни русских, ни европейцев[1]. Однако вскоре Мадали-хан, вызвавший своим развратным, богопротивным поведением недовольство духовенства и широких слоев населения, проиграл в 1842 году, войну с Бухарой, был выдан бухарцам и казнен, а столица ханства «в первый раз увидела внутри себя врагов» [66, с. 143]. Владычество эмирата в Фергане было недолгим: бухарское воинство вскоре было перебито, и независимость Коканда восстановлена. Но с этого времени ханство вступило в период глубоких внутренних потрясений, которыми характеризовалось все его дальнейшее существование. Сыграв, главную роль в освобождении страны, кипчаки на десятилетие установили свое господство. Переселяясь в Коканд, они выселяли сартов из домов, арыки переходили в их собственность; безграмотные кочевники «изгоняли учеников из медресе, жгли книги, и на каждом шагу старались унизить мулл, по большей части сартов» [66, с. 163]. В 1852 году власть номадов была свергнута, но не надолго, и маятник борьбы за власть между кочевой аристократией и политической элитой оседлого населения колебался то в одну, то в другую сторону, и каждый раз переход власти представлял собой острую, кровопролитную борьбу, в которую втягивались и массы населения. А кокандские историки констатировали: «Изо дня в день Ферганское государство клонилось к упадку и сотрясению» [65, с. 60]. Примечательно, что в ходе борьбы против правительства Худояр-хана, кипчакские и киргизские предводители, возглавляемые Алимкулом и Шадман-ходжой, обращаясь к кочевникам окрестностей Ташкента особо подчеркивали, что «все кипчаки, киргизы, казахи, каракалпаки и все другие улусы и племена (произошли) из одного семейства и являются братьями» и что в случае успеха новый хан «поставит на должное уважение и должности главарей каждого кочевого племени и рода» [65, с. 63].

Противоречия между культурно-хозяйственными типами приводили к противостоянию интересов элит, к их борьбе за земли, к столкновению властных амбиций и порождало кровавые конфликты между группами населения. С разной степенью интенсивности это проявлялось во внутренней жизни всех трех среднеазиатских государств, но более всего Кокандского ханства, которо-

[1] ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 3, л. 213.

му в борьбе за свои северные территории пришлось вступить в войну с Российской империей.

Движение России в казахские степи с середины XIX века осуществлялось не посредством фронтального – с севера на юг – перенесения имперской границы, а вытягиванием со стороны Южного Урала и Западной Сибири двух линий – Оренбургской и Западносибирской, которые подобно клещам должны были сомкнуться далеко на юге. Их соединение было намечено осуществить в 1864 году, а последний участок должен был пройти между городами Чимкент и Аулие-Ата[1]. В том же году оба города были взяты отрядом полковника М.Г. Черняева, а крайним южным пунктом, замкнувшим гигантскую геостратегическую дугу, стал г. Чимкент. Тем самым Империя вплотную подошла к области «сплошной оседлости»[2]. В результате быстротечных войн с Бухарским эмиратом и Кокандским ханством большая часть территории среднеазиатского региона была включена в границы Российской империи. В состав же образованного в 1867 году Туркестанского генерал-губернаторства вошла значительная часть земель Южного и Юго-Восточного Казахстана, история которых на протяжении полувека (1867–1917) существования этой военно-административной единицы представляет немалый интерес с точки зрения хода и характера трансформации кочевого общества, особенно на территории Присырдарьинского района, бывшего прежде «географической осью казахской истории».

Список литературы

1. Абдурахман-и Тали. История Абулфейз-хана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.

2. Абусеитова М.Х. Из истории внешнеполитических связей казахского ханства с соседними государствами во второй половине XVI в. // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983.

3. Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Алматы: Дайк-Пресс, 1998.

4. Абусеитова М.Х. Средневековые письменные источники о Великом Шелковом пути // Шелковый путь и Казахстан, 1999.

5. Агзамова Г.А. Волжско-Каспийский путь в XVI – первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003.

6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

7. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.; Л.: ОГИЗ, 1937.

8. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965.

9. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент: Фан, 1985.

10. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

11. Бейсембиев Т.К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987.

[1] ЦГА РУз, ф. И-715, оп. 1, д. 27, л. 24.

[2] О событиях, связанных с характером включения среднеазиатского региона в состав Российской империи. См.: [33, с. 68–76].

12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999.

13. Бокщанин А.А., Хохлов А.Н. Общество и государство в Китае: новые грани традиционной проблематики и неординарность подходов в ее разработке // Восток (Oriens). 1992. № 6.

14. Брегель Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.

15. Букейханов А. «Киргизы» // Казахи о русских до 1917 года. Oxford, 1985.

16. Бурнашева Р.З. Некоторые новые сведения по обращению медных монет г. Отрара XVI–XVII вв. (по материалам двух кладов 1986 г.) // Шелковый путь и Казахстан (Материалы научно-практической конференции, 2–3 сентября 1998 г.). Алматы: Жибек Жолы, 1999.

17. Васильев А.В. Материалы к характеристике взаимных отношений татар и киргизов с предварительным кратким очерком этих отношений. Оренбург, 1898.

18. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.

19. Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1. (Пер. с англ.). Тверь: ЛЕАН. М: АГРАФ, 2001.

20. Вернадский Г.В. Россия в средние века (Пер. с англ.). Тверь: ЛЕАН. М: АГРАФ, 2001.

21. Воскресенский Д.Н. Особенности культуры Китая в XVII веке и некоторые новые тенденции в литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969.

22. Газиз Г. История татар. М.: Московский лицей, 1994.

23. Галеано Э. Вскрытие вены Латинской Америки. (Пер. с исп.). М.: Прогресс, 1986.

24. Ганковский Ю.В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. 1958. № 2.

25. Грум-Гржимайло Г.Е. Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историею Средней Азии. СПб., 1898.

26. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание путешествия в Западный Китай. Т. 1. СПб., 1896.

27. Губайдуллин Г. Из истории торгового класса приволжских татар. Баку, 1926.

28. Девин Ди Уис (США). Маша'их-и турк и хваджагон: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавийа Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). Сборник статей памяти Фритца Майера (1912–1998). СПб., 2001.

29. Дергачев В.А. Геополитика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

30. Ерофеева И. Казахстан в потоке эпох: историческая динамика и традиция // Центральная Азия: собственный взгляд. Zentrelasien: eine innenansicht. Бишкек: Издательский Дом «Принтхаус», 2006.

31. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1983.

32. Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. Сборник. (Пер. с нем и лат). М.: Аграф, 2005.

33. Иванов В.А. «Россия-Средняя Азия» и роль фактора случайности в истории их взаимоотношений // Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. Ташкент, 2008.

34. Иванов В.А. «Широкий арийский простор» и «Бактро-Согдийский Дом» // International Journal of Central Asian Studies. V. 8. Seoul, Korea, 2003.

35. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952.

36. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821–1825 гг. Источники и их исследования (Труды Института востоковедения АН СССР. Т. XXVIII). М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1927.

37. Иванов П.П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI–XVIII вв. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

38. Ирмуханов Б.Б. Города и казахское кочевое общество (вторая половина XV – первая половина XVI в.) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы (Материалы международной конференции). Алматы, 2004.

39. Ирмуханов Б.Б. Из истории казахов: «Аз» – Жанибек, казахское ханство и жузы. Алматы: Наш мир, 2001.

40. История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. М.: Наука, 1985.

41. История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

42. История Узбекистана (XVI – первая половина XIX века). Т.III. Ташкент: Фан, 1993.

43. Кадырбаев А.Ш. О двух тенденциях в политике монгольских завоевателей к оседлому населению Китая. XIII–XIV вв. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. 1987.

44. Каппелер А. Россия – многонациональная империя (Пер. с нем.). М.: «Традиция-Прогресс-Традиция», 2000.

45. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье (2-е издание, испр. и доп.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

46. Кляшторный С.Г. Россия и тюркские народы: евразийский аспект // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003.

47. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992.

48. Козин С.А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1940.

49. Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток (Oriens). 2001. № 5.

50. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII–первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983.

51. Кульпин Э.С. Человек и Природа в Китае. М.: Наука, 1990.

52. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII–XVIII вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

53. Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

54. Макиндер Хэлфорд Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики. XX век. Сборник. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

55. Максименко В.И. Россия и Азия, или анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года) // Восток (Oriens). 2000. № 2.

56. Масанов Н.Э. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1987.

57. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент: Фан, 1977.

58. Миклухо-Маклай Н.Д. Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV–XVI вв. // Памяти академика И.Ю. Крачковского. Сборник статей. Л.: ЛГУ, 1958. С. 226–233.

59. Моисеев В.А. Джунгария, Россия и казахи в первой половине XVIII века // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур (Материалы Четвертой международной научно-практической конференции). Вып. 4. Барнаул: Изд-во АзБука, 2003.

60. Моисеев В.А. О военном деле и войнах Джунгарского ханства // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата: Гылым, 1990.

61. Моисеев В. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. № 2.

62. Моисеев В.А. К вопросу о государственности у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток (Oriens), 1995. № 4.

63. Мустафина Р.М. Ислам и городская культура на территории Казахстана // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии, 2004.

64. Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди (Рашидова история) // Материалы по истории казахских ханов XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.

65. Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худояр-хана). Ташкент: Фан, 1973.

66. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

67. Неразик Е.Е. Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.: Наука, 1990.

68. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001. С. 131.

69. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахов в XV–XVII веках // Казахстан в XV–XVIII вв. (Вопросы социально-политической истории). Алма-Аты: Наука, 1969.

70. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV–начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата: Наука, 1977.

71. Постников А.В. Схватка на «крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах). М.: Памятники исторической мысли, 2001.

72. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989.

73. Ремнев А. Российская империя и ислам в казахской степи (60–80-е годы XIX века) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 32. М.: Наука, 2006.

74. Рутенбург В.И. Италия и Европа накануне нового времени (Очерки). Л.: Наука, 1974.

75. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960.

76. Сегизбаев О.А. Казахская философия XV–начала XX века. Алматы: Гылым, 1996.

77. Семенов А.А. Предисловие // Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

78. Соколов Ю.А. К вопросу о причинах провала английских устремлений в Восточную Европу, Среднюю Азию и Персию (XVI–XVII вв.) (Возникновение англо-русских противоречий на Среднем Востоке) // Труды САГУ им. В.И. Ленина. История стран Востока. Новая серия. Вып. LXVIII. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955.

79. Султанов Т.И. Сословие султанов в Казахском ханстве XVI–XVII веков // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Наука, 1981.

80. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М.: Наука, 1982. 160 с.

81. Трактат Ахмада Дониша. История мангытской династии. Душанбе: Дониш, 1967.

82. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфагани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Наука, 1976.

83. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966.

84. Хазанов А.М. Кочевники и города в евразийском степном регионе и соседних странах // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы, 2004.

85. Хаусхофер Карл. Границы в их географическом и политическом значении // Классика геополитики. XX век. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

86. Ходжаев А.Х. Взаимоотношения Цинской империи и Джунгарского ханства в первой четверти XVIII в. // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв. Ташкент: Фан, 1987.

87. Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979.

88. Чимитдоржиев Ш.Б. О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII–XVIII вв. «Торгоутский побег 1771 г.» // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-е, 1989.

89. Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974.

90. Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая… // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983.

91. Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

92. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Сведения об авторе: Шигабдинов Ринат Начметдинович, старший научный сотрудник отдела истории Узбекистана советского периода (1917–1991 гг.) Института истории Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Республика Узбекистан), e-mail: rinatuz2010@mail.ru

Дата поступления материала 28.12.2018.
Принят к публикации 14.01.2019.

SOME ASPECTS OF KAZAKH HISTORY (16 – FIRST HALF OF 19 CENTURIES). TO THE QUESTION OF IT'S "GEOGRAPHICAL AXIS"

R. Shigabdinov
Institute of history of the Academy of Sciences of Uzbekistan
Tashkent, Republic of Uzbekistan
rinatuz2010@mail.ru

Abstract. The article describes the process of changing ethnic groups, state formations in the steppes of Kazakhstan in the 16 – first half of the 19 centuries, which led to a change in the geopolitical status of the Kazakh lands, and greatly influenced the historical fate of the Kazakh people.

Keywords: Kazakh steppes, Central Asia, Turkestan, Kazakhs, geopolitics.

For citation: Shigabdinov R. Some Aspects of Kazakh History (16 – First half of 19 Centuries). To the Question of it's "Geographical Axis». *Tyurkologicheskie issledovaniya=Turkological Studies*. 2019; 2(2): 36–55 (In Russ.)

References

1. Abduraxman-i Tali. Istoriya Abulfejz-xana. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1959. (In Russian)

2. Abuseitova M.X. Iz istorii vneshnepoliticheskix svyazej kazaxskogo xanstva s sosednimi gosudarstvami vo vtoroj polovine XVI v. *Kazaxstan, Srednyaya i Central`naya Aziya v XVI–XVIII vv.* Alma-Ata: Nauka, 1983. (In Russian)

3. Abuseitova M.X. Kazaxstan i Central`naya Aziya v XV–XVII vv.: istoriya, politika, diplomatiya. Almaty`: Dajk-Press, 1998. (In Russian)

4. Abuseitova M.X. Srednevekovy`e pis`menny`e istochniki o Velikom Shelkovom puti. *Shelkovy`j put` i Kazaxstan*, 1999. (In Russian)

5. Agzamova G.A. Volzhsko-Kaspijskij put` v XVI – pervoj polovine XIX v. *Tyurkologicheskij sbornik*. 2002. Rossiya i tyurkskij mir. M.: Vostochnaya literatura, 2003. (In Russian)

6. Alekseev N.N. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 2003. (In Russian)

7. Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke. M.; L.: OGIZ, 1937. (In Russian)

8. Axmedov B.A. Gosudarstvo kochevy`x uzbekov. M.: Nauka, 1965. (In Russian)

9. Axmedov B.A. Istoriko-geograficheskaya literatura Srednej Azii XVI–XVIII vv. (Pis`menny`e pamyatniki). Tashkent: Fan, 1985. (In Russian)

10. Bartol`d V.V. Sochineniya. T. II. Ch. 1. M.: Izd-vo vostochnoj literatury`, 1963. (In Russian)

11. Bejsembiev T.K. «Tarix-i Shaxruxi» kak istoricheskij istochnik. Alma-Ata: Nauka, 1987. (In Russian)

12. Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1999. (In Russian)

13. Bokshhanin A.A., Xoxlov A.N. Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae: novy`e grani tradicionnoj problematiki i neordinarnost` podxodov v ee razrabotke. *Vostok (Oriens)*. 1992. № 6. (In Russian)

14. Bregel` Yu.E`. Xorezmskie turkmeny` v XIX v. M.: Izd-vo vostochnoj literatury`, 1961. (In Russian)

15. Bukejxanov A. «Kirgizy`». Kazaxi o russkix do 1917 goda. Oxford, 1985. (In Russian)

16. Burnasheva R.Z. Nekotory`e novy`e svedeniya po obrashheniyu medny`x monet g. Otrara XVI–XVII vv. (po materialam dvux kladov 1986 g.). *Shelkovy`j put` i Kazaxstan* (Materialy` nauchno-prakticheskoj konferencii, 2–3 sentyabrya 1998 g.). Almaty`: Zhibek Zholy`, 1999. (In Russian)

17. Vasil`ev A.V. Materialy` k xarakteristike vzaimny`x otnoshenij tatar i kirgizov s predvaritel`ny`m kratkim ocherkom e`tix otnoshenij. Orenburg, 1898. (In Russian)

18. Vel`yaminov-Zernov V.V. Issledovanie o Kasimovskix czaryax i czarevichax. Ch. 1. SPb., 1863. (In Russian)

19. Vernadskij G.V. Moskovskoe czarstvo. Ch. 1. (Per. s angl.). Tver`: LEAN. M: AGRAF, 2001. (In Russian)

20. Vernadskij G.V. Rossiya v srednie veka (Per. s angl.). Tver`: LEAN. M: AGRAF, 2001. (In Russian)

21. Voskresenskij D.N. Osobennosti kul`tury` Kitaya v XVII veke i nekotory`e novy`e tendencii v literature // XVII vek v mirovom literaturnom razvitii. M.: Nauka, 1969. (In Russian)

22. Gaziz G. Istoriya tatar. M.: Moskovskij licej, 1994. (In Russian)

23. Galeano E`. Vskry`tie veny` Latinskoj Ameriki. (Per. s isp.). M.: Progress, 1986. (In Russian)

24. Gankovskij Yu.V. Missiya Bogdana Aslanova v Afganistan v 1764 godu // Sovetskoe vostokovedenie. 1958. № 2. (In Russian)

25. Grum-Grzhimajlo G.E. Istoricheskoe proshloe Be`j-Shanya v svyazi s istorieyu Srednej Azii. SPb., 1898. (In Russian)

26. Grum-Grzhimajlo G.E. Opisanie puteshestviya v Zapadny`j Kitaj. T. 1. SPb., 1896. (In Russian)

27. Gubajdullin G. Iz istorii torgovogo klassa privolzhskix tatar. Baku, 1926. (In Russian)

28. Devin Di Uis (SShA). Masha'ix-i turk i xvadzhagon: pereosmy`slenie svyazej mezhdu sufijskimi tradiciyami Jasavija Nakshbandija // Sufizm v Central`noj Azii (zarubezhny`e issledovaniya). Sbornik statej pamyati Fritcza Majera (1912–1998). SPb., 2001. (In Russian)

29. Dergachev V.A. Geopolitika. M.: YuNITI-DANA, 2004. (In Russian)

30. Erofeeva I. Kazaxstan v potoke e`pox: istoricheskaya dinamika i tradiciya // Central`naya Aziya: sobstvenny`j vzglyad. Zentrelasien: eine innenansicht. Bishkek: Izdatel`skij Dom «Printxaus», 2006. (In Russian)

31. Zlatkin I.Ya. Istoriya Dzhungarskogo xanstva. 1635–1758. Izd-e 2-e. M.: Nauka, 1983. (In Russian)

32. Ivan Grozny`j i iezuity`: missiya Antonio Possevino v Moskve. Sbornik. (Per. s nem i lat). M.: Agraf, 2005. (In Russian)

33. Ivanov V.A. «Rossiya-Srednyaya Aziya» i rol` faktora sluchajnosti v istorii ix vzaimootnoshenij // Vostokovedcheskie chteniya pamyati N.P. Ostroumova. Sbornik materialov. Tashkent, 2008. (In Russian)

34. Ivanov V.A. «Shirokij arijskij prostor» i «Baktro-Sogdijskij Dom» // International Journal of Central Asian Studies. V. 8. Seoul, Korea, 2003. (In Russian)

35. Ivanov M.S. Ocherk istorii Irana. M.: Gospolitizdat, 1952. (In Russian)

36. Ivanov P.P. Vosstanie kitaj-kipchakov v Buxarskom xanstve v 1821–1825 gg. Istochniki i ix issledovaniya (Trudy` Instituta vostokovedeniya AN SSSR. T. XXVIII). M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1927. (In Russian)

37. Ivanov P.P. Xozyajstvo dzhujbarskix shejxov. K istorii feodal`nogo zemlevladeniya v Srednej Azii v XVI–XVIII vv. M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. (In Russian)

38. Irmuxanov B.B. Goroda i kazaxskoe kochevoe obshhestvo (vtoraya polovina XV – pervaya polovina XVI v.) // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii: istoriya i problemy` (Materialy` mezhdunarodnoj konferencii). Almaty`, 2004. (In Russian)

39. Irmuxanov B.B. Iz istorii kazaxov: «Az» – Zhanibek, kazaxskoe xanstvo i zhuzy`. Almaty`: Nash mir, 2001. (In Russian)

40. Istoriya vooruzhenny`x sil Afganistana. 1747–1977. M.: Nauka, 1985. (In Russian)

41. Istoriya Kazaxstana: narody` i kul`tury`. Almaty`: Dajk-Press, 2001. (In Russian)

42. Istoriya Uzbekistana (XVI – pervaya polovina XIX veka). T.III. Tashkent: Fan, 1993. (In Russian)

43. Kady`rbaev A.Sh. O dvux tendenciyax v politike mongol`skix zavoevatelej k osedlomu naseleniyu Kitaya. XIII–XIV vv. // Vzaimodejstvie kochevy`x kul`tur i drevnix civilizacij. 1987. (In Russian)

44. Kappeler A. Rossiya – mnogonacional`naya imperiya (Per. s nem.). M.: «Tradiciya-Progress-Tradiciya», 2000. (In Russian)

45. Klyashtorny`j S.G., Sultanov T.I. Gosudarstva i narody` Evrazijskix stepej. Drevnost` i srednevekov`e (2-e izdanie, ispr. i dop.). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. (In Russian)

46. Klyashtorny`j S.G. Rossiya i tyurkskie narody`: evrazijskij aspekt // Tyurkologicheskij sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskij mir. M.: Vostochnaya literatura, 2003. (In Russian)

47. Klyashtorny`j S.G., Sultanov T.I. Kazaxstan. Letopis` trex ty`syacheletij. Alma-Ata: Rauan, 1992. (In Russian)

48. Kozin S.A. Dzhangariada. Geroicheskaya poe`ma kalmy`kov. M.;L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. (In Russian)

49. Kradin N.N. Kochevy`e imperii: genezis, rasczvet, upadok // Vostok (Oriens). 2001. № 5. (In Russian)

50. Kuzneczov V.S. Cinskaya imperiya na rubezhax Central`noj Azii (vtoraya polovina XVIII–pervaya polovina XIX v.). Novosibirsk: Nauka, 1983. (In Russian)

51. Kul`pin E`.S. Chelovek i Priroda v Kitae. M.: Nauka, 1990. (In Russian)

52. Kushkumbaev A.K. Voennoe delo kazaxov v XVII–XVIII vv. Almaty`: Dajk-Press, 2001. (In Russian)

53. Madariaga Isabel` de. Rossiya v e`poxu Ekateriny` Velikoj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. (In Russian)

54. Makinder Xe`lford Dzh. Geograficheskaya os` istorii // Klassika geopolitiki. XX vek. Sbornik. M.: OOO «Izdatel`stvo AST», 2003. (In Russian)

55. Maksimenko V.I. Rossiya i Aziya, ili anti-Bzhezinskij (ocherk geopolitiki 2000 goda) // Vostok (Oriens). 2000. № 2. (In Russian)

56. Masanov N.E`. Dispersnoe sostoyanie – vseobshhij zakon zhiznedeyatel`nosti kochevogo obshhestva // Vzaimodejstvie kochevy`x kul`tur i drevnix civilizacij. Alma-Ata: Nauka, 1987. (In Russian)

57. Maxmud ibn Vali. More tajn otnositel`no doblestej blagorodny`x (Geografiya). Tashkent: Fan, 1977. (In Russian)

58. Mikluxo-Maklaj N.D. Shiizm i ego social`noe liczo v Irane na rubezhe XV–XVI vv. // Pamyati akademika I.Yu. Krachkovskogo. Sbornik statej. L.: LGU, 1958. S. 226–233. (In Russian)

59. Moiseev V.A. Dzhungariya, Rossiya i kazaxi v pervoj polovine XVIII veka // Rossiya, Sibir` i Central`naya Aziya: vzaimodejstvie narodov i kul`tur (Materialy` Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii). Vy`p. 4. Barnaul: Izd-vo AzBuka, 2003. (In Russian)

60. Moiseev V.A. O voennom dele i vojnax Dzhungarskogo xanstva // Iz istorii mezhdunarodny`x otnoshenij v Central`noj Azii (Srednie veka i Novoe vremya). Alma-Ata: Gy`ly`m, 1990. (In Russian)

61. Moiseev V. Dzhungaro-kazaxskie otnosheniya v XVII–XVIII vekax i politika Rossii. *Vestnik Evrazii*. 2000. № 2. (In Russian)

62. Moiseev V.A. K voprosu o gosudarstvennosti u kazaxov nakanune i v nachal`ny`j period prisoedineniya Kazaxstana k Rossii // Vostok (Oriens), 1995. № 4. (In Russian)

63. Mustafina R.M. Islam i gorodskaya kul`tura na territorii Kazaxstana // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii, 2004. (In Russian)

64. Muxammad Xajdar. Tarix-i Rashidi (Rashidova istoriya) // Materialy` po istorii kazaxskix xanov XV–XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskix i tyurkskix sochinenij). Alma-Ata: Nauka, 1969. (In Russian)

65. Nabiev R.N. Iz istorii Kokandskogo xanstva (Feodal`noe xozyajstvo Xudoyar-xana). Tashkent: Fan, 1973. (In Russian)

66. Nalivkin V. Kratkaya istoriya Kokandskogo xanstva. Kazan`, 1886. (In Russian)

67. Nerazik E.E. Priaral`e: nekotory`e e`kologicheskie aspekty` e`tnicheskogo razvitiya // Problemy` e`tnogeneza i e`tnicheskoj istorii narodov Srednej Azii i Kazaxstana. Vy`p. II. Istoriya i arxeologiya. M.: Nauka, 1990. (In Russian)

68. Petruxincev N.N. Czarstvovanie Anny` Ioannovny`: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud`by` armii i flota. 1730–1735 gg. SPb.: Aletejya, 2001. S. 131. (In Russian)

69. Pishhulina K.A. Prisy`rdar`inskie goroda i ix znachenie v istorii kazaxov v XV–XVII vekax // Kazaxstan v XV–XVIII vekax (Voprosy` social`no-politicheskoj istorii). Alma-Aty`: Nauka, 1969. (In Russian)

70. Pishhulina K.A. Yugo-Vostochny`j Kazaxstan v seredine XIV–nachale XVI vekov (voprosy` politicheskoj i social`no-e`konomicheskoj istorii). Alma-Ata: Nauka, 1977. (In Russian)

71. Postnikov A.V. Sxvatka na «kry`she Mira»: politiki, razvedchiki i geografy` v bor`be za Pamir v XIX veke (monografiya v dokumentax). M.: Pamyatniki istoricheskoj my`sli, 2001. (In Russian)

72. Radlov V.V. Iz Sibiri. Stranicy dnevnika. M.: Nauka, 1989. (In Russian)

73. Remnev A. Rossijskaya imperiya i islam v kazaxskoj stepi (60–80-e gody` XIX veka) // Rasy` i narody`: sovremenny`e e`tnicheskie i rasovy`e problemy`. Vy`p. 32. M.: Nauka, 2006. (In Russian)

74. Rutenburg V.I. Italiya i Evropa nakanune novogo vremeni (Ocherki). L.: Nauka, 1974. (In Russian)

75. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy`. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1960. (In Russian)

76. Segizbaev O.A. Kazaxskaya filosofiya XV–nachala XX veka. Almaty`: Gy`ly`m, 1996. (In Russian)

77. Semenov A.A. Predislovie // Mir Muxammed Amin-i Buxari. Ubajdulla-name. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1957. (In Russian)

78. Sokolov Yu.A. K voprosu o prichinax provala anglijskix ustremlenij v Vostochnuyu Evropu, Srednyuyu Aziyu i Persiyu (XVI–XVII vv.) (Vozniknovenie anglo-russkix protivorechij na Srednem Vostoke) // Trudy` SAGU im. V.I. Lenina. Istoriya stran Vostoka. Novaya seriya. Vy`p. LXVIII. Tashkent: Izd-vo SAGU, 1955. (In Russian)

79. Sultanov T.I. Soslovie sultanov v Kazaxskom xanstve XVI–XVII vekov // Kazaxstan v e`poxu feodalizma (Problemy` e`tnopoliticheskoj istorii). Alma-Ata: Nauka, 1981. (In Russian)

80. Sultanov T.I. Kochevy`e plemena Priaral`ya v XV–XVII vv. M.: Nauka, 1982. 160 s. (In Russian)

81. Traktat Axmada Donisha. Istoriya mangy`tskoj dinastii. Dushanbe: Donish, 1967. (In Russian)

82. Fazlallax ibn Ruzbixan Isfagani. Mixman-name-ji Buxara (Zapiski buxarskogo gostya). M.: Nauka, 1976. (In Russian)

83. Fedorov-Davy`dov G.A. Kochevniki Vostochnoj Evropy` pod vlast`yu zolotoordy`nskix xanov. Arxeologicheskie pamyatniki. M.: Izd-vo MGU, 1966. (In Russian)

84. Xazanov A.M. Kochevniki i goroda v evrazijskom stepnom regione i sosednix stranax // Urbanizaciya i nomadizm v Central`noj Azii: istoriya i problemy`, 2004. (In Russian)

85. Xausxofer Karl. Granicy v ix geograficheskom i politicheskom znachenii // Klassika geopolitiki. XX vek. M.: OOO «Izdatel`stvo AST», 2003. (In Russian)

86. Xodzhaev A.X. Vzaimootnosheniya Cinskoj imperii i Dzhungarskogo xanstva v pervoj chetverti XVIII v. // Iz istorii Srednej Azii i Vostochnogo Turkestana XV–XIX vv. Tashkent: Fan, 1987. (In Russian)

87. Chimitdorzhiev Sh.B. Vzaimootnosheniya Mongolii i Srednej Azii v XVII–XVIII vv. M.: Nauka, 1979. (In Russian)

88. Chimitdorzhiev Sh.B. O perekochevkax ojratov (kalmy`kov) v XVII–XVIII vv. «Torgoutskij pobeg 1771 g.» // Issledovaniya po istorii i kul`ture Mongolii. Novosibirsk: Nauka. Sib. Otd-e, 1989. (In Russian)

89. Shaniyazov K.Sh. K e`tnicheskoj istorii uzbekskogo naroda (istoriko-e`tnograficheskoe issledovanie na materialax kipchakskogo komponenta). Tashkent: Fan, 1974. (In Russian)

90. Yudin V.P. Ordy`: Belaya, Sinyaya, Seraya, Zolotaya… // Kazaxstan, Srednyaya i Central`naya Aziya v XVI–XVIII vv. Alma-Ata: Nauka, 1983. (In Russian)

91. Yudin V.P. Central`naya Aziya v XIV–XVIII vekax glazami vostokoveda. Almaty`: Dajk-Press, 2001. (In Russian)

92. Yanov A.L. Rossiya: u istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proisxozhdenii russkoj gosudarstvennosti. M.: Progress-Tradiciya, 2001. (In Russian)

About the author: Rinat Shigabdinov, senior Research Fellow, Department of history of Uzbekistan of the Soviet period (1917–1991) Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Republic of Uzbekistan), e-mail: rinatuz2010@mail.ru

Received December 28, 2018.
Accepted for publication January 14, 2019.

УДК 94 (470)

РОЛЬ А.К. КАЗЕМ-БЕКА В ПЕРЕВОДАХ ХРИСТИАНСКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Д.Ш. Муфтахутдинова
Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация
dilaratatar@mail.ru

Резюме. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена интересом к диалогу культур, и межконфессиональному взаимодействию мусульманской и православно-христианской конфессий. Статья направлена на изучение вопроса о роли профессора Казем-бека в переводах православной богослужебной литературы на татарский язык в первой половине XIX вв.

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы стал системный метод, позволивший выделить и рассмотреть различные аспекты проблемы перевода православных богослужебных книг на языки нерусских народов России в системной взаимосвязи с идеологическими задачами самодержавной власти по отношению к мусульманским народам империи.

В статье показана эволюция и цели переводов православной богослужебной литературы на татарский язык, а так же роль в этом процессе профессора А. Казем-бека. Статья написана на основе документов из Государственного архива Республики Татарстан и опубликованных источников XIX века.

Материалы статьи могут быть полезными для дальнейшей разработки темы исследования, а также в ходе преподавания спецкурсов на исторических факультетах университетов и преподавания Отечественной истории в высших и средних учебных заведениях страны.

Ключевые слова*:* богослужебные книги, мусульмане, татары русификация, христианизация, ассимиляция.

Для цитирования: Муфтахутдинова Д.Ш. Роль А.К. Казем-бека в переводах христианских богослужебных книг на татарский язык. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 56–63.

Обращали ли вы уважаемые читатели, что на самом известном портрете Александра Касимовича Казем-бека, он изображен с тремя орденами на груди. Один из них орден св. Станислава первой степени, который предоставлял ему право потомственного дворянства.

За что же был награжден, сей знатный инородец, столь почетной наградой? Ответ на этот вопрос дает дело, отложившееся в фондах Государственного архива Республики Татарстан, а именно, «Дело о пожаловании ординарного профессора Петербургского университета действительного статского советника Мирзы Казем-бека кавалером ордена св. Станислава первой степени 25 марта 11 мая 1855 г.» [1].

Оценивать столь противоречивую и неоднозначную натуру, как мирза Мухаммад Али Казем-бек сложно. Безусловно, мы знаем и чтим его за выдающиеся заслуги в области востоковедения, как популяризатора восточного знания и переводчика, как выдающегося педагога, оставившего немало талант-

ливых учеников. Однако, человек, отрекшийся от своей веры и получивший награды, за работы по искоренению ислама, трудно поддается только положительной оценке.

Ситуация в Поволжье по борьбе с мусульманским прозелитизмом и отпадениями в ислам крещеных татар в первую половину XIX века по мнению православных миссионеров была катастрофической. По отчетам Синода, 65 % крещеных инородцев, притом не только татар, но и чуваш, марийцев и удмуртов готово было отпасть в старую веру, т.е. в ислам или в язычество [2, с. 241].

Насильственное крещение, а также крещение при условии предоставления различных льгот и освобождения от налогов, желаемых результатов не дали. Н.И. Ильминский по этому поводу писал: «…первоначально крещение их было совершено без внутреннего обращения, без полного убеждения их в истине и спасительности христианской веры, даже без достаточного научения их ее догматам» [3, с. 221]. Поэтому в это время цель русификаторов можно выразить словами – главное не количество, а качество. Конечную цель этой политики лаконично выразил известный миссионер Н.И. Ильминский: «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел» [4, с. 244].

В процессе ускоренной аккультурации нерусских народов в духе православной этики и морали должны были помочь переводы православных богослужебных книг на языки нерусских народов и подготовка миссионерских кадров с высшим миссионерским образованием. Для этого в Казанской духовной академии на миссионерском противомусульманском отделении в 1845 г. была открыта кафедра татарско-турецких языков [5, с. 6]. Большая часть учебного времени на этом отделении отводилась тщательному изучению Корана как первоисточника мусульманского вероучения, характеристики богословских систем в исламе, а также изучению арабского и татарского языков. Вот как об этом написано в проекте архиепископа Григория об учреждении миссионерского отделения в Синод: «Студентам, имеющим поступить в миссионерские отделения, положено преподавать… следующие науки: историю Мухамеда, в возможной подробности, мухамеданскую веру по ея источникам; причем объяснять общий характер татар, их образ мышления, обычаи, привычки, и в тоже время, нужно в приложении к ним педагогику, а кроме того, обучать студентов

татарскому и арабскому языку в такой степени, чтобы студенты могли свободно объясняться с татарами не только о простых предметах, но и о христианских истинах» [5, с. 7].

Поскольку Казанская духовная академия в то время еще не имела собственных кадров, то руководство академии пригласило преподавать арабский и турецко-татарский языки ординарного профессора Казанского императорского университета Александра Касимовича Казем-бека. По всей видимости, преподавание ислама и языков у Казем-бека носили сугубо научный характер, но следующее поколение его учеников, среди которых был виднейший в стране миссионер Н.И. Ильминский, придаст этому делу уже антимусульманский характер.

Массовые отпадения новокрещенных татар в ислам вынуждает власть вплотную заняться переводами богослужебных книг на язык татарский язык и на языки нерусских народов. На этот раз обер-прокурор святейшего Синода граф Протасов 5 февраля 1847 года поручает это дело Казанской духовной академии. Цель определяется следующим образом: "…с тем, чтобы можно было учредить православное на сём языке богослужение для татар, принявших православную веру " [6].

Попытки перевести Библию на татарский язык к этому времени имели свою историю. О необходимости перевода Библии на инородческие языки указывал еще Петр I. В своей инструкции "О крещеных инородцах" в 1724 году он писал: "Склонить владельцев и законников их христианскому учению и дачею и книги нужные перевести на их язык" [7, с. 207].

Первый перевод «Евангелия от Матвея» был осуществлен на ногайский язык крещеным поручиком Астраханского батальона Александром Шендяковым. Однако его перевод был забракован, так как ногайский язык сильно отличался от казанского диалекта татарского языка.

Массовые отпадения в ислам новокрёщеных татар в 1802–1803 гг. вынудили Синод выпустить указ от 22 января 1803 г., адресованный Поволжским и Сибирским епархиям. Где было предписано перевести на татарский язык «Символ веры», «Краткий Катехизис», «Десятословие» и другую богослужебную литературу. Воплощение идеи перевода богослужебных книг на татарский язык самими православными миссионерами началось в 1803 г. В тот год учитель татарского языка, священник Александр Троянский перевёл и издал Катехизис на татарском, а затем на чувашском языке. «В 1809 г., им же составлена и Комиссиею Духовных училищ издана Татарская грамматика, а после и Татарско-русский лексикон в двух частях» [8, с. 82].

Однако конкурентами православных миссионеров в этом деле стали протестанты-шотландцы. Это были члены Эдинбургского Библейского общества, прибывшие в Россию и поселившиеся сначала в Карасе (около Пятигорска), а затем в Астрахани. Они первыми из иностранцев перевели Священное Писание на язык «тюрки» и опубликовали его на арабской графике. Шотландскими миссионерами были изданы Евангелие от Матфея (Карас, 1807), Четвероевангелие (Карас, 1813), Псалтырь (Астрахань, 1815, 1818) и Новый Завет (Астрахань, 1818). Поняв, что язык «тюрки» (язык высокой татаро-мусульманской культуры) был непонятен для простых обывателей, в 1820 году Новый завет был издан в новой адаптированной редакции «для оренбургских татар». Переводчиком был Генри Брайтон (Вгип Гоп) (1770—1813), а после его смерти

тексты готовили к печати и редактировали Джон Диксон и Чарльз Фразер [9]. Подготовить адаптированный вариант частей Библии помог шотландским миссионерам в эти годы Мирза Мухаммед Али (Александр Касимович) Казем-Бек. Как известно, будучи сыном известного шейха уль-ислама Мухаммеда Касим Казем-Бека, он в 1823 году принял христианство пресвитерианского толка. Как писал сам А. Казем-бек, он участвовал в многочисленных беседах и спорах, пытаясь внушить «истину ислама и вывести их из заблуждения» [10, с. 1], а в итоге сам попал в их сети.

Но вскоре по инициативе шотландцев и поддержке Александра I в 1812 году было открыто «Российское библейское общество» с 15 отделениями. В 1818 году оно открывается и в Казани. Общество было создано для перевода церковных книг на языки народов Поволжья и Сибири. Этой организацией только за 1814-1823 гг. были сделаны переводы Нового Завета на татарский, чувашский, персидский, мордовский, калмыцкий, карельский языки [11, с. 18].

Что касается татарских переводов, то, как пишет Григорьев, " церковные и религиозные книги переводились на книжно – татарский язык, поэтому крещеные татары их не понимали... Мало этого, отдельные элементы из крещеных татар, пользуясь тем, что христианские религиозные книги напечатаны арабским шрифтом, оказались проводниками влияния ислама ". [12, с. 255]. Да и распространить эти книги бесплатно среди татар мусульман и башкир удалось не более 200 экземпляров. Этот факт свидетельствует о высокой степени неприятия христианства среди народов мусульманского вероисповедания.

В конце сороковых годов XIX века был взят новый курс на организацию переводов богослужебных книг с русского на татарский язык. Этот период П. Знаменский назвал "казимбековским периодом христианизации татар". В августе 1847 года была создана рабочая группа под руководством ректора Казанской духовной академии архимандрита Григория (который не знал татарского языка и давал советы только с богословской стороны) и профессоров А.К. Казим-Бека, Н.И. Ильминского, Г.С. Саблукова. За короткий срок были переведены: "Литургия Иоанна Златоуста с чином обедницы" (Казань 1850), "Часослов" (Казань, 1852), "Четыре Евангелия" (СПб., 1855), "Деяния посланий Апостольских" (СПб., 1860), "Пространный Катехизис" (СПб.,1862), "Псалтирь" (1868) [13, с. 2] Именно за заслуги в деле христианизации татар Поволжья 24 марта 1855 года профессор Казим-Бек был награждён орденом св. Станислава первой степени [1].

Переводы, сделанные под руководством А.К. Казем-бека, не подошли практикующим миссионерам. Они опять были сделаны на литературном татарском языке, с арабизмами и персизмами, который понимали лишь мугаллимы(преподаватели) и шакирды (студенты) медрессе. К тому же они были напечатаны арабским шрифтом.

Перевод богослужебных книг на языки нерусских народов и ведение затем богослужения в инородческих приходах на родном языке наткнулось на сопротивление со стороны самих миссионеров. Считая татарский язык, и языки других нерусских народностей "дикими", они вопрошали: "Пригодны ли эти наречия для высокого служения, к которому они предназначаются и могут ли на них без всякого ущерба для содержания быть выражены и высшие истины христианского вероучения?" [14, с. 14]. Но больше всего боялись противники этой системы поднятия уровня самосознания народов, уровня их националь-

ной и духовной культуры. Вот что они писали: "... язык, это народ: утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и в церковь, и вы тем самым утвердите соответственную народность и доселе безразличных к языку чуваш и др., с явным даже влечением к усвоению русского языка, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями и будет сознательно настаивать на своем обособлении" [14, с.17].

Стоит отметить, что переводы богослужебных книг на татарский язык вплоть до революции велись в двух направлениях. С одной стороны для кряшен (крещеных татар) на основе кириллицы, с заменой арабизмов терминами, сконструированными из русского языка, с другой стороны на арабской графике для татар-мусульман, с использованием персизмов и арабизмов. К примеру, издание Нового Завета, подготовленное И.Ф. Готвальдом и сверенное К. Салеманом, которое вышло в 1880 г. (переиздано в 1887 и 1910 гг.). Как было уже отмечено, что эти переводы были понятны только высокообразованным татарам, окончившим курс медресе. Благодаря этому в рамках, как православия, так и ислама сформировалось сравнительное религиоведение.

У этих двух направлений в составе Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа, созданной в 1907 г., редактором переводов для кряшен был Р.П. Даулей, а для татар-мусульман – Н.Ф.Катанов. К концу XIX века на татарском языке было издано 66 книг богослужебного содержания общим тиражом 403 750 экземпляров. Переводы на татарском языке стали матрицами для переводов на другие тюркские языки Российской империи. В целях «предотвращения татаризации» башкир и казахов «Переводческой комиссией» были переведены на казахский язык 33 книги, с общими тиражом 42645 экземпляров. На башкирский язык 10 книг, тиражом 11000 экземпляров. Данный аспект темы пока мало изучен и ждет своего исследователя.

Безусловно, переводы богослужебной литературы на татарский язык способствовали конструированию и закреплению кряшенской идентичности у большинства старокрещеных татар. Однако изучение православной литературы на татарском языке в медресе способствовало не только религиозной конфронтации, но и позволило узнать мусульманам гуманистические ценности православия, научило вести противохристианскую полемику и в целом перейти к межконфессиональному диалогу.

Список литературы

1. ГБУ «НА РТ». Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 2. Д.1397. Дело о пожаловании ординарного профессора Петербургского университета действительного статского советника Мирзы Казем-бека кавалером ордена св. Станислава первой степени 25 марта 11 мая 1855 г. 1–5 л.

2. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948.

3. Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И.Ильминского и Г.С. Саблукова в Академическое правление о причинах «отпадения» крещеных татар из православия в магометанство и о средствах более прочной русификации татар (9 февраля 1858 г.) // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX века. М.; Л., 1936.

4. Из неизданных писем Н.И. Ильминского к графу Д.А. Толстому // Сотрудник Братства святителя Гурия. 1911. № 15–16. С. 242–245

5. Сведения о миссионерском отделении // Миссионерский противомусульманский сборник. Казань, 1873. Вып. 1. С. 6–7.

6. ГБУ «НА РТ». Ф. 10. Оп. 1. Д. 661. Дело Комитета, учрежденного с разрешения Синода, для составления переводов на татарский язык некоторых богослужебных книг. Л. 1–2.

7. ПСЗРИ. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое СПб: Тип. 2-го Отделения собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. VII, 922 с.

8. Можаровский А.Ф. Старая Казанская Академия. М.: Общество истории и древностей при Московском ун-те, 1877. 130 с.

9. Лосева Н.В. Шотландская духовная миссия на территории Астраханской Губернии в XIX в. // http. www: astrakhan-musei.ru/news/news/view/16059 (дата обращения: 15.04.2017)

10. Валеев Р. М. Темирбеков М. А. Александр Касимович Казем-Бек // http. www: old.kpfu.ru/f16/bin_files/kazenbek!3.rtf (дата обращения 15.03.2017)

11.Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. Рязань, 1889–1890. Вып. 4: Синодальный период, 1700–1890 гг. М., 1893. 441 с.

12. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально – колониальной политики царизма // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948, с. 487.

13. Знаменский П.В. О татарских переводах христианских книг / П.В. Знаменский. Казань, 1894, отд. оттиск из неизв. изд. 249 с.

14. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб.: Типография товарищества обществ. «Польза». 1869, 530 с.

Сведения об авторе: Муфтахутдинова Диляра Шамилевна, канд. ист. наук, доцент, кафедра регионоведения и евразийских исследований, Казанский федеральный университет, Казань, РоссияАдрес: Казань, 420008, ул. Кремлевская, д.18 Телефон: +7 (917) 241-80-45, e-mail: dilaratatar@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

THE ROLE OF A. KAZEM-BEK IN CHRISTIAN TRANSLATIONS OF LITURGICAL BOOKS IN THE TATAR LANGUAGE

D. Muftakhutdinova
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
dilaratatar@mail.ru

Abstract. The urgency of the problem under study is due to the interest in the dialogue of cultures, and the interfaith interaction of the Muslim and Orthodox Christian denominations. The article is aimed at studying the question of the role of Professor Kazem-bek in the translation of Orthodox liturgical literature into the Tatar language in the first half of the XIX centuries.

The leading approach to the study of this problem was the systemic method, which made it possible to identify and consider various aspects of the problem of translating Orthodox liturgical books into the languages of non-Russian peoples of Russia in a systemic relationship with the ideological tasks of autocratic power in relation to the Muslim peoples of the Empire.

The article shows the evolution and goals of the translation of Orthodox liturgical literature into the Tatar language, as well as the role of Professor A. Kazem-bek in this process. The article is based on documents from the State Archive of the Republic of Tatarstan and published sources of the nineteenth century.

The materials of the article can be useful for the further development of the research topic, as well as in the course of teaching special courses at the historical faculties of universities and teaching national history in higher and secondary educational institutions of the country.

Keywords: liturgical books, Muslims, Tatars, Russification, Christianization, assimilation.

For citation: Muftakhutdinova D. The role of A. K. Kazem-bek in Christian translations of liturgical books in the Tatar language. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 56–63. (In Russ.)

References

1. GBU «NA RT». Nacional'nyj arhiv Respubliki Tatarstan. F. 10. Op. 2. D.1397. Delo o pozhalovanii ordinarnogo professora Peterburgskogo universiteta dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Mirzy Kazem-beka kavalerom ordena sv. Stanislava pervoj stepeni 25 marta 11 maya 1855 g. 1–5l. (In Russian)

2. Grigor'ev A.N. Hristianizaciya nerusskih narodnostej kak odin iz metodov nacional'no-kolonial'noj politiki carizma // Materialy po istorii Tatarii. Kazan', 1948. (In Russian)

3. Otzyv professorov Kazanskoj duhovnoj akademii N.I.Il'minskogo i G.S. Sablukova v Akademicheskoe pravlenie o prichinah «otpadeniya» kreshchenyh tatar iz pravoslaviya v magometanstvo i o sredstvah bolee prochnoj rusifikacii tatar (9 fevralya 1858 g.) // Agrarnyj vopros i krest'yanskoe dvizhenie 50–70-h godov HIH veka. M.; L., 1936. (In Russian)

4. Iz neizdannyh pisem N.I. Il'minskogo k grafu D.A. Tolstomu // Sotrudnik Bratstva svyatitelya Guriya. 1911. № 15–16. S. 242–245. (In Russian)

5. Svedeniya o missionerskom otdelenii // Missionerskij protivomusul'manskij sbornik. Kazan', 1873. Vyp. 1. S. 6–7. (In Russian)

6. GBU «NA RT». F. 10. Op. 1. D. 661. Delo Komiteta, uchrezhdennogo s razresheniya Sinoda, dlya sostavleniya perevodov na tatarskij yazyk nekotoryh bogosluzhebnyh knig. L. 1–2. (In Russian)

7. PSZRI. Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie pervoe SPb: Tip. 2-go Otdeleniya sobstv. E.I.V. Kancelyarii, 1830. T. VII, 922 s. (In Russian)

8. Mozharovskij A.F. Staraya Kazanskaya Akademiya. M.: Obshchestvo istorii i drevnostej pri Moskovskom un-te, 1877. 130 s. (In Russian)

9. Loseva N.V. SHotlandskaya duhovnaya missiya na territorii Astrahanskoj Gubernii v XIX v. // http. www: astrakhan-musei.ru/news/news/view/16059 (data obrashcheniya: 15.04.2017) (In Russian)

10. Valeev R. M. Temirbekov M. A. Aleksandr Kasimovich Kazem-Bek //http. www: old.kpfu.ru/f16/bin_files/kazenbek!3.rtf (data obrashcheniya 15.03.2017) (In Russian)

11.Dobroklonskij A. P. Rukovodstvo po istorii russkoj cerkvi. Ryazan', 1889–1890. Vyp. 4: Sinodal'nyj period, 1700–1890 gg. M., 1893. 441 s. (In Russian)

12. Grigor'ev A.N. Hristianizaciya nerusskih narodnostej kak odin iz metodov nacional'no – kolonial'noj politiki carizma // Materialy po istorii Tatarii. Kazan', 1948, s. 487. (In Russian)

13. Znamenskij P.V. O tatarskih perevodah hristianskih knig / P.V.Znamenskij. Kazan', 1894, otd. ottisk iz neizv. izd. 249 s. (In Russian)

14. Sbornik dokumentov i statej po voprosu ob obrazovanii inorodcev – SPb.: Tipografiya tovarishchestva obshchestv. «Pol'za». 1869, 530 s. (In Russian)

About the author: Dilyara Muftakhutdinova Asst. Professor of History, Department of regional studies and Eurasian studies of Kazan Federal University, Kazan, Russia, 420008 Kremlevskay, St.18 , e-mail: dilaratatar@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

УДК 94(479.24)+929Сефеви(049.32)

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ В ИСТОРИОГРАФИИ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Н.Ф. Ахундова
Институт истории им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии наук Азербайджана
г. Баку, Азербайджанская Республика
nara.akhundova@hotmail.com

Резюме. Целью данного исследования является показать как часто в исследованиях истории средневековья нехватка первоисточников создаёт целый ряд препятствий. В настоящей статье мы можем пронаблюдать сложности, с которыми сталкивались учёные в свете поставленной проблемы, разрешение которой затянулось почти на два столетия. При этом большинство выдвигаемых учёными концепций претерпевало определённое влияние соответствующих общественно-политических формаций. Статья состоит из нескольких глав, в каждой из которых отмечены наиболее, на наш взгляд, интересные публикации соответственных декад XIX, XX, XXI вв., а также использованы неисследованные факты из научной историографии и источников.

Ключевые слова: Сефевиды, Иран, Азербайджан, историография.

Для цитирования: Ахундова Н.Ф. Эволюция научно-концептуальных взглядов на вопрос происхождения династии Сефевидов в историографии XIX–начала XX вв. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 64–96.

Сведения о сефевидах и их происхождении в историографии XIX в.

Рассмотрение поставленного вопроса, пожалуй, будет правильным начать с обзора западноевропейской историографии. Ведь именно с началом XIX в. именно в Европе, в связи с расширением колониальной политики и завоевательными войнами европейцев на Востоке, научная историография (*история истории*) переходит в академическую стадию своего развития[1]. Историография XIX в., в отличие от античной и средневековой, приобретает характер дисциплины с собственными методами и правилами. В Западной культуре прилагаются усилия по историографическому анамнезу. В Европе и США историография преподаётся в университетах как вспомогательная научная дисциплина.

Как раз к этому периоду (ко второй половине XIX в.) начинает освещаться в европейской историографии и история Сефевидской династии. Тогда это были первые старания исследователей в изучении данной отрасли с использованием критического анализа и сравнительно-сопоставительных методов, а также попыток совершить философское осмысление некоторых вопросов сефевидоведения. Разумеется, в то время сведения эти носили ещё нечёткий

[1] По общему мнению, катализатором к становлению историографии как академической науки явилось усиление интереса к истории событий Французской революции и наполеоновских войн.

и недостаточный характер. Это было связано и с языковыми препятствиями, и нехваткой самих источников по данному периоду, и с множественностью версий единственного первоисточника по этой проблеме «СС». Немалую роль сыграл в этом и мистический характер содержания источника в силу суфийской идеологической основы этой династии, что, в свою очередь, затрудняло делать определённые выводы в тех или иных научных вопросах. Ведь само изучение суфизма как академическая дисциплина также берёт начало с середины XIX в. К тому же, на тот момент европейские авторы ещё не были достаточно знакомы с трудами, составленными их современниками на Востоке.

Что касается Азербайджана[1], на земле которого впервые зародился орден Сефевиййе и впервые было поднято знамя сефевидской государственности[2], то в XIX в. он представлял собой зависимую территорию, часть которой входила в состав Персии, часть – в состав Российской империи. Поэтому сведения по истории Азербайджана, равно как и истории Сефевидов приходилось искать в *Историях Ислама* или в *Историях Персии*, следовательно, заападноевропейские и персидские историки рассматривали историю Азербайджана в качестве персидской истории[3].

Так, в обстановке развернувшегося развития академической историографии с середины XIX в., в 1889 г. член американского Университета им. Виктории, член Философского общества Великобритании, член Американского Географического общества, а также генеральный консул США в Тегеране (1883–1885), С.Г.У. Бенджамин (1837–1914) поместил список опубликованных к тому времени историогафических трудов под заголовком «История Наций» («The Story of the Nations»)[4], включив в этот перечень и свой труд *The Story of Persia* или просто «Persia» [32]. Сефевидский период в данном труде был освещён, к сожалению, весьма кратко [32, p. 287–290] и ограничен лишь беглым и отрывочным описанием периодов правления шахов Исмаила I и Аббаса I.

Однако двумя годами ранее вышла в свет ещё одна публикация учёного под названием «Persia and the Persians» [31], в которой, по мнению автора, он осветил более подробно историю Сефевидов. В этой книге учёный расширенно преподнёс период правления Исмаила – основателя государства. Несмотря на великолепный критический и глубокий исследовательский подход автора ко многим проблемам из истории «Персии», в труде, тем не менее,

---

[1] Азербайджан – один из крупнейших тюркских регионов Кавказа. О многочисленности тюркского населения здесь весьма красноречиво сообщали ещё арабоязычные источники. Согласно преданию, на вопрос омейядского халифа Муавии: *«Что такое тюрки и Азербайджан?»,* знаток древней истории йеменец Абид ибн Шарийя ответил: *«Азербайджан – страна, издревле населенная тюрками*» [10, с. 189].

[2] В 1501 г. потомок основателя ордена Сефи ад-дина Исхака, шах Исмаил I, «опираясь на тюркские племена, кызылбашей-мюридов, создал мощное государство, включавшее *первоначально* Азербайджан, позднее весь Иран, нынешнюю Армению и Ирак Арабский» [63, p. 64; 29; 35; 68].

[3] Эта ангажированность западных авторов под влиянием персидской исторической мысли сохранялась ещё столетие.

[4] В список вошли: “Rome” (1885) by Arthur Gilman, “The Jews” (1887) by J.Hosmer, “Germany” (1887) by S.Baring-Gould, “Carthage” (Africa) (1887) by A.Church, “Alexander’s Empire” (1887) by J.Mahaffy, “The Moors in Spain” (1854–1931) (1886) by S.Lane-Poole, ‘Ancient Egypt” (1880) by G.Rawlinson, Hungary (1851/1832) (1886) by A.Vambery, also the histories of Greece, Turkey, Austria and etc.

как одном из первых историографических работ, освещающих сефевидскую историю, многие данные, как отмечалось, отличались неточностью и половинчатостью: к примеру, наивное утверждение происхождения Сефи ад-дина от седьмого имама Мусы; или упоминание отцом Исмаила не Хайдара, а Джунейда; или неточности в обозначениях даты коронации Аббаса, также как и даты его смерти.

Касаясь же конкретно рассматриваемого нами вопроса об этническом происхождении Сефевидской династии, автор представляет её в качестве персидской, но при этом чётких определений в этом вопросе не даёт. Так, Бенджамин неоднозначно указывает: «… В последней четверти XV в. в Ардебиле родился младенец по имени Исмаил. По линии своего отца он был потомком Мирзы Казыма, 7-го святого имама, и, следовательно, был прямым наследником от Фатимы и Али; со стороны же матери он однозначно утверждался потомком христианского императора Трапезунда… ». В то же время, отмечая «о победах Исмаила в испытаниях, устраиваемых Аккоюнлу», он, во-первых, называет династию Аккоюнлу курдской[1], а во-вторых, упускает тот факт, что дедушкой Исмаила, т.е. отцом его матери Алемшах Бегим был правитель Аккоюнлу Узун Гасан падишах. Хотя, венецианские дипломаты, в частности, Константино Ласкари, излагая в своём официальном письме причины прихода к власти шаха Исмаила I, писал: «Господин Софии принадлежит к роду Узун Гасана, и по причине этого родства стал правителем Ирана и императором… Это сыграло немаловажную роль в признании шаха Исмаила законным наследником престола Азербайджана» [18, с. 124].

Более того, допускается неверность в отношении определения отца Исмаила: автор именует его не Гейдаром, а Джунейдом. Следуя этому, автор отсчитывает его материнскую линию не с Алемшах Бегим (Марии Деспины, дочери Узун Гасана и супруги шейха Гейдара), а с Деспины хатун (Теодоры Катарины Комнины) – супруги Узун Гасана и дочери трапезундского императора Кало Иоанна Комнина IV. Вполне допустимо, что не указывается и супруга шейха Джунейда – Хатиджа Бегим – сестра Узун Гасана и супруга шейха Джунейда.

В конечном итоге, С.Г.У. Бенджамин утверждает, что по линии отца Исмаил являлся прямым потомком от Фатимы и Али (что не указывает на персидское происхождение), а по линии матери – потомком трапезундского императора.

Спустя несколько лет, в 1894 г. издаётся знаменитый справочник известного британского нумизматика и ориенталиста Стэнли Лэн-Пуля (1854–1931) под названием «Магометанские династии» [48]. Сефевиды в нём размещены в разделе «Персии и Трансоксианы» [*Persia and Transoxiana*] и рассматривают-

[1] “He instigated the revolt, in which he succeeded, after several hard-contested fields, in deposing the Kurdish dynasty of the Ak Koyunlu” [31, p. 372]. Скорее всего, автор определяет этническую атрибуцию династии курдской в силу преобладания курдского населения в местности Диярбакыра, где в своё время обосновалась конфедерация туркманских племён Аккоюнлу. Эта область была дарована главе конфедерации и основателю династии Аккоюнлу Кара Йолуку Осману в 805/1402 г. Тимуром в заслугу за верность [9, с. 223]. Кстати, ниже мы можем встретить схожие заблуждения в выводах иранского учёного Ахмада Кесрави.

ся автором в качестве захватчиков Персии: «Он [Хайдар – *N.A.*][1] вступил в состязания с Узун Гасаном из Белобаранных Туркманов, а его третий сын Исмаил, продолжая политику [отца. – *Н.А.*], захватил Ширван… весной 1502 (907) и, сделав столицей Тебриз, продолжил завоевание Ирана [He [Haydar. – *N.A.*] engaged in a contest with Uzun Hasan of the White Sheep Turkomans, and his third son Isma'il, preserving a continuity of policy, seized Shirwan… in the spring of 1502 (907), and making Tabriz his capital proceeded to conquer all Persia]». Центром управления государства Аккоюнлу автор называет Азербайджан [Adharbijan], а период существования туркманской конфедерации определяет периодом «с 1378 по 1502 гг.», однако родственной связи туркоман Аккоюнлу с Сефевидами, как видно, не отмечает.

Вопрос происхождения династии освещён здесь менее обширно, чем в трудах Бенджамина, но Сефевиды рассматриваются автором, согласно их генеалогии, тоже в качестве арабов: «Серию шахов Персии составляли, – описывает Лэйн-Пуль, – пять разных династий различных рас: Сефевиды, Афганы, Афшариды, Зенды и Каджары. Первая их них претендовала на арабское происхождение, поскольку Сефевиды вели свою родословную от седьмого имама Мусы Кязыма …[The series of the Shahs of Persia is composed of the five distinct dynasties of different races: the Safavids, Afghans, Afsharids, Zands, and Kajars. Of these the first claimed Arab lineage, for the Safavids traced their descent from the seventh Imam Musa-Kazam…]» [48, p. 259]. Наиболее выдающимся представителем династии автор считает шаха Аббаса I (1587–1629), выражая мнение, что он принадлежал к великой эпохе, которая произвела таких правителей как Сулейман Великолепный, Акбар и Елизавета.

Нельзя в данном перечне не упомянуть и о немецкой историографии. В 1881 г. известному немецкому учёному XIX в., профессору университетов Кёнисберга (1882) и Галле (1889), А.Мюллеру (1848–1892) было предложено составление «Истории ислама на Востоке и Западе» для известной исторической серии Онкена[2]. Освещая исторический период правления мусульманской династии Сефевидов в четырёхтомнике «История Ислама», автор хотя и рассматривает их государство как «персидское национальное государство», а самих Сефевидов в качестве «персов» [19], но при этом конкретных обоснований для этого не приводит.

Учитывая вышеизложенное, пожалуй, самое раннее освещение вопросов истории Сефевидов в историографии XIX в., мы отведём к 1841 г., когда было составлено первое монографическое исследование академического плана, посвящённое восточной части Кавказа под названием «Гюлистани-и-Ирам». Кстати говоря, появление этого труда происходило в условиях определенного этапа в общественно-политическом развитии Азербайджана и не было случайным. Не смотря на всю драматичность исторической ситуации

[1] Хайдар Сефеви (1456–1488) – Сефевидский шейх, праправнук шейха Сефи аддина Ардебили и отец Исмаила I, основателя Сефевидского государства (1502–1736), а также муж Алемшах Бегим и зять Узун Гасан падишаха.

[2] По словам академика барона В.Р. Розена, «всякий специалист скажет, что в ней было сделано все… чтобы представить читателю верную картину достигнутых до сих пор наукой результатов». Высказывание это взято из речи барона академика В.Р. Розена, прочитанной на Заседании Вост. Отд. И. Р. А. О. 29 сентября 1892 и напечатанной в Записках Вост. Отд. т. VII, 329–334 [19].

для Азербайджана, сложившейся в первой четверти XIX в. и разделение этого многовекового единого этнокультурного и геополитического региона на две части[1], всё же вхождение Северного Азербайджана в состав России, а, следовательно, восприятие европейского влияния, имело и свои положительные результаты, по крайней мере, для развития науки и культуры. Так, в сочинении «Гюлистани-и-Ирам» при обзоре истории Азербайджана с древнейших времён до заключения Гюлистанского мира (1813 г.) нашли отражение все достижения исторической науки предшествующего периода[2]. А.А.Бакиханову же эта работа принесла славу основоположника азербайджанской историографии: он стал «для азербайджанской историографии последним хронистом средневековья и первым историографом, историком нового времени» [6, с. 4]. Исследовав материальные памятники старины и этнографические и письменные данные, А.Бакиханов описал полную историю сефевидского государства в главе под названием «От вступления на трон Сефевидов до смерти Надир-шаха» (906/1501–1160/1747) и охватил периоды правления всех шахов династии: Исмаила I, Тахмасиба I, Исмаила II, Мухаммада Худабенде, Аббаса I, Сефи I, Аббаса II, Сефи II (Сулейман), Султан Хусейна, Тахмасиба II, Аббаса III.

С этой точки зрения труд А.А.Бакиханова «Гюлистани-и Ирам» представляет собой ценность не только в качестве одного из ранних трудов мировой академической историографии XIX в., но также как одной из самых ранних историографических работ, полностью освещающих историю сефевидского государства.

Тем не менее, несмотря на столь богатый информативный характер сочинения, относительно этнической атрибуции династии Сефевидов А.А.Бакиханов высказывает своё мнение довольно сдержанно. Ссылаясь на первоисточники, автор лишь указывает на происхождение от фамилии пророка: «Происходя в 21 колене от седьмого имама [Мусы Казима. – *Н.А.*], предки Сафи ад-дина были всегда шейхами и духовными учителями…» [6, с. 92].

Что касается персидской исторической науки XIX в., то к тому периоду в Каджарском Иране академическая историография, как таковая, ещё не сформировалась. Ко времени вышеупомянутой публикации «The Story of the Nations», пожалуй, самым знаменательным событием в жизни каджарской исторической науки явилось составление генеральной истории Персии персидским историком Риза-кули Ханом «Раузат-ус-Сафа». Сочинение было завершено к 1858 г. Известный иранский писатель и историк литературы Риза-кули Хан Хедаят (1800–1871) явился продолжателем «Раузат ас-сафа» Мирхонда. Он написал 8-й, 9-й и 10-й тома, доведя летопись до времени шаха Насир-ад-дина Каджара. Повествование книги завершается историческими событиями в Иране 1856 г. В этом труде сефевидская история охвачена гораздо шире и компилирована информация из более ранних источников. В то же время, Брауном были

[1] В результате же обострения русско-каджарских отношений и двух русско-каджарских войн (1804/1813 и 1826/1828) территория Азербайджана разделилась на две части между Россией и Ираном. Именно после этого раскола возникли понятия «Северный Азербайджан» и «Южный Азербайджан» [28, p. 14].

[2] Первоначально книга была написана на персидском языке в 1841 г., однако уже в 1844 г. переведена автором на русский язык под названием «История восточной части Кавказа». В 1845 г. этот труд был представлен Петербургской Академии наук и удостоен правительственной награды.

замечены элементы ряда, по его выражению, «бессмысленных переделок». Отмечая, что многие эпизоды труда были преимущественно в точности скопированы с весьма незначительными изменениями с «Тарих-и алямара-йи Аббаси», Э. Браун приводит и моменты определённых фальсификаций пересказа Мюнши [35, p. 7]. В отношении происхождения династии констатируется линия родословной к потомкам пророка, согласно официальной генеалогии. Однако эта работа не входит в число историографических произведений, а представляет собой, с точки зрения современной науки, источник.

Итак, основные идеи в XIX в. по поводу происхождения Сефевидов, в независимости от национальной принадлежности историков, сводились ими, как видно, к арабской родословной линии от пророка, согласно генеалогическим таблицам, представленным в источниках. Иными словами, история Сефевидов, а тем более, проблема их происхождения в то время ещё не была основательно разработана историками, которые затруднялись в ту пору противопоставить что-либо веское официальной генеалогии династии.

Коротко о генеалогии Сефевидов

Касаясь генеалогии этой династии, прежде всего, необходимо принять во внимание, что подобные таблицы тогда могли носить зачастую не вполне достоверный характер, ибо многие правящие кланы средневековой эпохи, пребывающие на вершине славы, предусматривали подобные генеалогические древа не столько в целях средства самообольщения, а сколько в целях политической легитимности. Можно привести массу подобных примеров из истории, ссылаясь на источники: так, согласно сведениям большинства средневековых летописцев (Рашид ад-дин Фазлуллах, Хафиз Абру), начало родословной огузов восходит к Ною, а родословная Тимура ведёт своё начало от Адама (Хондемир), моголы также сводили свою линию к Ною (حون) (Хамдуллах Мостоуфи). У древних же китайцев императорский род нёс своё начало от Бога: следовательно, и китайские императоры и каганы считались сыновьями Бога. Подобные традиции можно было наблюдать и в Древней Греции, согласно сведениям Геродота [25, s. 305–308].

В целом, в «Сафват-ус-Сафа», «Ахсан-ут-Таварих», «Сильсилат-ун-несаб-и-Сефевийе» и во всех других известных *историях* сефевидской династии[1] её генеалогическое древо от Сефи ад-дина к его предкам передаётся с незначительными изменениями[2] следующим образом:

1. Шейх Сефи-ад-дин Абуль Фатх ибн Исхак – 2.Амин-ад-дин ибн Джабраил – 3. Ибн Салих – 4. Кутб-ад-дин ибн Ахмад – 5.Салих-ад-дин ибн Рашид – 6. Мухаммад ибн Рашид – 7. Аваз аль-Хаввас – 8.Фирузшах-и-Заррин-кулах – 9. Ибн Мухаммад – 10. Шарафшах – 11. Ибн Мухаммад … – 20. Абу Мухаммад Гасым – 21. Абуль-Гасым ибн Хамза – 22. Аль-Имам Мусса Казым (седьмой Имам и пятый потомок Али и Фатимы)» [35, p. 32–33; 68, s. 71]. Этой генеалогией придворные историки обосновывали наследование шейха Сефи от Али ибн Абу Талиба или, как высказывался И.П. Петрушевский, «легенда эта очень пригодилась для обоснования их (Сефевидов. – *Н.А.*) политических

[1] Подробно об основных источниках по жизнеописанию шейха Сефи ад-дина Ардебили см.: [5, s. 46–62].

[2] К примеру, в версии «Сафват-ус-Сафа» от 1490 г. родословная Сефи ад-дина берёт начало от Фирузшаха Заррин-кулаха, а в версиях XVI в. – продолжена до *Hezret-i Ali*.

притязаний» [21, с. 68]. Выражаясь же словами Роджера Сейвори, «это была официальная генеалогия, которую можно обнаружить во многих источниках, составленных в сефевидский период», которую, в свою очередь, японский учёный Казуо Моримото называет «стандартной мусавидской генеалогией» [54, p. 447]. Ведь утверждая своё происхождение от Али, сефевидские шахи изначально намеревались тем самым под эгидой шиизма противопоставить новую политическую силу в своём лице в противовес суннизму как центробежных сил внутри страны, так и внешней силы в лице Великой Порты в целях укрепления, объединения и централизации страны. В то же время, выражаясь словами Исы Аде Белло, «сами Сефевиды, стремясь из политических соображений сфабриковать себе Алидское происхождение, невольно приложили все усилия для того, чтобы исказить свою историческую родословную» [26, p. 1].

Вопросы происхождения сефевидов в историографии начала XX в.

В начале XX в. учёные-востоковеды помимо политической истории Сефевидов, всё больше затрагивают вопросы языка, этнополитических ценностей, географических названий и ареалов, вокруг которых разворачивались события из истории этой династии.

Этот период развития историографии совпадает с важнейшими эпохальными событиями во всемирной истории, в частности, крушением четырёх колониальных империй в результате первой мировой войны[1]. В связи с этим во многих странах растёт стремление к независимости, возрождению национальной истории, культуры и языка. Так, в 1918 г. на волне международного освободительного движения в Северном Азербайджане провозглашается независимая Демократическая Республика – первая парламентская демократия на Востоке. Самой популярной идеей в Азербайджане тех лет был тюркизм[2]. Основоположник Азербайджанской Республики (1918–1920), выдающийся политик, писатель, журналист, общественный и государственный деятель Мамед Эмин Расулзаде (1884–1955), восстанавливая историческое право нации на самоопределение, писал: «Азербайджанцы по национальности тюрки, по религии – мусульмане, по культуре примыкают к Востоку» [22, с. 22].

Обращаясь к вопросам языка национальной поэзии и культуры и подробно изучив религиозную форму стихосложения эпохи Сефевидов, автор приходит к выводу, что «нынешняя» форма стихосложения и его язык являлись прямым наследием творчества эпохи Сафавидов, «когда стих на родном наречии тюркских племен считался наилучшим орудием пропаганды религиозно-философской школы, основателем которой был Шах-Исмаил – сам поэт, носящий прозвище Хатаи» [22, с. 147]. Таким образом, исследования Расул-заде почти в точности совпали с исследованиями впоследствии другого видного востоковеда, ираниста и кавказоведа и его современника В. Минорского (1877–1966). По утверждению последнего, все известные копии диванов Хатаи сохранены на тюркском языке, за исключением «части персидских поэм в парижских манускриптах». По словам автора, язык их был основан на южно-тюркском

[1] Первая мировая война (1914–1918) положила конец существованию Российской, Австро-Венгерской, Османской и Германской (*Deutsches Kaiserreich*) империй.

[2] Ещё в конце XIX в. основоположник идеи тюркизма в Азербайджане Али бек Гусейн-заде осуществили переход от просвещенческого и культурного к политическому тюркизму.

диалекте, «прямо связанном с так называемым «азербайджанским тюркским», на котором говорит северо-восточная Персия [Южный Азербайджан. – *Н.А.*] и северо-восточная часть Южного Кавказа [Северный Азербайджан. – *Н.А.*]» [52, p. 1010a]. Идеи пантюркизма, как одной из идеологических основ национальной политики младотурок, были сильны в то время и в соседней Турции, которая в 1923 г. провозгласила себя республикой. Видный турецкий общественный деятель и историк Нур в одном из новоподготовленных трудов по истории Турции затрагивает и некоторые вопросы истории ранних Сефевидов и этнически причисляет их к тюркам [55, s. 114].

Теперь коротко остановимся на некоторых особенностях научно-культурного строительства в Иране, поскольку как раз к этому времени (спустя почти столетие после Европы и Северного Азербайджана), как отмечалось, историография в Иране приобретает характер дисциплины с собственными методами и правилами. Начинают проводиться существенные преобразования в образовательной и научной сферах. Повсеместно открываются научные учреждения, и строится преподавание истории. Расширяется число школ, публикуются новые книги, действуют колледжи (*Dar al-Mu'allimin-i'Ali*)[1]. Однако деятельность историков в определённой степени ограничивалась со стороны государства, настаивавшего на стандартизации учебных планов и др. продвижений. Поэтому группа иранских парламентариев, действуя независимо от государственного сектора, основала Образовательную Комиссию в 1923/1926 гг.[2], которая нанимала юных образованных историков для издания книг. В отличие от прежнего поколения историков, эта плеяда будущих иранских просветителей таких как, Рашид Йасами, Насруллах Фальсафи, Фахр ал-дин Шадман и Хусейн Хархуди и др. [65, p. 61–62], обучалась как по исламской, так и по современной образовательной системам[3]. Безусловно, выступая яркими поборниками национальных идей возрождения, представители иранской национальной академической историографии, пытались возвеличить роль Персии в истории близлежащих стран и всячески национализировать все важные исторические события и достижения, происходящие на территории Ирана.

Тем не менее, несмотря на националистические тенденции иранских историков начала двадцатого и предыдущих веков, методы исследования академической историографии не могли никак не сказаться на объективности освещения исторических реалий. Интересно узнать мнение по поводу происхождения Сефевидов одного из видных представителей этой плеяды Н.Фальсаф[4].

---

[1] Такие школы на протяжении двух десятилетий отвечали за обучение поколения историков, способных занимать существенные посты в системе образования, бюрократии, гражданской службе, военном и частном секторе.

[2] Образовательная Комиссия была неофициальным институтом, напоминающим прежний Образовательный Комитет. Сулейман Мирза, бывший министр Образования, основавший комиссию с помощью нескольких поздне-каджарских представителей просвещения и культуры.

[3] Похожий процесс наблюдался в Северном Азербайджане (в составе Российской империи) ещё в первой половине XIX в.

[4] Летом 1928 г., когда парламентарий и будущий премьер-министр Мухаммад Мосаддык предложил сделать перевод на фарси с книги французского историка Ньюма Дени Фустель де Коланжа «La cite antique», первым кто добровольно вызвался сделать это, был 27-летний учитель истории и географии Насруллах Фальсафи [65].

Позднее, проведя подробный анализ средневековых источников по сефевидскому периоду, учёный придёт к выводу: «Со стороны матери он (Исмаил. – *Н.А.*) был внуком Хасан-бека Туркмана Аккойунлу [т.е. тюрком. – *Н.А.*] и по праву считал себя законным наследником этой династии… Его приверженцы, как известно из всех историй периода, также были в основном из племён туркман и татар. Даже после восшествия на престол он презирал персидское происхождение и язык – две главные основы нации. Коренное население Ирана он подчинил и сделал подвластным туркманским по происхождению кызылбашским племенам… Он сделал тюркский язык официальным языком иранского двора. Даже сам он сочинял стихи исключительно на тюркском языке… Поэтому бесспорно, что… созданием единого государства шах Исмаил не ставил себе целью восстановление национального и политического единства Ирана… Таким образом, тюркские по происхождению и языку племена стали повсеместно господствовать в Иране над коренными персоязычными иранцами… Свое тюркское происхождение по благородству и знатности кызылбаши ставили выше коренного народа Ирана…. » [3, с. 50–51]. Иными словами иранский учёный характеризует период шаха Исмаила как господство тюрок над остальным населением Ирана.

Этот вывод учёного вряд ли вызывает сомнения. В «Тарих-и алямара-йи Аббаси», как раз, описан символичный случай, демонстрировавший, что изначально Исмаил не ставил себе целью завоевание Ирана. Так, во время «завоевания (**مفتوح**)» Ширвана[1] [скорее похода на Ширван. – *Н.А.*] часть населения Ширванского вилайета находилась в крепости Гюлистан[2]. «Одна из известных крепостей [Ширванского. – *Н.А.*] вилайета – [Гюлистан. – *Н.А.*] – была окружена. Во время осады ангел, принёсший вести из потерянного мира, дал веление его высочеству достичь султанского престола и падишахства Азербайджана»

[گلستان] از قلاع مشهوره [*N.A.* - شیروان] آن ولایت [*N.A.* - است محاصره فرمودند دراثناعئ محاصره سروش عالم غیب آن حضرت را بتخت سلطنت و پادشاهی آذربایجان مژده داد]…

[67, s. 27].

Услышав того ангела в сновидении Его Высочество, вызвав своих великих эмиров, спросил у них: «Вам нужна крепость Гюлистан или престол Азербайджана?». Все эмиры единогласно выразили мнение, что им нужен престол Азербайджана

[نخن آذربایجان غلفله نشاط بایوان کیوان رسانیدند] [68, s. 27]

С другой стороны, автор определяет тюркское происхождение Исмаила только по материнской линии: выходит, по отцовской линии Фальсафи считает его персом, «ненавидевшим персидское происхождение», хотя матерью отца Исмаила также была туркоманка Хатиджа Бегим[3], *а единственным же указанием на персидскую этническую атрибуцию династии представлялась разве что персона тестя и духовного наставника Сефи ад-дина Исхака Ардебили – суфийского шейха Захида Гиляни, да и то под большим вопросом.*

---

[1] В то время Ширван действовал как отдельное государство, управляемое независимыми правителями-ширваншахами. Одним из центров государства Ширваншахов был город Баку – нынешняя столица Азербайджана.

[2] Находится в 3 км к северо-западу от г. Шемаха. Предположительно была построена в IX в.

[3] Здесь, возможно, упущен тот факт, что не только отец Исмаила, но и его дед были женаты на представительницах Аккоюнлу (первый – на сестре Узун Гасана, второй – на дочери).

Но, пожалуй, ещё одним из важнейших концептуальных взглядов тех десятилетий, было довольно традиционно установившееся в европейской и частично русской историографии ошибочное мнение о том, что *шиизму следовали лишь персы*, а тюрки-кызылбаши, сыгравшие ведущую роль в образовании государства Сефевидов, причислялись к шиитам-персам. Иными словами, религиозная принадлежность кызылбашей превалировала над их этнической принадлежностью. Так, А.Крымский (1871–1942) полагал, что «Сефевидская династия считается национальной персидской из-за шиизма. Но обиходным языком её был тюркский» [16, с. 148]. Выдающийся арабист академик В.В. Бартольд (1869–1930), сомневавшийся в тюркской принадлежности Сефевидов, в 1912 г. в статье «Халиф и султан» выдвинул мнение о «персидском национальном стремлении» Исмаила и его сторонников [7, с. 369]. При этом, российские учёные, придерживавшиеся этого мнения, наталкивались на ряд противоречий, впрочем, так же как и европейские.

Так, к 20-гг. XX в. одним из великолепных исследователей персидской истории, в частности, сефевидского периода, явился британский учёный-востоковед лингвист Э. Браун. Большинство его исследований в этой области считается уникальным и актуальным по сей день. Тем не менее, вопрос этнического происхождения династии освещается в его творчестве довольно противоречиво. Так, по мнению автора, Сефевиды имели персидское происхождение. Более того, Браун рассматривает приход к власти Сефевидов как возрождение персидской национальной государственности после более чем 9-векового тюркского правления[1].

С другой стороны, как отмечает автор, «it's a remarkable fact that while Sultan Salim and Shah Ismail both possessed considerable poetic talent, the former wrote almost exclusively in Persian, and the latter, under the penname of Khata'I, almost exclusively in Turkish» [*Примечательно, что хотя султан Селим и шах Исмаил оба обладали значительным поэтическим талантом, первый писал свои стихи почти исключительно на персидском языке, последний, под псевдонимом Хатаи, – почти исключительно на тюркском*] [35, p. 13]. А боевой клич сефевидской армии звучал не «Long live Persia!» [Живи долго, Персия!], а "O my spiritual guide and master whose sacrifice I am" [*О, мой духовный наставник и учитель, ради которого я жертвую*] на тюркском языке [35, с. 14–15] и т.д.

Однако уже в годы Советской России, с изменением политической расстановки и появлением на мировой арене Союза Социалистических Республик[2] всё больше русских востоковедов начинают склоняться отныне к новой научной мысли о тюркской принадлежности династии Сефевидов, но лишь на их ранней стадии развития, когда они были не шахами, а шейхами. Так, акад. В.В. Бартольд, ещё совсем недавно (1912) выдвигавший мнение о «персид-

---

[1] Известно, что после падения Сасанидов, на территории Персии не существовало персидской государственности.

[2] В 1920 г. 11-я Красная Армия вероломно вступает на территорию АДР, положив тем самым конец существованию независимой республики в Северном Азербайджане. В то же время с установлением социалистического режима, Россия и Иран вновь оказались по разные стороны политических баррикад. В результате, тюркский Азербайджан (в составе Советского Союза) вновь превращается в орудие выражения интересов могущественных стран, на этот раз в форме появления новых концептуальных взглядов в науке.

ском национальном стремлении» Исмаила и его сторонников в статье «Халиф и султан», уже в 1924 г. писал, что «ардебильские дервиши, несомненно, не персидского, а тюркского происхождения» [8, с. 700]. Позднее И.П. Петрушевский (1898–1977) также же отмечал: «Первые шейхи-Сефевиды жили в Ардебиле, их родным языком был азербайджанский [тюркский. – *Н.А.*]» [20, с. 252]. Концепция о «тюркской принадлежности Сефевидов лишь в период их ранней истории» сохранялась и превалировала в советской историографии до 50–60 гг., о чём говорят выводы и Иванова: «*первоначально* Сефевидское государство было по существу азербайджанским государством» [13, с. 61].

Итак, как видно, в этот короткий промежуток времени в научной историографии была выдвинута масса самых различных идей по проблеме происхождения Сефевидов. В тюркском мире Сефевидов причисляли к тюркам, в Советской России Сефевидов считали тюрками лишь на ранней стадии их истории. Персидская и европейская историография Исмаила называла либо персом, либо тюрком наполовину. Однако, среди всего описанного конгломерата научных мнений, независимо от концептуальности взглядов, а также национальной и политической идентичности авторов, просматривается одна общая заключительная особенность, характерная для большинства исследований первой четверти XX в.: родным языком и культурой Сефевиды считали азербайджанский тюркский язык и тюркскую культуру.

Полемика вокруг вопроса об этнической атрибутике Фирузшаха Заррин-кулаха, разгоревшаяся в 40–50-х гг. XX в. и её причины

Пожалуй, самой нашумевшей теорией XX столетия относительно происхождения Сефевидов явились исследования Ахмада Кесрави по проблеме этнической принадлежности уже упоминавшегося Фирузшаха Заррин-кулаха.

1. Краткая информация о Фирузшахе Зеррин-кулахе

На официальную генеалогию Сефевидов, как выяснилось, нельзя полагаться как на фактическую, однако на сегодняшний день это –единственная полная схема родословной династии, которой мы обладаем. По крайней мере, в том, что предком Сефи ад-дина в седьмом поколении был эмир по имени Фирузшах, слывший «человеком состоятельным и почтенным», большинство исследователей не сомневаются.

При этом ни одна фигура из родословной Сефевидов не вызвала столь бурного количества дискуссий между учёными, как личность Фирузшаха Заррин-кулаха.

Искендер бек Туркман Мюнши отмечал: «Ещё при жизни шейха Садр ад-дина Мусы дервиш Тевеккюль ибн Исмаил, больше известный под именем Ибн Баззаз,… написал одну книгу и назвал её «Сафват-ус-Сафа». Эта книга начинается с *Фирузшаха Зеррин-кулаха*» [68, s. 9]. Вначале «Фирузшах Заррин-кулах был назначен губернатором Ардебиля», а последние годы своей жизни провёл в Рангине в Гиляне [35, p. 36][1]. «Он (Ибрахим Адхам)… назначил эмира Фирузшаха, обладающего искусством религиозного и светского управления, владельцем и эмиром Ардебиля и всех прилегавших к нему территорий. У него

[1] Данные Э.Брауна несколько отличаются от данных В.Минорского (см.: [53, p. 512/18]), но совпадает с повествованием Искендера Мюнши и Баззаза.

скопилось так много богатств, войск, живности и добычи, что (это всё) не вмещалось в Ардебиль. Покинув его, он направился к окраине гилянского леса и обосновался там в одном благоприятном месте…» [67, с. 71–72].

Впоследствии, согласно «Сильсилат-ун-несаб-и-Сефевийе», Фирузшах Заррин-кулах «покинул мир, прожив успешную жизнь в Рангине в Гиляне. Ему наследовал его сын Аваз…».

2. Теория А. Кесрави и З.В. Тогана

О том, что предок Сефи ад-дина в седьмом поколении Фирузшах Зеррин-кулах «имел курдское происхождение», в научной историографии впервые было заявлено выдающимся иранским учёным, азербайджанцем по происхождению, Ахмадом Кесрави в 1944 г. в работе « شیخ **صف و تبارش**». Автор высказывался, что в одной из имеющихся в наличии наиболее ранних рукописей «Сафват-ус-Сафа» [очевидно имеется ввиду версия 1490 г. – *Н.А.*] он обнаружил, что имя Фирузшах сопровождалось нисбой «El-Kurdi el-Senca<u>n</u>i» (**الکردی السنجانی پیروز شاه زرین کلاه**). В то же время, по мнению Кесреви, Сенджан – «это явная ошибка, на самом деле это изменённая форма от “el-Senca<u>r</u>i”» [71, s. 37]. Иными словами, автор озадачен: поскольку Сенджан никогда не считался курдонаселённой местностью, то почему же присутствует «ал-курди»?! Поэтому Кесреви заключил, что Фирузшах был уроженцем не Сенджана, а «Сенджара»[1] (**السنجاری**), поскольку эта местность больше подходит под курдонаселённую. Таким образом, учёный утверждает, что в источнике допущена ошибка …

Сказать по чести, в заявлениях Кесрави часто содержалось множество подобных предположений. На *предположения* Кесрави укажет позднее, в 2010 г. и профессор Токийского Университета, К.Моримото. Учёный сочтёт необоснованными утверждения Ахмада Кесрави о «происхождении Фирузшаха от Ибрахима Адхама». В качестве примера Моримото приводит высказывания автора из упомянутой работы «*Шейх Сефи и его родословная»* («(شیخ**صف و تبارش**)» 54], p. 46–48], комментируя: « …Согласно *Safvat*, предок Сефи, Фируз-шах пришёл в Азербайджан в числе курдской армии, командуемой потомком Ибрахима б. Адхама (ум. в 161/777–78). Кесрави, доверяя своему чутью и, обнаружив [дословно] «запах переделки текста под предлогом скрыть правду», внезапно заключил, что в оригинальном тексте, скорее всего, было написано, что сам Фируз-шах был потомком Ибрахима б.Адхама» [54, p. 451] [Выдвижение подобных гипотез, конечно же, идёт вразрез с главными принципами изучения в научной методологии].

Спустя год после выхода упомянутой работы « شیخ **صف و تبارش**», Кесрави не стало: смелые антисуфийские и антишиитские заявления учёного уже давно вызывали гнев определённых слоёв религиозного общества[2]. Однако в дальнейшем положения А. Кесрави были широко разработаны в исследованиях его современника и единомышленника в данном вопросе, видного турецкого учёного З.В. Тогана. Кстати, сам Тоган утверждал, что в действительности свои исследования оба автора вели независимо и, не сообщаясь друг с другом, и «об

[1] Указанные авторы имеют ввиду Синджар – район Дийарбакыра, в котором в те времена проживала часть курдских поселений.

[2] Первое покушение на его жизнь было совершено ещё в апреле 1945 г. Будучи социальным и религиозным реформатором, в 1946 г. он предстал перед военным судом в Тегеране по обвинению в богохульстве, и во время судебного заседания 11 марта 1946 г. был убит в здании Дворца правосудия.

исследованиях Кесрави он узнал только после того, как отправил свою рукопись в издательство». Историк также как и Кесреви, придерживался теории о курдском происхождении Фирузшаха Заррин-Кулаха. Основные исследования автора сводились к демонстрации перехода нисбы «ал-курди» из одной формы в другую и её полного исчезновения в конечном варианте. В 1957 г. турецкий учёный в своей статье “Sur l’origine des Safavides”, сравнивая версии «двух пресефевидских манускриптов (МС. Айя Софья №3099, записанного в 896/1491 и МС. Лейден №2639, записанного в 890/1485)» [64, с. 347–348] с рукописями, записанными в 914/1508 (2123) и в сефевидский/позднесефевидский периоды, а также исследуя употребление в них слова *al-kurdi*, историк делится своими наблюдениями по поводу альтерации “al-Kurdi al-Sinjani”/ “nisbat-I Biruz ba Kurd raft” в “nisbat-I Firuz dar dhikr-i nasab raft” [4, с. 125–126]. *Иными словами, в версиях рукописи XV в. нисба «ал-курди» присутствует, а в версиях XVI в. – отсутствует.*

3. О множественности версий источника «Сафват ус-сафа»

Недостаточная изученность этих вопросов в историографии во многом связана с малым количеством источников, освещающих эту проблему. По существу, главным первоисточником по данной теме представляется агиографическое сочинение «Сафват-ус-сафа»[1], написанное к 750/1349 г. Таваккулем ибн Исмаилом. При этом проблема усложняется отсутствием оригинала рукописи Исмаила ибн Баззаза. Большинство сефевидских архивов было расхищено и вывезено из Ардебиля [45, p. 9]. Ко многим из них, находящимся в книгохранилищах Санкт-Петербурга и Тегерана, доступ затруднён, а то и вовсе недоступен.

Более того, как будет подробно описано ниже, сочинение неоднократно переписывалось и подвергалось изменениям: ведь как в конце XV и начале XVI вв. (1508 г.) при шахе Исмаиле I (1486–1524), так и «начиная с конца XVI – начала XVII вв., в особенности, при его сыне и духовном преемнике (*halefi*) шахе Тахмасибе I (1512–1578) в целях политического утверждения своей власти и шиитских позиций, в труде местами были сделаны определённые поправки [25, с. 287–329]. На сегодняшний день известно более 20 версий рукописи. К числу наиболее ценных из них относится рукопись из Индийского офиса. Герман Эте впервые написал, что именно эта версия и является оригиналом. Однако сегодня современная наука не принимают эту точку зрения. Самая давняя рукопись, дошедшая до наших дней, хранится в Лейдене (1485). Вторая версия – рукопись, хранящаяся в Соборе Святой Софии. Большую ценность представляет собой рукопись в Санкт-Петербурге, поскольку принадлежала библиотеке мавзолея Шейха Сафи.

Вся остальная имеющаяся в наличии информация о родоначальнике Сефевидской династии представлена в компиляционных трудах придворной сефевидской хронографии более позднего периода[2].

---

[1] Таваккуль ибн Исмаил, вдохновлённый в своё время суфийским трактатом «Сафват-ус-Сафа» арабского автора Ибн аль-Джаузи (Джамлуддин Абуль-Фарадж Абдуррахман ибн Али аль-Кураши), решил дать своему труду одноимённое название [этим и объясняется арабское происхождение заголовка сочинения] (См.: [4, с. 112–113]).

[2] Среди них Хусейн Захиди «Силсилят-ун-несаб-и Сефевийе», Искендер бек Туркманом Мюнши «Тарих-и-алемарайе-Аббаси», Мухаммед саф Вали Исфахани

Немалую долю «туманности» внесли в это дело и некоторые концептуальные взгляды в иранской историографии с начала XX в., а также ангажированность под этим влиянием некоторых представителей западноевропейской исторической научной мысли[1].

Исходя из вышесказанного, утверждения А. Кесрави и некоторых учёных-продолжателей его идей о курдском происхождении Зеррин-Кулаха (З.Тоган, Ф. Дафтари, Р. Мати, отчасти Р. Сейвори, Лапидус и др.) являются, на наш взгляд далеко не аксиоматическими. Ведь предложение о том, что в источнике вместо названия Сенджан должно быть было Сенджар, до сих остаётся всего лишь гипотезой Кесрави… Впрочем, так же как, и заявления Тогана, в которых мы не находим обоснованного ответа на вопрос: *если бы Сефевиды были, действительно, курдами, то чего ради им понадобилось скрывать своё курдское происхождение?*

Разработки темы «Азербайджанское государство Сефевидов» в историографии 40-60 гг.

1. Развитие сефевидоведения в азербайджанской историографии в 40-50 гг. XX в. в условиях «борьбы против космополитизма»

С начала 40-х гг. в азербайджанской историографии советского периода появляются новые теории – разработки темы *Азербайджанского (т.е. тюркского)*[2] *государства Сефевидов*. В 1943 г. в годы второй мировой войны (1939–1945) издаётся статья доктора исторических наук И.А.Гусейнова[3] под названием «Шах-Исмаил Сефеви». Основные направления статьи указывали на то, что Сефевидское государство было азербайджанским, большая часть его территорий располагалась в пределах Азербайджана, а ¾ населения в государстве составляли азербайджанцы [12, с. 148]. Эти исследования были разработаны им и в ряде других статей, опубликованных в 40-е гг. XX столетия [12, с. 23; 61, s. 50–51; 34, s. 14–15]. Возможно, они продолжили бы в то время и дальнейшее развитие, если бы не «борьба против космополитизма», развернувшаяся в Советском Союзе в 1948 г. и продлившаяся до 1953 г., до самой смерти И.Сталина…[4]

в «Huld-i Berin», Кади Ахмед аль-Хусейни Куми в «Hulasatü't-Tevarih», в анонимный труд «Tarihçe-yi Safeviyan», Мирза бек Джунабеди «Ravzatü's-Safeviyye» и др. Подробнее см.: [60, p. 3].

[1] С момента Октябрьской социалистической революции долгие годы западноевропейская наука находилась под значительным влиянием скорее историографии Ирана, нежели Советского Союза, в составе которой находился и современный Азербайджан.

[2] Как отмечалось, территория Южного, равно как и Северного Азербайджана издавна была заселена тюркскими племенами. Согласно последним данным, наиболее ранние письменные упоминания об этом относятся к 9 в. в йеменских источниках, красноречиво сообщающих о сражениях арабских завоевателей «с тюркскими отрядами Азербайджана». [27, s. 146–151]. Эту информацию подтверждает и персидский аноним, составленный в 1126 г., где говорится: *«Азербайджан является страной, которая издревле находится в руках тюрок»* [10, с. 189].

[3] И.А. Гусейнов (1910–1969) – первый азербайджанец-доктор исторических наук; с 1941 по 1942 гг. состоял на посту директора Института Истории Азербайджанского филиала АН СССР.

[4] В целом, космополитизм – это идеология мирового гражданства, отрицающая национальный суверенитет или же система взглядов, основанная на отказе от признания

Так, в 1950 г. историк Ш. Мамедбейли предоставляет Учёной Коллегии автореферат на соискание учёной степени под ярким названием «Шах Исмаил – основатель азербайджанского сефевидского государства» [16]. Обосновывая азербайджанскую принадлежность сефевидского государства, автор указывал: «Основную территорию Сефевидского государства при его возникновении составляли азербайджанские земли. Подавляющее большинство населения этой территории, имеющее этническую общность и общую культуру, состояло из азербайджанцев, говоривших на азербайджанском языке. Воинские силы, участвовавшие в борьбе за создание Сефевидского государства, состояли также из азербайджанцев. Из азербайджанцев состояла и основная масса лиц, служивших в гражданско-административных и других государственных ведомствах» [17, с. 20]. Более того, автор приводит важные сведения из источников, которые характеризуют созданное Исмаилом I государство и земли, оберегаемые им, азербайджанскими. Цитируя Хасан-бека Румлу, Мамедбейли отмечал: «Шах Исмаил, услышав о предстоящем вторжении войск султан-Мурада и Зулькадара Элауд-довле в Азербайджан, собрал войско и отправился против них». Также историк передаёт сведения из «Хабиб-ус-Сийар» Хондемира: «Шах Исмаил в первый день объявления себя шахиншахом издал фирман о том, что хатибы Азербайджанской страны должны молиться на имя Исна-ашариев… » [17, с. 19] и т.д.

К сожалению, эти исследования не могли получить своё дальнейшее развитие в условиях эпохи их появления. Правительство СССР, с одной стороны, поощряло развитие национальной истории и культуры 15 республик. С другой стороны, слишком глубокое и открытое проявление национально-новаторских, в отличие от общепринятых и общесоветских идей также далеко не входило в идеологическую направленность советской системы. Именно поэтому против отдельной прослойки советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы скептических и «прозападных» тенденций, началась т.н. «борьба против космополитизма». Жертвами этой политики явились в то время многие ценные специалисты, в том числе, ведущий советский историк Н.Л. Рубинштейн, уволенный с должности и некоторый срок, остававшийся без работы. Особым объектом нападок исторической науки стала также история Хазарского каганата, а готовая работа Артамонова[1] с первым в мире обзором по истории хазар (1950)[2] оказалась под запретом, и была издана только в 1962 г. Не обошла стороной эта «борьба» и представителей азербайджанской историографии. Автореферат Ш. Мамедбейли не был допущен к защите. Его обвинили в космополитизме и заставили отказаться от темы. Да, впоследствии историк

национальных традиций и культуры. Сторонники космополитизма часто строят систему своих взглядов на отрицании собственной национально-государственной идентичности. В основе его может лежать не столько пренебрежение патриотизмом, а сколько стремление избежать государственно-политических ограничений. Однако в СССР это понятие приняло несколько иные формы.

[1] Его концепция была объявлена «ошибочной», «совершенно неприемлемой» и «принижающей самобытное развитие русского народа». См.: [14, с. 3].

[2] Самые ранние исследования, посвящённые конкретно истории хазар были изданы в 1954 г. [36], в 1958 г. [51]; правда, с 1939 г. были известны замечательные переводы А.П. Ковалевского с арабских текстов Ахмада Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг., но и в них история хазар представлялась эпизодически.

Мамедбейли добился учёной степени, но будучи уже вынужден выбрать другую тему и в другой области (источниковедении). Что же касается автореферата «Шах Исмаил – основатель азербайджанского сефевидского государства», то печально признать, но по сей день мы не можем обнаружить этот автореферат, также как и его диссертацию, ни в одной библиотеке и архивах страны. Его история долгое время была покрыта тайной. Тем не менее, труд сохранился и служит ярким подтверждением тому, что разработки темы «азербайджанского государства Сефевидов» в научной историографии относятся ещё к 1950 г.[1]

Однако спустя лишь несколько лет, с внезапным изменением политической ситуации в Союзе, а именно, смертью «товарища» Сталина и приходом к власти Н.С. Хрущёва, меняется и отношение в стране ко многим вопросам идеологии и истории. В истории СССР период правления Н.С.Хрущёва вошёл под названием «Оттепели».

Так, к концу 50-х гг. вопросы сефевидоведения вновь приобретают популярность в азербайджанской и советской историографии. К примеру, дважды (1958 и 1960) выходят статьи Дж. Ибрагимова «Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyəti tarixinə dair» (*Об истории Ардебильского правления Сефевидов*), освещающие ранний период истории Сефевидской династии [43]. В 1958 г. под редакцией Гусейнова издаётся первый том «Истории Азербайджана», где, по мнению будущих специалистов, «имелась верная трактовка возникновения и характера Сефевидского государства».

Проявление интереса к истории средневекового Азербайджана в историографии тех лет носило не односторонний характер. Начиная с 50-х гг. тюркскую атрибутику Сефевидов подчёркивают Р.Н. Фрай, Сонн [15, с. 158] и др. По их словам «сефевидское государство было основано тюрками». В те годы завершает первую часть своего замечательного исследования «Etudes Safawides» [28, p. 37] (впоследствии их будет 3) и французский историк Ж.Обен, приходя к выводу, что «отныне неприемлемо отождествлять сефевидское движение с установлением национального государства в Иране». Однако мы задержим наше внимание на работе учёного-востоковеда, члена Американской Академии Еврейских Исследований, Вальтера Фишеля «Azarbaijan in Jewish History», изданной в 1953 г. [39]. Неизвестно, был ли осведомлён автор о новых исследованиях азербайджанской историографии, или на развитии западной исторической мысли эхом отразились события движения независимости[2], происходившие на территории Южного Азербайджана (1942–1946)[3], или,

---

[1] Мы приносим искреннюю благодарность замечательному исследователю, д.ф.и., ведущему научному сотруднику Института Истории НАНА, Тамилле ханум Керимовой, которая любезно предоставила мне данный автореферат из своих личных архивов.

[2] Первое демократическое движение за независимость наблюдалось в Южном Азербайджане ещё в 20-х гг. 20 в., когда Мухаммад Хиябани провозгласил создание независимой республики на территории Южного Азербайджана под названием Азадистан (См.: [50, s. 226–229]). Однако в то время это движение не приняло такого размаха, как начиная с 1942 г. Тогда борьба, возглавляемая Джафаром Пищевари, вылилась в настолько крупное национально-демократическое движение, что 10 декабря 1945 г. в Тебризе Демократическая Партия Азербайджана провозгласила создание Автономного Правительства Азербайджан (1945–1946) [38, p. 145–147].

[3] В помощь автономному правительству в Южном Азербайджане Советские власти даже ввели войска. О том, что Сталин был действительно заинтересован в нахож-

в действительности, вплотную изучая историю иудеев, исследователь проникся особым уважением к азербайджанскому народу и значимости его в истории Востока… Так или иначе, впервые в западной историографии была осуществлена в жизнь идея обзора истории Северо-Западного Азербайджана.

Начинает свою работу автор с географического описания этого региона: «Азербайджан, что является северо-западной провинцией Персидской империи, граничит с Советской Россией на севере, с Ираком и Турцией на западе; это регион с незаурядной историей». Затем он рассказывает о южноазербайджанских городах – Тебризе, Урмии, Мараге, Хойе, Салмасе, Ардебиле, Султанийе – как ведущих центрах исламского мира, игравших ключевую роль в социальном и религиозном развитии Азии [39, p. 2]. Фишель также описывает, как «новая ильханская династия, основанная Хулагу ханом, перенесла столицу своей великой империи из Багдада на Восток, превратив провинцию Азербайджан в центр политической силы» [39, p. 4]. Наконец, переходя к «возвышению новой династии Сефевидов», автор подчёркивает её принадлежность Азербайджану, указывая, что во главе её стоял «шах Исмаил (1502–1524), чьей колыбелью был Ардебиль, другой город на востоке Азербайджана» [39, p. 19].

2.Основные концепции в сефевидоведении в 60-е гг. XX в.

В 60-е гг. нельзя не заметить изменений в концептуальных взглядах западноевропейских авторов и на примере сведений из исламских справочников. Если в 1894 г. по мнению, С. Лэйн-Пуля династия Сефевидов претендовала на арабское происхождение, то в 1967 г. Клиффорд Эдмунд Босворт открыто пребывает в большом смятении, и в справочнике «Islamic Dynasties» не решается назвать конкретное происхождение династии, объясняя это тем, что «Сефевиды, укрепив свою власть в Иране, стали сознательно фальсифицировать данные, относящиеся к их происхождению». Впрочем, историк подчёркивает, что говорили Сефевиды «по-тюркски». Автор также отмечает, что в 907/1501 г. Исмаил Ибн Хайдар отнял у Аккоюнлу Азербайджан, а в течение последующих десяти лет подчинил своей власти и весь Иран [33; 9, с. 226–227]. Американский учёный С.Фишер опирается в этом вопросе только на конкретные указания шаха Исмаила по материнской линии: «He defeated his maternal relatives of Aq Quyunlu Turkomans… and, at the age of fourteen proclaimed him the Shah in Tabriz» [56, p. 216].

В 1966 г. другой американский учёный Ричард Таппер в статье «Black Sheep, White Sheep and Red-heads» выделил особое место исследованию вопросов истории сефевидского Азербайджана и тюркских племён, в том числе, кызылбашского племени *шахсевен*, а также процессу усиления тюркизации

дении там своих войск, сообщал французский журналист из Петрича: «когда Коммунистическая Партия Греции дожидалась в Петриче сообщений от Сталина, тот медлил с ответом, поскольку в то время его больше интересовал Азербайджан, нежели Греция» [38, p. 155]. Однако в СБ ООН неоднократно поступали жалобы западных держав на продолжающееся присутствие советских войск в Иране. В конце концов, Сталин уступил, но с условием, что его Обращение к СБ 21 января с призывом о выводе британских войск из Греции будет выполнено в тот же день. Условие было принято, однако после вывода советских войск в Южном Азербайджане начался небывалый массовый террор. Конечно же, события эти не могли скрыться от глаз мировой общественности. См.: [66, p. 160–161].

населения в Муганьской и Ардебильской областях Азербайджана[1]. Начиная свою хронологию с XI в., автор указывает, что Сельджукиды вместе с армией огузских племён располагались преимущественно на территориях Ардебиля и Мугани[2]. Затем автор, подобно В.Фишелю, подчёркивает центральную роль Азербайджана в государственном управлении кыпчакской династии Атабеков Ильдегизидов, монгольских ханов Хулагуидов, туркманских султанов Каракоюнлу и Аккоюнлу. Приступая к периоду Сефевидов, Таппер акцентирует внимание на приходе к власти шейха Исмаила и объявлении его шахом Азербайджана: «He defeated the Aq-Qoyunlu leaders Alvand at Sharur in 1501, and Murad near Hamadan in 1503. He was crowned Shah of Azerbaijan in Tabriz in July 1501, and proclaimed the Shi'a Ithna'ashariya creed and hostility to the Sunni Ottoman Turks» [63, p. 63].

То, что западные авторы 50-60 гг. XX в. отмечали отныне в своих трудах факт «провозглашения Исмаила первоначально шахом Азербайджана», само по себе являлось новшеством в западноевропейской историографии.

Переломным событием в развитии сефевидоведения в тот период явилась публикация знаменитой книги О. Эфендиева «Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в.» в 1961 г. Эта работа по праву была признана одним из самых фундаментальных исследований по истории Сефевидской династии в сравнении с научными достижениями предыдущих лет и не только в советской, но и во всей мировой историографии. Знание одновременно нескольких европейских и восточных языков, высокая осведомлённость о современных трудах западноевропейских, турецких и иранских коллег, позволили автору собрать самые, что ни на есть богатые сведения из источников и дипломатических писем по истории этого периода и провести их кропотливый анализ.

К тому же сама эпоха 60-х гг., казалось бы, предрасполагала к написанию автором этой книги. Научные шаги, которые на рубеже 40-50-х гг. запрещалось проделывать учёным-сефевидоведам Союза, в относительно либеральные шестидесятые, т.е. в период *Хрущёвской оттепели*[3], заметно поощрялись. Так, делясь воспоминаниями со своими коллегами [4], О.Эфендиев (1926–2013) признавал, что, будучи хорошим лингвистом, он первоначально планировал избранием для себя совсем другой области для научных исследований, связанной больше с восточной филологией. Тема же *Азербайджанского государства Се-*

---

[1] Территория, откуда этнически несёт своё начало династия Сефевидов. Ведь по общему признанию считается, что начало формированию этой группы положил шах Аббас I в целях ослабления влияния кызылбашских вождей начал создание особой гвардии из наиболее исконных членов кызылбашского племенного объединения – *шахсевен* (азерб.: «любящие шаха»), говоривших на муганьских диалектах азербайджанского языка и традиционным занятием которых было кочевое скотоводство.

[2] Этот момент подтверждается во многих источниках. См.: [2, с. 80–84].

[3] Период продолжался с середины 50-х по середину 60-х гг. 20 в. и характеризовался сравнительной открытостью к Западу, осуждением культа личности Сталина и репрессий 1930-х гг. и т.д. Название периода связано с пребыванием на посту Первого секретаря Н. Хрущёва (1955–1964).

[4] Одним из них является автор настоящей статьи, научным руководителем которой также был О. Эфендиев.

февидов была ему предложена в Москве его будущим научным руководителем выдающимся востоковедом-медиевистом Б.Заходером (1898–1960). Однако, в ходе работы автор так углубился в это дело, что, в конце концов, изучение истории Сефевидов стало делом всей его жизни. Исследования Эфендиева публиковались далеко за пределами Азербайджана, на него ссылались турецкие, французские, американские, и мн.др. западноевропейские, в частности, кембриджские, коллеги… [62]. Спустя 20 лет в 1981 г. учёный, продолжив свои исследования по разработке азербайджанской принадлежности государства Сефевидов, напишет новую книгу под схожим названием «Азербайджанское государство Сефевидов в XVI в.», хронологически охватывающую более продолжительный период истории сефевидского правления.

В результате многолетних исследований автор внесёт немалые заслуги и в изучение проблемы происхождения Сефевидской династии. Эфендиев, разумеется, придерживался мнения о тюркской этнической атрибуции династии и в следующей своей работе от 1981 г., опираясь на источник «Сафват-ус-Сафа», выявил ряд обращений к предку Исмаила – ардебильскому дервишу шейху Сефи ад-дину – как к тюрку и почитаний последнего в качестве «тюркского святого» или «тюркского старца». «В труде Таваккуля ибн-Беззаза, – добавлял учёный, – имеется упоминание о том, что шейх был в «тюркском селе» (дех-и тюрк), что указывает (и) на тюркское население района Ардебиля в поху Сефи» [24, с. 42].

Однако эти и многие другие факты относительно этнической атрибуции династии нашли отражение ещё десятилетие назад, между выходом в свет двух публикаций О. Эфендиева, в трудах другого талантливого учёного Мирзы Аббаслы. Аббаслы совершил революционные по тем временам открытия, во многом пролившие свет на данный вопрос.

Новая полемика вокруг происхождения Фирузшаха Заррин-кулаха в последней четверти XX в.

Одной из выдающихся заслуг учёного А. Кесрави, возможно, является и тот факт, что его теория стала толчком для новых, более глубоких исследований в вопросе происхождения династии: если авторы предыдущих лет пытались определить этническую идентичность Сефевидов, используя лишь языковые, культурные и социально-географические аргументы, то большинство учёных-сефевидоведов последней четверти XX в. искали в источниках конкретные указания на элементы этнического происхождения у представителей династии.

В связи с этим, многие заключения Кесрави и Тогана вызвали в 70-е гг. несогласие со стороны некоторых учёных. Так, если в своё время турецкий учёный З.В. Тоган углядел в альтерации “nisbat-I Biruz ba Kurd raft” в “nisbat-I Firuz dar dhikr-i nasab raft” результат преднамеренной фальсификации, то, по мнению немецкого учёного Ганса Рёмера, альтерация эта едва ли напоминала выработанную манипуляцию. Автор аргументировал своё заключение тем, что в том случае «рабта настоящих фальсификаторов отличалась бы большим профессионализмом» [59, с. 17].

А в 1973 г. в «К вопросу о происхождении Сефевидов» и 1976 г. в статье «Safevilerin Kökenine dair» азербайджанский учёный Мирза Аббаслы предъявил фундаментально аргументированное научное противопоставление тео-

рии А.Кесрави, проведя детальный критический анализ его известного исследования «شيخ **صف و تبارش**» (*Родословная шейха Сефи*). Статьи Аббаслы были опубликованы дважды: на русском языке в Баку и на турецком языке в Анкаре. Они имели грандиозный успех в советской историографии и явились, по существу, открытым вызовом гипотезам А.Кесрави.

Аббаслы отталкивался от положения о том, что если принять за аксиому наличие корней Зеррин-кулаха из Сенджана, как в самом деле и указывалось в источнике, то едва ли эта местность подходила под курдскую. Реальнее предположить её зоной, более близкой к Ардебилю – области преимущественно с тюркским населением. Как выяснил учёный, наиболее развёрнутое и достаточно давнее определение местности Сенджан уже имелось в сведениях широко известного арабского географа и путешественника Шейхуль Имама Шехаб ад-дина Абу Абдуллаха Йакута б. Абдуллаха ал-Хамеви ал-Руми ал-Багдади (1178/80–1229 гг.) в сочинении под названием «**كتاب معجم البلدانى**». В нём автор описывал местность Сенджан, расположенную поблизости Мерва

[اضى ابو الحسن على بن محمد بن حمدويه السنجانى اشافعى].

На сочинение Йакута Хамави, освещая вопрос родословной шейха Захида Гиляни, ссылается и видный иранский учёный Саид Нефиси в своей книге «**شيخ زاهد گيلانى**». Автор придерживается той же точки зрения, что местность, указанная в «Сафват-ус-сафа» под названием Сенджан, это не что иное, как деревня поблизости города Мерв:

" ... سنجانى قريةً بوده است در مجاورت مرو" [«… Сенджан – это название одной деревни поблизости Мерв»] [70, s. 5].

Далее Хамави в том же труде отмечает местность под названием «Сенджан, находящуюся поблизости Нишапура в стороне Бабуль Эбваба» (Дербент) в Азербайджане [**" و سنجانى ايضاً موضع بباب الابواب و سنجانى ايضاً بنيسابور..."**] .

В других местах сочинения даётся информация о «деревнях под названием Сенджабаз ((**سنجاباذ**) в районе Хамадана и Халхала [также являющиеся тюрконаселёнными. – *Н.А.*]».**["و سنجاباذ ايضا قريةً من اعمال خلخال من اعمال اذربيجان..."]**

«Таким образом, – заключает М. Аббаслы, – …предки шаха Исмаила ведут своё происхождение от коренных азербайджанцев, долгие годы проживавших в Ардебиле и его окрестностях, одного из исконно азербайджанско-тюркских семейств» [25, с. 329].

Касаясь этнического происхождения Сефевидов, Аббаслы приводит массу ценных цитат из разных источников, указывающих на тюркское происхождение шейха Сефи, что будет затронуто позднее.

Тем временем, учёные продолжали выдвигать всевозможные версии: часть исследователей относила Сефевидов к тюркам, опираясь на сефевидские источники, в которых язык, общественная среда и сами сефевидские шейхи указываются тюрками; другая часть, следуя наследию Кесрави и Тогана, причисляла их к курдам, ссылаясь на источник «Сафват-ус-Сафа», но не на оригинальную, как известно, рукопись, написанную Ибн Баззазом, а переписанный текст в 1485/90 г. в правление династии Аккоюнлу. И, наконец, третья группа всё ещё традиционно продолжала считать их персами, опираясь при этом лишь на «персидскую» принадлежность Захида Гиляни [?], тестя родоначальника сефевидской династии Сефи ад-дина Исхака. Разумеется, к арабскому этническому происхождению, как это отчасти наблюдалось в трудах некоторых авторов XIX в., теперь уже никто Сефевидов не причислял.

Если на первых порах своего исследования в 50-е гг. Жан Обен пока лишь отвергал идею отождествления сефевидского государства с национальным иранским [29, p. 43], но уже в работах 80-90 гг. автор открыто указывает на тюркское происхождение династии, также как ранее упоминавшиеся Фрай и Сонн. Эти авторы однозначно считал Сефевидов тюрками, в отличие от большинства учёных, которые даже если и причисляли Сефевидов к какому-либо определённому этносу, но при этом выражали свой вывод далеко неоднозначно. Интересное заявление делается Роджером Сейвори: «Они (Сефевиды) могли бы иметь и курдское происхождение, однако из политических целей стали тюркоговорящими и тюркизированными» [60, p. 2]. Чуть позднее в 1886 г. будет составлен 6-ой том многотомного издания «The Cambridge History of Iran». Примечательно, что в начале рассматривая в этническом образе Исмаила два начала – персидское и тюркское, в конце раздела «The Safavid Period» кембриджские авторы отметят, что *всё меньше и меньше историков рассматривают Сефевидское государство как чисто персидское государство*. Ира Лапидус, называя эру сефевидского владычества в качестве «периода экспансии в истории Ирана», происхождение династии определит «курдским» [49, p. 280].

Итак, среди тенденций 70-х и 80-х гг. мы замечаем ещё одну новую концепцию, а именно: ряд авторов, поддерживавших курдское или персидское происхождение династии, полагали, что Сефевиды говорили по-тюркски лишь из политических целей. Иными словами, будучи персами они могли выбрать себе любой другой язык кроме персидского, лишь бы составить политический противовес персам. Но поскольку самой большой силой в стране были тюрки, то тюркский и был выбран в качестве маскировки. Но и в этом случае возникает вопрос «почему?». Предположений может быть масса, но научного обоснования им мы, к сожалению, не находим… Исследования же историка Аббаслы остались незамеченными в европейской историографии…

О концепциях первой декады XXI в.

1. Второй удар по теории Кесрави

Если бы заявления Кесрави основывались на первичный текст Ибн Баззаза, возможно, они могли претендовать на звание неоспоримого факта, не вызвав целого ряда бурных и нескончаемых научных дискуссий. К сожалению, именно с отсутствием в наличии оригинала рукописи «Сафват-ус-Сафа» и были изначально связаны все проблемы.

Между тем, ни один из действующих авторов не ставил на повестку дня такие ключевые вопросы, как: *Чем были вызваны изменения в содержании основных версий XV и XVI вв.? Кем и почему диктовалась переписка труда «Сафват-ус-Сафа» в конце XV в., ещё за десятилетие с лишним до установления государственной власти Сефевидов?*

Ответы на эти вопросы нашли своё отражение лишь в 2009 г. в исследованиях Билала Дедеева и Йусуфа Кучукдага, подвергших серьёзной критике выводы, сделанные турецким исследователем З.В. Тоганом и другими по поводу курдского происхождения Фирузшаха. Как указывалось выше, главная причина разногласий между определёнными группами учёных лежала в основном в несоответствии данных двух версий «Сафват-ус-Сафа» – рукописи от 1485/1490 гг. и рукописи от 1508/9 гг. В первой даются единственные указания на его курдскую принадлежность, в следующей после неё версии – их нет. Вер-

сия 1490/1485 представляет собой одну из давних и наиболее близких в хронологическом порядке версий к оригинальному манускрипту Ибн Баззаза. Записана она была в период правления султана Якуба Аккоюнлу (1479–1490 гг.), когда позиции государства Аккоюнлу к Сефевидам перешли, по мнению некоторых историков, «на стадию открытой враждебности». Версия же рукописи, датируемой 1508/9 гг., была записана при шахе Исмаиле I, вновь претерпев определённые исправления. По крайней мере, слово «ал-курди» в ней отныне отсутствовало и впредь в последующих версиях не встречалось [Разумеется, при рассмотрении подобных вопросов нельзя не учесть политический и социально-культурный факторы].

Так, выявляя причины, побудившие к переписыванию труда в 1485 г., Кучукдаг и Дедеев, обнаружили ряд фактов, ставивших под сомнение данные рукописи 1485/90 г. Как известно, политическая ситуация в государстве Аккоюнлу конца XV в. характеризовалась крайне сложной, поскольку территории Мазендарана, Гиляна и Ардебиля преимущественно с шиитски настроенным населением находились под полным контролем отца Исмаила сефевидского шейха Хайдара. Его влияние в регионе стало настолько серьёзным, что спровоцировало тесное сближение и сотрудничество султана Якуба с Баязидом II. В связи с этим авторов статьи привлекла переписка между султанами в «Münşeatü's-Selatin» (*Из коллекции Феридун бека*. Стамбул). Среди них было обнаружено письмо, направленное султаном Йакубом Аккоюнлу Баязиду II, очевидно, после героической гибели шейха Хайдара в битве с «витязями» Йакуба Аккоюнлу и его союзника ширваншаха Фаррух-Йасара[1]. В нём писалось: "Отныне сефевидский тарикат под нашим контролем… ". В ответном письме указано: "Эта твоя победа принесла радость [на земли. – *Н.А.*] Шама и Рума" [47, s. 421]. Всё это подтверждало огромную степень влияния здесь ордена Сефевийе, которое, безусловно, воспринималось в качестве угрозы, как со стороны Порты, так и со стороны Аккоюнлу. По всей вероятности, чтобы пошатнуть непоколебимый авторитет Сефевидов среди их преданных туркманских мюридов было необходимо идеологическое вмешательство. Лучшим способом для этого, по мнению Кучукдага, разумеется, явилось внесение «рокового» изменения в родословную Сефевидов в единственном письменном источнике этой династии шейхов «Сафват-ус-Сафа» [иначе для чего же понадобилось Аккоюнлу переписывать агиографический труд Сефевидов? – *Н.А.*], а тем более – прикрепление к слову «ал-Сенджани» слова «ал-Курди».

Эти логические заключения явились вторым важным заявлением, пошатнувшим теорию А.Кесреви и подтвердившим, что труд, переписанный при Аккоюнлу (1485) является не самым надёжным источником по проблеме происхождения династии.

2. Итоги исследований начала XXI в.

Как видно, курдскую принадлежность в отношении Фирузшаха сложно применить, поскольку конкретные данные, указывающие на его этническую атрибуцию, в источниках отсутствуют. Ведь в действительности вся полемика происходит вокруг социально-географической зоны, откуда пришёл род Зар-

[1] Этот эпизод весьма впечатляюще описан историком Фазлуллахом ибн Рузбихан Хунджи. См.: [68].

рин-кулаха. Однако судить о том, насколько социально-географический фактор можно принимать за основу, тем более с высоты минувших столетий – довольно сложно. Ведь некогда точно также Беджамин в 1887 г. определял этническую атрибуцию династии Аккоюнлу курдской в силу преобладания курдского населения в местности Диярбакыра. Вдобавок, нужно учесть, что в то время многие из этих территорий всё ещё переживали этногенезные процессы.

Тем не менее, для многих «происхождение Сефевидов покрыто тайной», как пишет Э. Йаршатер. К курдской этнической принадлежности причисляет сефевидскую династию и Рудольф Матии (Matthee R. "Safavid Dynasty" at *iranica.com*). Дж. Перри предполагает, что Сефевиды были тюркоязычной фамилией, курдского происхождения [58]. Чаще всего учёные произвольно выдвигают предположения о курдском происхождении без ссылок на какие-либо аргументы. К примеру, Э.Д.Дэниэл называет шейха Сефи «человеком неопределённого происхождения, возможно, курдского» (*a man of uncertain but probably Kurdish origin*) [38, p. 83]. Другой учёный Гартвайт пишет: «Род шейха [Сефи. – *Н.А.*] со времён сельджуков жил в Азербайджане…в Ардебиле и имел, вероятно, курдское происхождение», подчёркивая, что, начиная с Сефи-ад-дина, все сефевидские лидеры «славились своим благочестием и властью среди туркманских племён» [40, p. 159–160]. Майкл Эксуорти описывает, что в XV в. Азербайджане было много братств, состоящих из тюркских всадников. Ардебильское братство представляли Сефевиды, названные в честь шейха Сефи. «Возможно, он был потомком курдов. Ранняя история Сефевидов настолько запутанная и закрытая тема (*It is possible that he was of Kurdish descent. The early history of the Safavids is an uncertain and complex subject*)… » [30, p. 129]. В таком случае, возникает вопрос: ведь если о происхождении Фирузшаха можно судить лишь по социально-географической среде, да и то не существующей в источнике «СС», местности «Сенджар», то почему, с таким же успехом, нельзя назвать шейха Сефи «тюрком», если все источники указывают на то, что его род жил на исконно азербайджанской земле Ардебиля, подавляющее большинство населения которой издревле составляли тюрки? И. Аде Бело [26, p. 2], так же как и Р. Глоусон и М. Рубин [41, p. 22–24], утверждал, что «Сефевиды являлись безоговорочно иранского происхождения», хотя и не приводит на то оснований. Обширная информация размещена сегодня на электронных сайтах. На сайте *middleeast.about.com* Сефевиды представлены курдской династией. Во французской электронной энциклопедии «Encyclopedia of the Early Modern World» Сефевиды называются великими шиитами. В то же время, в известном электронном портале США *nationmaster.com* размещена обширная «Encyclopedia/Persia», где Сефевиды недвузначно представлены династией азербайджанского (т.е. тюркского) происхождения. Эта же версия подтверждается и на странице под названием «Persian_Empire» электронного сайта *humanproteomics.net* [74]. Тюркское происхождение династии, ссылаясь на источники, доказывает и М. Прайс [57, p. 376]. Неоднократно издаются исследования Л. Девидсона и А. Гольдшмидта [37, p. 555], в которых также поддерживается мнение о тюркской этнической атрибуции Сефевидов. Интересное высказывание делается Метином Кунтом: по мнению автора «Both Ottoman political power and Safavıˆ religious appeal were based on a similar, almost identical, social reservoir, the Oghuz Turks, the 'Ghuzz' of Arab Muslim writers» [46, p. 192].

Заключение

В ходе исследования вопроса был замечен ряд интересных наблюдений:

К началу XX в., когда выясняется, что арабская генеалогия носила чисто формальный характер, авторы инстинктивно начинают придерживаться теперь уже персидской этнической атрибуции. Многие из них, преимущественно европейские, не найдя конкретных обоснований для утверждения персидского происхождения, стихийно следуют ещё не достаточно изученному в то время утверждению, что «шиизму следовали лишь персы». Скорее это было типичным проявлением традиционализма, весьма популярного в тот период[1]. Однако указания в источниках на «тюркский язык, среду, традиции и культуру» вновь создают серьёзные препятствия. Для многих, кому идея о тюркской принадлежности была чужда, появление гипотезы Кесрави было весьма кстати. Разумеется, определённая группа учёных действовала и в рамках концептуального подхода в условиях биполярной политической системы мира[2]. Так что, новая гипотеза легко подхватывается группой учёных и становится впоследствии одним из ведущих направлений в историографии. А целая волна новых теорий, выхлестнувшая в Советском Азербайджане в 40-50 е гг. (которая, в свою очередь, также, то падала, то вздымалась в зависимости от общественно-политических этапов истории), а также исследования некоторых западноевропейских авторов, выделяющих значительную роль Азербайджана в сефевидоведении, за редким исключением остались незамеченными. Не нашли отклика и ценные исследования М. Аббаслы и Й.Кучукдага, публикованные в 70-х гг. XX в. и в начале XXI в.

Между тем, ряд историков 70–80-х гг., почему-то, не может найти объяснения «причине, по которой Сефевиды говорили по-тюркски». Эта группа учёных предпочитает считать Сефевидов либо персами, либо курдами, которые из тактических соображений «выбрали себе тюркский язык и выдавали себя за тюрков в качестве авангарда политической силы в регионе». В первом случае – если они были курды – возникает вопрос: «*Для чего?». Ведь в своё время те же Сефевиды не побоялись обратиться в шиизм (т.е. меньшинство) в то время, как 2/3 населения и в Азербайджане, и Иране представляли сунниты (т.е. большинство)?* Если же они были персы, то вновь возникает вопрос: «*Для чего?». Ведь персы уже несколько столетий подряд не имели политической власти?*

С другой стороны, утверждения тюркской принадлежности, появившиеся, по большому, счёту после 20-х XX в., были характерны поначалу лишь для некоторых представителей историографии Азербайджана, Советской России и Турции. «Ардебиль [т.е. Родина Сефевидов. – *Н.А.*] и тогда, и сегодня был тюркским, – писал турецкий историк Риза Нур – и не только сторонники, но даже и враги их были тюрками» [55, s. 114]. Кстати, при этих словах вспоминаются некоторые события из истории [3].

---

[1] Традиционализм – направление, ставившее выраженную в традиции практическую мудрость выше разума. Как раз в начале XX в. французским мыслителем Рене Геноном был сформулирован интегральный традиционализм.

[2] Нынешняя Республика Азербайджан находилась в советском полюсе, Иран – в сфере влияния западного полюса.

[3] Как известно, Сефевиды не могли состязаться с мощью Османской империи. В то же время, в сражении при Чалдыране (1514), янычары со своим огнестрельным оружи-

К середине XX в. в советской историографии, включая азербайджанскую, идеи о тюркской принадлежности династии стали усиливаться, а в турецкой – напротив ослабевать, переходя на тюркскоэтническую характеристику преимущественно кызылбашских племён. Касаясь же европейской историографии, то в отличие от историков XX столетия, когда влияние элементов кесравизма было всё ещё существенным, и больше поддерживались теории о курдском происхождении, большинство же западноевропейской исторической мысли XXI века затрудняется относить Сефевидов к какому-либо конкретному этносу, аргументируя тем, что «генеалогия Сефевидов – слишком тёмная и запутанная сторона вопроса», чтобы судить об её этнических истоках. Кроме того, если во второй половине XX в. за тюркское происхождение выступала сравнительно небольшая группа исследователей, то с началом XXI в. эти тенденции усилились.

По всей видимости, от внимания последних не могли скрыться некоторые неоспоримые положения, находящие своё подтверждение в источниках. Тем не менее, то, что на сегодняшний день наука может располагать следующими, не подвергающимися сомнению, фактами, мы считаем результатом труда всех вышеперечисленных авторов:

1) Род Сефи ад-дина несколько поколений подряд, начиная с Фирузшаха Зеррин Кулаха, проживал на Ардебильской земле с преобладающим этнически тюркским и тюркоязычным населением.

2) Во всех сефевидских источниках показано обращение к потомку Фирузшаха – Сефи ад-дину – в форме «Türk oğlu», «Türk Piri» (پیر ترکی) («Сильсилат-ун-несаб-и-Сефевийе», «Тарих-и-алемарайе-Аббаси», «Сафват-ус-Сафа», «Cihan-aray-ı Şah İsmail-i Safevi», др.) [4, с. 107][1]: «*О, славный тюрок! ...Впереди тебя ждут великие дела…*» [68, s. 12]. М.Аббаслы приводит интересный эпизод из анонимного источника «**جهان آرای شاه اسماعیل صفوی**» (*Cihan-aray-ı Şah İsmail-i Safevi*) (оригинал рукописи, 7b) о первой встрече шейха Сефи со своим учителем шейхом Захидом Гиляни, когда последний обратился к «своему старшему сыну Джамал ад-дину:

– Сын, пойди к совершающему намаз в завийе и носящему одну и ту же одежду с самых своих первых дней до сей поры, тюркскому юноше и, поздоровавшись с ним, скажи, что «*Мой отец шейх Захид зовёт тебя».*

Шейх Джамал ад-дин удивился:

– Отец, ты приглашаешь в гарем чужака[2]? Не ожидал этого от тебя.

Шейх Захид отвечает:

– Ни в коем случае, не допускай подобные пустые мысли! Ты разгневаешь бога!

…И… шейх Захид, выходя из *чиле-ханэ* и взяв того самого тюркского юношу за руку, привёл его в завийе» [حضرت شیخ زاهید از چله خانه بیرون آمد و دست آن جوان ترک را گرفته و بقعه آورد...] [25, s. 318].

ем сразили сражающихся верхом кызылбашей. Османы вошли в Тебриз, но покинули его через неделю, поскольку янычары проводили зиму только в Стамбуле. Сефевиды потеряли некоторые земли в Анатолии и Армении, но империя сохранилась [42, p. 143].

[1] Добавим, что тюркская принадлежность шейха Сефи в труде «СС» отмечена неоднократно (с. 25, 215, 217, 219, 323, 380–381, 384 и др.).

[2] Слово «чужак» одновременно говорит о том, что тюрок этнически не был своим для семьи Гиляни, которых причисляют либо к курдам, либо к персам.

3) Язык, на котором говорил шейх Сефи, был азербайджанским тюркским. Сам Ахмад Кесреви, исследуя источник «Сильсилат-ун-несаб-и-Сефевийе», подтверждает принадлежность некоторых газелей, мюфретов и рубаи в нём к сочинениям шейха Сефи и подтверждает их язык азербайджанским [71, s. 46].

4) Подавляющая часть многочисленной армии приверженцев, которых набирали вокруг себя ардебильские шейхи, составляли тюрки.

Со своей стороны, касаясь вопроса о тюркских племенах, окружавших Сефевидов, мы хотели бы добавить интересную информацию относительно весьма самобытного племени *Шебек* и малоизученного источника *Манагиб-уль-арифин*. Источник этот был обнаружен иракским учёным, членом Иранской Академии Наук, Ахмад ал-Хамидом Ал-Сарафом. Долгие годы своей жизнедеятельности (с 12-тилетним перерывом) он посвятил изучению племени *Шебек*. Предки шебек были приверженцами Сефевидского ордена ещё со времён его основателя Сефи ад-дина Исхака (начала XIV в.) и происходили из анатолийских туркоман[1]. Они служили верными воинами и в рядах кызылбашских отрядов Исмаила. Однако после поражения Исмаила в Чалдыранской битве (1514), это племя было вынуждено расселиться на территориях Мосула. Спустя столетия, в 30-х гг. XX в., побывав среди шебек, автор Ал-Сараф отмечает их в качестве поселенцев, занимавших 20 селений и составлявших 10–15 тыс. человек. Он рассказывал, как в один из холодных зимних вечеров 1938 г. он провёл долгую беседу с их уважаемым шейхом преклонного возраста по имени Ибрагим-паша. Затем его познакомили с другим таинственным шейхом, который подарил автору старинные и священные для них книги, написанные на тюркском языке, но настолько старом, что автор с трудом мог их разобрать. Тем не менее, он привёл следующие описания:

الكتاب من يد "ابراهم باشا" فدققت انظر فيه فجودته مكتوبا بالغةٌ التركيةٌ القديمةٌ و يتضمن حوارا بين الشيخ صفى الدين و الشيخ صدر الدين،...[73, s. 7]

[Перевод: Книга эта из личной коллекции «Ибрагим Паши»[2]; изучив её, я обнаружил, что она написана на старо-тюркском языке, и содержит в себе диалоги между шейхом Сафи ад-дином и шейхом Садр ад-дином].

و هو كتاب يحتوى على حوار فى آداب الطريقةٌ بين الشيخ صدر الدين و بين قطب العارفين الشيخ صفى الدين بن اسحق الاردبيلى، و بعد كتابى المناقب من كتاب الشبک المقدسةٌ و يعرف عند هم ب "البرخ" "البويوروق" اى ما يتفضل به [73, s. 145]

[Перевод: Это – книга, содержащая законы [правила этикета. – *Н.А.*] тариката в диалоге между шейхом Садр ад-дином и главой учёных шейхов Сафи ад-дином бин Исхаком Ардебили; книга эта Аль-Манагиб [добродетели. – *Н.А.*] считается в числе священных книг и известна среди них как «Барх» или «Буйурук», т.е. [повеления. – *Н.А.*]].

---

[1] Единственный голос в мировой историографии, который выступает за курдское происхождение племени, это Сэр Остин Генри Лайард (1817–1894), известный британский путешественник и археолог.

[2] По-видимому, имеется ввиду Ibrahim Müteferrika (1674–1745) – османский дипломат венгерского происхождения, публицист, эрудит, историк и историограф и т.д., первый турецкий печатник.

Автор подтверждает народное название книги «Managib-ul-Arifin» (*Добродетель знаний*)[1], как тюркское – Buyuruq (тюркское слово, означающее в переводе *наставления)*. Сам труд был написан на тюркском языке. Более того, язык, на котором переданы наставления Сефи ад-дина и Садр ад-дина, а также *обращения отца с сыном друг к другу,* также был тюркским.

Как видно из описаний Ал-Сарафа, даже в XX в. кызылбашское племя шебек сохраняло традиции и законы суфийского тариката, а также тюркский язык и культуру.

Список литературы

1. Аббаслы М. К вопросу о происхождении Сефевидов // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства, 1973, № 2.

2. Ахундова Н.Ч., Гусейн-заде Р.А. Кавказ и великие тюркские империи. Баку, 2012.

3. Ахундова Н.Ф. Азербайджанские государства в XV–XVI вв. Баку, 2015, с. 50-51.

4. Ахундова Н.Ф. Развитие суфизма в Азербайджане: возвышение шейха Сефи ад-дина Исхака Ардебили в эпоху ильханата (на основе сведений западной историографии). М., 2018.

5. Ахундова Н.Ф. «*The Mongolian Documents in the Musee de Teheran*» и вопрос духовного лидерства шейха Сефи ад-дина Исхака Ардебили в западной историографии // Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Xəbərləri, İçtimai elmlər seriyası, № 3, Bakı, 2017, s. 46–62.

6. Бакиханов А.А. Гюлистан-и-Ирам. Ред., комм., прим. и указат. акад. З.М. Буниятова. Баку, 1991.

7. Бартольд В.В. Халиф и султан // Мир ислама. СПб. Т. 1. №3. 1912. 369 с.

8. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, 700 с.

9. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. П.А. Грязневича. М., 1971.

10. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв., Баку. 1965.

11. Гусейнов И.А. Шах-Исмаил Сефеви. Vətən Uğrunda. №7–8. Баку, 1943, 148 с.

12. Гусейнов И.А. Исмаил Сефеви (Азербайджанский полководец XV–XVI вв.). Баку, 1943.

13. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952.

14. Иванов П.П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 25 дек., 1951.

15. Кафар-заде Л. О несостоятельности концепции «персидского» происхождения династии Сефевидов. Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность. Материалы международной научной конференции. Магас, 2017.

16. Крымский А. История Персии, ея литературы и дервишской теософии. Т. 3. М., 1914–1917, с.148.

[1] В связи с использованием в большом количестве мистических элементов в труде Э.Брауном высказывается точка зрения, что «Сафват-ал-Сафа» была смодулирована с «Манагиб-уль-Арифин» (718/1318), составленной всего лишь за 30 лет до «Сафват ал-Сафа» [34, p. 40].

17. Мамедбейли Ш. Шах Исмаил – основатель азербайджанского сефевидского государства. Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Баку, 1950.

18. Махмудов Я.М. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами 15–16 вв. Баку, 1991.

19. Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. М., 2004.

20. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV вв. Курс лекций. Л., 1966.

21. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI–начале XIX вв. Л., 1949.

22. Расул-заде М.Э. Сборник произведений и писем. М., 2010.

23. Эфендиев О. Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале 16 в. Баку, 1961.

24. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в 16 в. Баку, 1981.

25. Abbaslı Mirza. Safevilerin Kökenine dair. Belleten. C. XL, Ankara, 1976, s. 287–324.

26. Ade Bello Iysa. The Safavid epizode: transition from spiritual to temporal leaders. Islamic studies, V. 23, N.1 (Spring, 1984), pp. 1–19.

27. Ağayev R. Ərəb xilafəti dövründə Azərbaycanın əhalisi. Bakı: Turxan, 2017, s. 344.

28. Akhundova N.A. The contribution of Azerbaijani enlighteners to Oriental Studies in the 19th century in particular to Turkology, Sufism and Safavid Studies. Book of Abstracts "Europe and the Black Sea Region early 19th-20th centuries". Thessaloniki. April, 2018, p.14

29. Aubin Jean. L'Avenement Des safavides Reconsidere (Etudes Safavides III) // Moyen Orient & Ocean Indian // Paris, 1988.

30. Axworthy M. A History of Iran. Empire of the Mind. New York, 2008.

31. Benjamin, Samuel Greene Wheeler. Persia and The Persians. London, 1887.

32. Benjamin, Samuel Greene Wheeler. The Story of Persia and The Persians. London, 1889.

33. Bosworth C.E. The Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Handbook. Edinburg University Press, 1967.

34. Böyük dövlət xadimi Şirvanşah İbrahim. Azərbaycan, 1946, №3, s.14–15.

35. Browne Edward G. A history of Persian literature in modern times (1500–1924). Cambridge University Press, 1924.

36. Danlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton University Press, 1954.

37. Davidson L., Goldschmidt A. Concise History of the Middle East. 9th edition. Colorado, 2010, p.555.

38. Daniel Elton L. The History of Iran. Westport, Connecticut. London, 2001.

39. Fischel Walter J. Azarbaijan in Jewish History. American Akademy for Jewish Research. V.22, 1953.

40. Garthwaite Gene R. The Prsians. Padstow, Cornwall, 2005.

41. Glawson P. Internal Iran. Continuity and Chaos. New York, 2005 (203).

42. Goldschmidt Arthur Jr. A Concise History of the Middle East. 7th edition, 2002.

43. İbrahimov Ç.M. Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyəti tarixinə dair. B., 1958. Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyəti tarixinə dair. B., 1960.

44. İskəndər bəy Münşi Türkman. Dünyanı bəzəyən Abbasın tarixi (Tarixe-aləmaraye-Abbasi). Fars dilindən tərçümə edən Ş.F.Fərzəliyev. I-ci cild. Bakı, 2010.

45. Kishwar Rizvi. Transformations in Early Safavid Architecture: The Shrine of Shaykh Safi al–din Ishaq Ardabili in Iran.University of Pennsylvania, 2000.

46. Kunt Metin. Ottomans and Safavids. States, Statecraft, and Sosieties, 1500–1800 (Chapter II.). "A Companion to the History of the Middle East". Ed. By Choueiri Youssef M., 2005.

47. Küçükdağ Y., Dedeyev B. Safevilerin nesebine farklı bir bakış. Uluslararası Sosial Araştırmalar Dergisi. C.2/6, 2009, s.421.

48. Lane-Poole. The Mohammadan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions. London, 1984

49. Lapidus I.M. A History of Islamic Sosieties. Camridge University Press, 1988, p. 280.

50. Mədətli E. Azərbaijan tarixi məsələləri İran tarixşünaslığında. Bakı: Turxan, 2017, s. 288.

51. Minorsky V. A New Book on the Khazars. Cambridge. 1958 г.

52. Minorsky V. The Poetry of Shah Ismail I. Cambridge, 1941, pp. 1006a–1053a.

53. Minorsky V. A Mongol decree of 720/1320 to the family of Shaykh Zahid. Cambridge, 1954.

54. Morimoto Kazuo. The earliest 'Alid Genealogy for the Safavids: New Evidence for the Pre–dynastic Claim to *Sayyid* Status. Iranian Studies, V.43, N4, September, 2010, p. 447.

55. Nur R. Türk Tarihi. Cilt V, (1343/1923), s.114.

56. Ochsenwald W., Fisher S.N. The Middle East. A History. 6th edition. New York, 2004 (previous editions: 1959, 1969, 1979).

57. Price M. Iran's Diverse peoples: a reference sourcebook. California, 2005, p. 376.

58. Perry J. Turkic-Iranian Contacts. I. Linguistic Contacts // http://www.iranicaonline.org/articles/turkic-iranian-contacts-ilinguistic.

59. Roemer H.R. Sheich Safi von Ardabil. Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971.

60. Savory R.M. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980, p.3.

61. Səfəvi dövlətinin banisi Şah İsmayıl Xətayi. Azərbaycan, 1945, №3–4, s.50–51.

62. The Cambridge History of Iran. Vol.V. Cambridge University Press, 1968.

63. Tapper R. Black Sheep, White Sheep and Red-heads. Iran, V. 4. Published by British Institute of Persian Studies, 1966.

64. Togan Z.V. "Sur l'origine des Safavides". Melanges Louis Massignon, V. 3. Damascus, 1957. P. 347–348.

65. Vejdani Farzin. Making History in Iran. Education, Nationalism, and Print Culture. California. Stanford University Press. 2015 (255 pp.).

66. Woodhouse C.M. The struggle for Greece 1941–1949. London, 1976.

67. اسماعیلی ابن بزاز درویش. صفوه الصفا. تهران، نشر: زریاب، 1377 .

68. اسگندر بیگ ترکمان. تاریخ عالم آرای عبّاسی. تهران: امیرکبیر، 1381

69. تاریخ عالم ارای امینی: شرح حکمرانی سلا طین آق قویونلو و ظهور صفویان. نویسنده: فضل اللاه بن روزبهان خنجی اصفهانی.

.70 شیخ زاهد گیلانی، رشت ,1307/1927.
.71 کسروی احمد. آذری یا زبان باستان آذربایگان، رشت،1307**.**
.72 کسروی احمد. شیخ صف و تبارش، تهران، 1324 .
.73 الشبك : من فرق الغلاة في العراق: أصلهم. لغتهم. قراهم. عقائدهم. أوابدهم. عاداتهم؛ الصراف، احمد حامد. بغداد، 1954.
74. http://humanproteomics.net/index.php/ Persian_Empire; http://aztrq.com/neshrler/2-2012-TARIX%20ve%20GERCEKLIK__ES.pdf.

Сведения об авторе: Н.Ф. Ахундова, доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник и заведующий отделом международных связей Института истории им. А.А.Бакиханова НАНА, представитель Центра азербайджановедения при Варшавском университете, e-mail: nara.akhundova@hotmail.com; n.akhundova@uw.edu.pl

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC AND CONCEPTUAL PERSPECTIVES ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE SAFAVID DYNASTY IN THE HISTORIOGRAPHY OF XIX-EARLY XX CENTURIES

N. Akhundova
Institute of History named after A.A.Bakikhanov
Azerbaijan National Academy of Sciences
Baku, Azerbaijan
nara.akhundova@hotmail.com

Abstract. The article reveals the evolution of scientific and conceptual perspectives on the question of the origin of the Safavid dynasty in the historiography of the 19th and early 20th centuries, the Author identifies the main obstacles in the study of this question. The lack of historical sources and ideological attitudes had a direct impact on the conclusions of historians. The article presents the analysis of the most significant historical works of the 19th, and 20th centuries.

Keywords: Safavids, Iran, Azerbaijan, historiography.

For citation: Akhundova F.N. The Evolution of Scientific and Conceptual Perspectives on the Question of the Origin of the Safavid Dynasty in the Historiography of 19-Early 20 Centuries. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 64–96. (In Russ.)

References

1. Abbasly M.K voprosu o proiskhozhdenii Sefevidov // Izvestiya AN Azerbajdzhanskoj SSR. Seriya literatury, yazyka i iskusstva, 1973, №2. (In Russian)
2. Ahundova N.CH., Gusejn-zade R.A. Kavkaz i velikie tyurkskie imperii. Baku, 2012. (In Russian)

3. Ahundova N.F. Azerbajdzhanskie gosudarstva v XV–XVI vv. Baku, 2015, s. 50–51. (In Russian)

4. Ahundova N.F. Razvitie sufizma v Azerbajdzhane: vozvyshenie shejha Sefi ad-dina Iskhaka Ardebili v epohu il'hanata (na osnove svedenij zapadnoj istoriografii). M., 2018. (In Russian)

5. Ahundova N.F. «The Mongolian Documents in the Musee de Teheran» i vopros duhovnogo liderstva shejha Sefi ad-dina Iskhaka Ardebili v zapadnoj istoriografii // Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının Xəbərləri, İçtimai elmlər seriyası, № 3, Bakı, 2017, s. 46–62.

6. Bakihanov A.A. Gyulistan-i-Iram. Red., komm., prim. i ukazat. akad. Z.M. Buniyatova. Baku, 1991. (In Russian)

7. Bartol'd V.V. Halif i sultan // Mir islama. SPb. T. 1. №3. 1912. 369 s. (In Russian)

8. Bartol'd V.V. Mesto prikaspijskih oblastej v istorii musul'manskogo mira. Sochineniya. T. 2. CH. 1. M., 1963, 700 s. (In Russian)

9. Bosvort K.E. Musul'manskie dinastii. Spravochnik po hronologii i genealogii. Per. s angl. P.A.Gryaznevicha. M., 1971. (In Russian)

10. Buniyatov Z.M. Azerbajdzhan v VII–IX vv., Baku. 1965. (In Russian)

11. Gusejnov I.A.SHah–Ismail Sefevi. Vətən Uğrunda. №7–8. Baku, 1943, 148 s. (In Russian)

12. Gusejnov I.A. Ismail Sefevi (Azerbajdzhanskij polkovodec HV–HVI vv.). Baku, 1943. (In Russian)

13. Ivanov M.S. Ocherki istorii Irana. Gospolitizdat, 1952. (In Russian)

14. Ivanov P.P. Ob odnoj oshibochnoj koncepcii // Pravda. 25 dek., 1951. (In Russian)

15. Kafar-zade L. O nesostoyatel'nosti koncepcii «persidskogo» proiskhozhdeniya dinastii Sefevidov. Obrazovanie, nauka i kul'tura Kavkaza: tradicii i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Magas, 2017. (In Russian)

16. Krymskij A. Istoriya Persii, eya literatury i dervishskoj teosofii. T. 3. M., 1914–1917, s.148. (In Russian)

17. Mamedbejli SH. SHah Ismail – osnovatel' azerbajdzhanskogo sefevidskogo gosudarstva. Avtoreferat na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. Baku, 1950. (In Russian)

18. Mahmudov YA.M. Vzaimootnosheniya gosudarstv Akkoyunlu i Sefevidov s zapadnoevropejskimi stranami 15–16 vv. Baku, 1991. (In Russian)

19. Myuller A. Istoriya islama. Ot doislamskoj istorii arabov do padeniya dinastii Abbasidov. M., 2004. (In Russian)

20. Petrushevskij I.P. Islam v Irane v VII–XV vv. Kurs lekcij. L., 1966. (In Russian)

21. Petrushevskij I.P. Ocherki po istorii feodal'nyh otnoshenij v Azerbajdzhane i Armenii v XVI–nachale XIX vv. L., 1949. (In Russian)

22. Rasul-zade M.E. Sbornik proizvedenij i pisem. M., 2010. (In Russian)

23. Efendiev O. Obrazovanie Azerbajdzhanskogo gosudarstva Sefevidov v nachale 16 v. Baku, 1961. (In Russian)

24. Efendiev O. Azerbajdzhanskoe gosudarstvo Sefevidov v 16 v. Baku, 1981. (In Russian)

25. Abbaslı Mirza. Safevilerin Kökenine dair. Belleten. C. XL, Ankara, 1976, s. 287–324. (In Turkish)

26. Ade Bello Iysa. The Safavid epizode: transition from spiritual to temporal leaders. Islamic studies, V. 23, N.1 (Spring, 1984), pp. 1–19.

27. Ağayev R. Ərəb xilafəti dövründə Azərbaycanın əhalisi. Bakı: Turxan, 2017, s. 344. (in Azerbaijani)

28. Akhundova N.A. The contribution of Azerbaijani enlighteners to Oriental Studies in the 19th century in particular to Turkology, Sufism and Safavid Studies. Book of Abstracts "Europe and the Black Sea Region early 19th-20th centuries". Thessaloniki. April, 2018, p.14

29. Aubin Jean. L'Avenement Des safavides Reconsidere (Etudes Safavides III) // Moyen Orient & Ocean Indian // Paris, 1988.

30. Axworthy M. A History of Iran. Empire of the Mind. New York, 2008.

31. Benjamin, Samuel Greene Wheeler. Persia and The Persians. London, 1887.

32. Benjamin, Samuel Greene Wheeler. The Story of Persia and The Persians. London, 1889.

33. Bosworth C.E. The Islamic Dynasties. A Chronological and Genealogical Handbook. Edinburg University Press, 1967.

34. Böyük dövlət xadimi Şirvanşah İbrahim. Azərbaycan, 1946, №3, s.14–15.

35. Browne Edward G. A history of Persian literature in modern times (1500–1924). Cambridge University Press, 1924.

36. Danlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton University Press, 1954.

37. Davidson L., Goldschmidt A. Concise History of the Middle East. 9th edition. Colorado, 2010, p.555.

38. Daniel Elton L. The History of Iran. Westport, Connecticut. London, 2001.

39. Fischel Walter J. Azarbaijan in Jewish History. American Akademy for Jewish Research. V.22, 1953.

40. Garthwaite Gene R. The Prsians. Padstow, Cornwall, 2005.

41. Glawson P. Internal Iran. Continuity and Chaos. New York, 2005 (203).

42. Goldschmidt Arthur Jr. A Concise History of the Middle East. 7th edition, 2002.

43. İbrahimov Ç.M. Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyəti tarixinə dair. B., 1958. Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyəti tarixinə dair. B., 1960.

44. İskəndər bəy Münşi Türkman. Dünyanı bəzəyən Abbasın tarixi (Tarixe-aləmaraye-Abbasi). Fars dilindən tərçümə edən Ş.F.Fərzəliyev. I-ci cild. Bakı, 2010.

45. Kishwar Rizvi. Transformations in Early Safavid Architecture: The Shrine of Shaykh Safi al-din Ishaq Ardabili in Iran.University of Pennsylvania, 2000.

46. Kunt Metin. Ottomans and Safavids. States, Statecraft, and Sosieties, 1500–1800 (Chapter II.). "A Companion to the History of the Middle East". Ed. By Choueiri Youssef M., 2005.

47. Küçükdağ Y., Dedeyev B. Safevilerin nesebine farklı bir bakış. Uluslararası Sosial Araştırmalar Dergisi. C.2/6, 2009, s.421.

48. Lane-Poole. The Mohammadan Dynasties. Chronological and Genealogical Tables with Historical Introductions. London, 1984

49. Lapidus I.M. A History of Islamic Sosieties. Camridge University Press, 1988, p. 280.

50. Mədətli E. Azərbaijan tarixi məsələləri İran tarixşünaslığında. Bakı: Turxan, 2017, s. 288.

51. Minorsky V. A New Book on the Khazars. Cambridge. 1958 g.

52. Minorsky V. The Poetry of Shah Ismail I. Cambridge, 1941, pp. 1006a–1053a.

53. Minorsky V. A Mongol decree of 720/1320 to the family of Shaykh Zahid. Cambridge, 1954.

54. Morimoto Kazuo. The earliest 'Alid Genealogy for the Safavids: New Evidence for the Pre-dynastic Claim to Sayyid Status. Iranian Studies, V.43, N4, September, 2010, p. 447.

55. Nur R. Türk Tarihi. Cilt V, (1343/1923), s.114.

56. Ochsenwald W., Fisher S.N. The Middle East. A History. 6th edition. New York, 2004 (previous editions: 1959, 1969, 1979).

57. Price M. Iran's Diverse peoples: a reference sourcebook. California, 2005, p. 376.

58. Perry J. Turkic-Iranian Contacts. I. Linguistic Contacts // http://www.iranicaonline.org/articles/turkic-iranian-contacts-ilinguistic.

59. Roemer H.R. Sheich Safi von Ardabil. Festgabe deutscher Iranisten zur 2500 Jahrfeier Irans. Stuttgart, 1971.

60. Savory R.M. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980, p.3.

61. Səfəvi dövlətinin banisi Şah İsmayıl Xətayi. Azərbaycan, 1945, №3–4, s.50–51.

62. The Cambridge History of Iran. Vol.V. Cambridge University Press, 1968.

63. Tapper R. Black Sheep, White Sheep and Red-heads. Iran, V. 4. Published by British Institute of Persian Studies, 1966.

64. Togan Z.V. "Sur l'origine des Safavides". Melanges Louis Massignon, V. 3. Damascus, 1957. P. 347–348.

65. Vejdani Farzin. Making History in Iran. Education, Nationalism, and Print Culture. California. Stanford University Press. 2015.

66. Woodhouse C.M. The struggle for Greece 1941–1949. London, 1976.

67. اسماعیلی ابن بزاز درویش. صفوه الصفا. تهران، نشر: زریاب، 1377 .

68. اسگندر بیگ ترکمان. تاریخ عالم آرای عبّاسی. تهران: امیرکبیر، 1381

69. تاریخ عالم ارای امینی: شرح حکمرانی سلا طین آق قویونلو و ظهور صفویان. نویسنده: فضل اللاه بن روزبهان خنجی اصفهانی.

70. شیخ زاهد گیلانی، رشت ,1307/1927.

71. کسروی احمد. آذری یا زبان باستان آذربایگان، رشت،1307.

72. کسروی احمد. شیخ صف و تبارش، تهران، 1324 .

73. الشبك : من فرق الغلاة في العراق: أصلهم. لغتهم. قراهم. عقائدهم. أوابدهم. عاداتهم؛ الصراف، احمد حامد. بغداد، 1954.

74. http://humanproteomics.net/index.php/ Persian_Empire;

About the author: N. Akhundova, doctor of philosophy in history, leading researcher and head of the Department of international relations of the Institute of history. A.A. Bakikhanov ANAS, representative of the center of Azerbaijani studies at Warsaw University, e-mail: nara.akhundova@hotmail.com; n.akhundova@uw.edu.pl

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.

Н А С Л Е Д И Е

УДК 94(470.41)’16/17’

АКТЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ МУРЗ ИШЕЕВЫХ ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ

Д.А. Мустафина
Казанский федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Dina.Mustafina@kpfu.ru

Аннотация. Публикация посвящена введению в исследовательский оборот и анализу двух новых исторических источников, отражающих экономическое положение одной из ветви семьи служилых мурз князей Ишеевых. Рассматриваемые акты сохранились в фонде Межевой конторы Российского государственного архива древних актов (ф.1312) в составе спорных дел, разбиравшихся межевыми судами в 90-е гг. XVIII – начале XX в. Первый документ конца XVI в. закреплял право родоначальника семьи – представителя знати бывшего Казанского ханства князя Ишея Кудайбердеева (Худайбирдеева) на поместье в Свияжском уезде. Мурзы, в числе первых после завоевания Казани поступившего на службу к царю Ивану Васильевичу. Второй – отражал результаты умножения владений и хозяйствования его наследников, и в конце XVII в. был выдан Тоишу и Ибрагиму Алеевым детям Ишеева для подтверждения их права собственности на земли в указанном уезде. В статье кратко прослежен информационный потенциал источников. Показано их значение для изучения особенностей эволюции феодального землевладения в поликонфессиональном и многоэтничном Казанском крае. Предпринята попытка составить родословие семьи Ишеевых. Сделано наблюдение о достоверности сведений, приводимых в публикуемых актах, и подчеркнута необходимость последующих архивных изысканий и выявления новых источников для углубленного изучения развития Казанского региона в позднее средневековье.

Ключевые слова: Казанский край, Свияжский уезд, князья Ишеевы, служилые татары, служилые мурзы, землевладение, позднее средневековье

Для цитирования: Мустафина Д.А. Акты землевладения служилых мурз Ишеевых из фондов Российского государственного архива древних актов. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 97–111.

Предлагаемые вниманию читателей акты извлечены из фонда № 1312 (Материалы генерального и специального межевания Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Казанской губернии 1750–1917 гг. (коллекция) Российского государственного архива древних актов (РГАДА, г. Москва). Они входят в состав единицы хранения, отложившейся под заголовком «По рапортам землемеров / Ильинскаго, о дачах деревни Старой Барышевой сенных покосов, называемых Барышевской тюбяк близ села Тенков деревни Валгузиной владении мурз и старослужилых татар, татар и господина Асокина

на…» [16, 14–15 об.]. Архивное дело учтено в первой части второй описи, именуемой «Дела спорные № 1–1927 (1–390)». В данной публикации приводятся тексты двух документов.

Первый документ – грамота свияжского воеводы И.П. Головина[1] князю Ишею Кудайбердееву (Худайбердееву) на поместье в деревне Алгазы, дер. Тураево и с. Барышево Свияжского уезда – датирован 10 мая 1591 г., второй – владеная выпись стольника и воеводы И.И. Леонтьева и дьяка Л.Нечаева Тоишу и Ибрагиму Алеевым детям князь Ишеевым на поместные земли, крестьян и всякие угодья их отца в Свияжском уезде – датирован 21 апреля 1688 г. Изготовленные в 1799 г. копии с обоих актов были приложены к прошению служилого мурзы Якупа Ибрагимовича князя Ишеева в связи с необходимостью разрешения конфликта о границах владений, возникшего между служилыми мурзами и подполковником Иваном Петровичем Осокиным[2]. Если Ишей Кудайбердеев получил земли «в службу» еще в 1577 г. и юридическое оформление поместья Ишеевых восходило к 1588 г., то Осокин приобрел угодья в Свияжском уезде у служилого мурзы новокрещена Алексея Анисимова по купчей 1754 г. Нижеприводимая владеная выпись и материалы писцового описания 1646–1652 гг., произведенного Иваном Михайловичем Аничковым [11], свидетельствуют, что служилые мурзы оформили за собой земли в соответствии с законодательными нормами своего времени и могли аргументированно обосновать свое право собственности. Помимо этого сравнение материала актов со сведениями, зафиксированными писцами в середине XVII в., показывает достоверность данных, фигурирующих в рассматриваемых актах.

Следует отметить, что в ходе Генерального межевания землемеры должны были исходить из сложившегося землеустройства и не проверять владельческие права на землю, как это было предписано межевщикам по инструкции от 13 мая 1754 г. [13] Это обстоятельство вполне устраивало большинство землевладельцев. Дело в том, что на протяжении последних ста лет дворяне расширяли свои владения самыми различными способами и методами. Самовольно эксплуатируемые «примерные» («прибавленные» к поместьям) земли нередко имели бóльшие размеры, чем площадь официально «отказанных» во владение угодий. К примеру, в середине XVII в. за служилым мурзой Ишмухамметом Бегишевым сыном Яушевым в деревне Кошарь Казанского уезда было зафиксировано 43 с третью четверти[3] пашни, перелога и лесом поросшей «законной» поместной земли и 358 четвертей «примерной». Как видим, размер примеренной земли более чем в 8 раз был больше старой «дачи» [15, 597а–597а об]. В рассматриваемом случае примеренные земли Ише-

[1] Иван Петрович Головин служил в Свияжске с 1586/87 по 1592/93 г.: был вторым воеводой (городничим) при «большом» воеводе князе Даниле Андреевиче Ногтеве, с 1588/89 г. был определен в «большие» воеводы [7, 8(№18); 18, 71].

[2] Иван Петрович Осокин происходил из бывших крепостных Троице-Сергиева монастыря. Его отец – Петр Игнатьевич разбогател, занимаясь вместе с братом винным откупом и доставкой хлеба в Санкт-Петербург. Вложил капитал в солеваренные и горнозаводские промыслы. Имел рудники и медеплавильные заводы. В 1784 г. И. П. Осокин пожалован из премьер-майоров в подполковники, вышел в отставку и за личные заслуги получил дворянское звание [6, 415].

[3] Здесь и далее результаты обмеров приводятся «в одно поле».

евых (340 четвертей пашни и дикого поля) тоже были больше «старых» дач (153,5 четвертей и полтора четверика).

Отказ от проверки документации в ходе генерального межевания, надо полагать, вполне устраивал и подполковника И.П. Осокина, естественно, не имевшего других документов, кроме купчей, да к тому же составленной накануне предыдущего неудачного межевания, проведенного при императрице Елизавете Петровне. Вполне вероятно, что решение служилого новокрещена из мурз А.Анисимова продать свои поместные угодья было продиктовано именно отсутствием и необходимостью предъявления землемерам документов, зафиксировавших право на владение землей. Прибегнув же к продаже, он эту проблему решил для себя с выгодой – выручил деньги, а купивший у него земли подполковник Осокин заручился документом, доказывающим его право на приобретенное поместье.

Согласно Манифесту о межевании 1765 г., правоустанавливающие документы запрашивались и предъявлялись лишь в спорных случаях, разрешение которых было возложено на межевые суды [14, № 12474]. Если же конфликтующие стороны не могли доказать свое право на землю (сделать это затруднительно, а порою и невозможно, по причине утраты документов во времени, или отсутствия таковых в принципе), то такие примеренные земли отписывались в казну, за исключением доли, соответствовавшей 10% от объема нотариально закрепленного владения. Отказ от проверки наличия документального подтверждения права на поместье имел логическое продолжение в форме рекомендации землемерам разрешать неминуемые споры «полюбовно» и неизменно повторялся в инструкциях землемерам, Межевой канцелярии и конторам [14, № 12570, 12659, 12711].

Архивное дело, в состав которого входят публикуемые источники, датировано временем 1797 г. мая 6 – 1800 сентября 24, октября 31. Сама же опись включает спорные дела за период с 21 августа 1794 г. по 28 ноября 1844 г. Рассмотрение и вынесение решений по земельным конфликтам затянулось до 1852 г. Все это косвенно указывает на хронологические рамки окончательного завершения межевой акции в Казанской губернии[1]. Как известно, Сенатский указ от 28 февраля 1792 г. предписал конторе Межевой экспедиции перебраться из Пензы в Казань в связи с завершением межевания и практическим окончанием чертежных работ в Пензенском наместничестве [12, № 17027]. Работы по генеральному межеванию в Казанском наместничестве[2], должны были начаться весной 1792 г. По-видимому, на протяжении 1792 г. шла подготовка

[1] В России генеральное межевание было объявлено Манифестом от 19 сентября 1765 г. [14, № 12474]. Именным указом от 08 октября 1765 г. была учреждена особая подведомственная Сенату межевая экспедиция, осуществлявшая общее руководство проведением кадастровых работ [14, № 12488]. По сенатскому указу от 27 мая 1766 г. к межевым работам приступили в Московской губернии [2; 3; 5; 8; 9; 14, № 12664; 17; 19, 14–22].

[2] Казанское наместничество было учреждено по губернской реформе 1781 г., а в 1796 г. реорганизовано вновь в Казанскую губернию. Число входивших в нее уездов сокращено до 10 (были упразднены Арский, Спасский и Тетюшский уезды), правда, с 1802 г. Спасский и Тетюшский уезды вновь восстановлены. Одним словом, межевые работы пространственно охватывали территорию, управление которой неоднократно пересматривалось.

к проведению межевания, а к самой валовой акции приступили уже в 1793 г. [1, 79; 4, 384].

Попутно заметим, что служащие Казанской межевой конторы выполняли свои обязанности с должным прилежанием и скрупулезно, свидетельствующими о высокой делопроизводственной культуре привлеченных к валовой учетно-регистрационной акции лиц. Благодаря этому появляется возможность для выяснения фамилий служащих, имевших прямое или косвенное отношение к документальному оформлению проводимых межевых работ и к приему обращений несогласных с их результатами.

Как свидетельствуют пометы, имеющиеся в Деле, прошение Якупа Ишеева было зарегистрировано в специальном журнале, к Делу приложены сверенные с подлинниками копии прошения и копии документов, подтверждающих право владения землями, а подлинники возвращены заявителю: «1799-го года марта 11-го дня. Казанской межевой канторы в журнале под № 9-м по сему прошению записав, приказали: прошения и с крепостей копии по освидетельствовании с подлинными приложить за скрепою експедитора к делу, а подлинныя возвратить просителю обратно с роспискою. / На подлинном подписано: Фадей Чеканов, Иван Крупяников. / Скрепил секретарь Егор Герасимов. Подписан 14 марта. / За протоколиста коллежской секретарь Леонтей Барков. / Канцелярист Василей Федоров» [16, л. 16].

Копии были заверены подписями апеллирующей стороны и канцелярских служащих: «Якуп Ибраимов сын князь Ишеев. А вместо ево Якуп Ибраимов сын князь Ишеев. А вместо ево, за неумением по руски грамоте и писать, по ево прошению племянник ево родной Ахмет Усманов сын князь Ишеев руку приложил. / За секретаря Иван Кодрашкин. / Коллежской регистратор Петр Ананьин». Вслед за подписями, заверяющими идентичность копий тесту подлинников, была приведена расписка Я.И. Ишеева в получении подлинников на руки: «Подлинное крепостей означенное Якуп Ибрагимов взял себе обратно, а вместо ево принятьи оных крепостей Казанской Новой Татарской слободы мурза Ибрагим Мустафин сын князь Богданов по ево прошению за неумение русское грамоте росписался» [16, л. 15 об.].

Источниковая ценность публикуемых актов обусловлена прежде всего тем, что одним из контрагентов выступали «старослужилый» мурза – князь Ишей Кудайбердин (Ишмөхәммәт б.Ходайбирде) и его наследники, что дает возможность проследить развитие поместья конкретного служилого, принадлежащего к феодальной элите бывшего Казанского ханства. К тому же первый из документов является наиболее ранним из дошедших до наших дней грамот, выданных служилому мурзе на поместные земли.

Князь Ишей Кудайбердин положил начало довольно разветвленному роду служилых мурз князей Ишеевых. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют предположить, что сын князя Ишея мурза Янбарс имел трех сыновей – Бибарса (Бейбарс), Бориса и Богдана. Из приложенных текстов видно, что родовое поместье – земли в селах Макулово и Ишеево, деревне Тонаево, пустоши Валгозино – действительно было разделено на три части. Сведениями о детях Бибарса мы не располагаем. Тогда как у Бориса был сын Бикчура (Бахчюра) мурза. Богдан являлся отцом Уразмета и Алея. У Алея было двое сыновей – Тоиш (Туиш) и Ибрагим. К этому же колену принадлежал и Усман, являвшийся, возможно, сыном Уразмета. У Усмана был сын Ахмет. Не-

согласие с размежеванием, произведенным капитаном Ильинским, выразил родной дядя последнего – сын Ибрагима Якуп, обратившийся с просьбой в Межевую контору.

Ишеевы принадлежали к числу достаточно обеспеченных земельными владениями мурз. Владеная грамота 1688 г. закрепила за отцом и дядей челобитчика Якупа в общей сложности более 513 четвертей пахотной земли (433 четверти с полтора четвериком пашни, 80 четьи дикого поля), 3384 копны лугов, мельницу с третью большое колесо. Обладателем этого приумноженного дедовского поместья Якуп и стал к началу 90-х гг. XVIII в. Ни один из девяти свияжских мурз, чьи владения нашли отражение в писцовых материалах середины XVII в., не мог конкурировать с этой ветвью семьи. Следующий по обеспеченности землей мурза князь Бибарс Ишеев владел 368,5 четвертями пашни, 2667 копнами сена, 60 крестьянами в 29 дворах, а мурза Семеней Кугеев – 308,5 четвертями пашни и 2965 копнами сена и двумя крестьянскими дворами [11, л. 48 об., 52 об. –63, 158–158 об., 163 об. –164, 172 об. –173, 209–209 об., 213 об. –214, 216–217, 250–251, 258–258 об., 259–259 об.].

Поместные земли мурз не были сосредоточены в одном месте, а располагались в трех станах (Подгородном, Каменном и Кирельском) Свияжского уезда, в частности в двух жилых селах (Макулово и Ишеево), в трех деревнях (Тураево (Тонаево), Барышево и Кищага) и трех пустошах (Тонатайкова, пустошь безымянная у деревни Тураево, пус. Валгозино)[1].

Характерно, что размеры сенных покосов существенно превосходили площади пахотных земель. Что указывает на то, что хозяйствующие субъекты-землевладельцы отдавали предпочтение занятиям скотоводством, чем земледелию.

Отличительной особенностью спорных дел является отражение в них перехода земель из рук в руки, картины сложения и расширения конкретных поместных владений. Нередко служилые мурзы занимали покинутые ясачными людьми земли или даже вытесняли своих соплеменников с территорий поселения, в котором им жаловались земли. Скажем, Ишей Кудайбердеев оформил за собой угодья ясачных людей Сунчалея Алгазина, Бурнаша Кулдербышева, Кильдеяра и Барундука, «вышедших жить» в деревню Бурнашево [14, л. 14].

«Старые» дачи могли включать в себя земли, переданные им после смерти родственников. Правда, позже поместье могло быть и переоформлено на имя достигших совершеннолетия сыновей умершего служилого человека, если они подавали об этом челобитную. Так, Ишею Кудайбердееву было отдано поместье его двоюродного брата Кочака Ишимова сына князя Тюляшева, убитого «изменниками» луговыми людьми в период Казанских войн. В 1580/81 г. по жалованной грамоте царя Ивана Васильевича сын Кочака мурзы – Темей мурза был восстановлен в правах на отцовское поместье в «Горные стороны Барышевской волости», или Барышевском тюбяке Свияжского уезда [14, л. 27].

Умножению старых дач способствовали и «мены», под которыми скрывалась продажа земель разорившимися служилыми. Как это случилось со служилыми дер. Старой Барышевы Р.Кадралеевым и тремя братьями Нуркиными – сыном и внуками Кадралея Кармышева [11, л. 255-255 об.]. В 1706 г. за

[1] Перечисленные населенные пункты ныне входят в состав Апастовского и Верхне-Услонского районов Республики Татарстан.

свои 16 четвертей пашни «с посеянным озимным хлебом», 200 копен сенных покосов, усадьбы, три загона для скота, лес и все угодья они выменяли полчетверика пашни без угодий и усадебных мест, расположенной «по конец поль» села Ишеево [14, л. 23].

Еще одним способом умножения владений для Тоиша и Ибрагима стала перекупка оброчной пустоши у деревни Тураево на р. Улеме. За 30 четвертей пашни и 700 копен лугов на них был положен ежегодный оброк в сумме два рубля шестнадцать алтын и две деньги [14, л. 15].

Обращает на себя внимание и то, что князья Ишеевы являлись феодалами, имевшими приличное количество зависимых людей. По социальному признаку их зависимое население делилось на дворовых (старинных), задворных и ясачных людей, крестьян и бобылей. Классифицировать по этническому признаку безоговорочно мы бы не стали, хотя отдельные жители поселений, в которых размещались поместья Ишеевых, носили тюркские имена-отчества, а подавляющая же часть – имена-отчества православные. Вместе с тем был зафиксирован один случай сочетания тюркского имени с русской фамилией (Тимошка Утеев). Поэтому нам кажется более уместным деление зависимых людей, живущих на поместной земле Ишеевых, на мусульман и лиц, носивших православные имена-отчества. При этом число старинных дворовых людей из татар-мусульман, хотя и незначительно, но к 1688 г. выросло с 5 до 8 чел. В трех дворах (в сс. Макулово, Ишеево, д. Барышево) проживали 12 чел. задворных людей, все они также были татарами-мусульманами. В числе основной массы феодально-зависимого населения, составлявшей 196 чел. в 55 дворах, татар насчитывалось 5 чел. в двух дворах, бобылей 7 чел. в трех дворах. Вместе с тем за время, истекшее после писцового описания 1646–1652 гг., численность зависимого населения существенно умножилась. По сведениям Аничкова к 1652 г. в 52 дворах имелось 80 чел. и 3 двора пустовали. Судя по возрасту, увеличение численности людей в дворах произошло вследствие естественного прироста: по владеной выписи доля, не достигших 15 лет составила более 44% (96 чел.). Тем не менее Якуп Ибрагимов сын Ишеев не испытывал недостатка в рабочих руках.

Анализируя состав подвластных мурзе жителей нельзя не удивляться тому, что пяти или шести поколениям князей-мусульман удавалось сохранять за собой православных крестьян, несмотря на жесткую позицию власти в этом вопросе [10, 49–77]. Причины этого казуса могут быть объяснены лишь особыми заслугами служилых мурз перед властью. Князей явно не принуждали к смене веры и не опасались их влияния на христианское окружение. Наоборот, создается впечатление, что они оказывали содействие реализации миссионерских устремлений православных учреждений в регионе. Селения, в которых располагались владения рассматриваемой ветви семьи князей Ишеевых (Макулово, Ишеево, Барышево), носили явно не русское наименование, но при этом обладали статусом сел, за исключением Барышево, квалифицируемого то в качестве деревни, то в качестве села и сельца. Статус сел, как известно, закреплялся за населенными пунктами, в которых функционировала церковь, а возведение часовни трансформировало деревню в сельцо. К середине XVII в. в селе Ишеево существовали Никольская церковь, дворы попа и пономаря [11, л. 209, 211 об.], в селе Макулово функционировала Богоявленская церковь, имелся двор попа [11, л. 8 об., 15 об.]. Барышево же было отнесено к типу

поселений, в которых была сооружена часовня: названо сельцом. Однако информация о наличии в нем культовых сооружений и священнослужителей зафиксирована не была [11, л. 250–258].

Итак, краткий анализ рукописей позволяет прийти к заключению о том, что публикуемые акты информативны для восстановления состава землевладельцев уезда и родословия отдельных семей, для исследования эволюции землевладения и социальных категорий населения, в частности служилого нерусского сословия. Они являются ценным источником для изучения истории конкретных населенных пунктов и должны оказаться в поле зрения исследователей, выявляющих особенности вхождения и социально-экономического развития Казанского края в составе Российского государства. В условиях сохраняющейся узости источниковой основы исследования практически всех аспектов истории региона второй половины XVI–XVIII вв., анализируемые акты следует отнести к числу уникальных. Вместе с тем их информационный потенциал может быть использован более результативно лишь при условии привлечения к анализу других делопроизводственных, в особенности кадастровых материалов, дающих срез состояния социально-экономического развития интегрируемой в иной политический организм окраины на конкретный момент времени, а также при условии использования сведений столбцов Поместного приказа, книг и материалов Разрядного и Печатного приказов РГАДА. Подобный комплексный подход к изучению источников, безусловно, даст возможность проследить многогранные процессы, протекавшие в Средневолжском регионе, на протяжении ряда столетий оказывавшем существенное воздействие на вектор внутренней политики Российского государства.

Тексты документов
№ 1

1591 (7099) г. мая 10. – Грамота свияжского воеводы И.П. Головина Ишею мурзе князь Худайбирдееву на поместье в дер. Алгазино в Свияжском уезде.

(л. 14) По государеву цареву и великаго князя Феодора Ивановича всея Русии указу воевода Иван Петрович Головин[1] дал князю Ишею Кудайбердееву[2] в Свияжском уезде в деревне Алгазине пашни мяхкие земли и переложные 20 четьи в поле, а в дву по тому ж, сена 150 копен. А впредь того та земля и сенные покосы были за чювашею за Сунчелеем[3] Алгазиным да за Бурнашем Кулдербышевым[4], да за Кильдияром да за Барундуком. И Сюнчалей с товарыщи тою[5] землю покинули, а вышли жить в деревню Бурнашеву. И будет та чюваша тое землю и сенные покосы покинули, а вышли жить в деревню Бур-

[1] В слове «Головин» буква «г» исправлена по ранее написанному.

[2] В слове «Кудайбердееву» вторая буква «р» и буквы «ев» исправлены другими чернилами по ранее написанному.

[3] В слове «Сунчелеем» слоги «челеем» исправлены другими чернилами по ранее написанному.

[4] В слове «Кулдербышевым» вторая буква «е» исправлена другими чернилами по ранее написанному.

[5] Слово «тою» исправлено другими чернилами по ранее написанному.

нашеву, а та будет земля и сенные покосы ныне впусте и не отданы никому, и князю Ишею тою землею и сенными покосы владети до государева указу. А[1] преждние дачи за князем Ишеем написано в свияжских в поместных книгах за приписью дьяка Никиты Чудовскаго восемьдесят седмаго году за деревнею Тураевую отделено диково[2] поля тритцеть четьи в поле, а в дву по тому ж, сена по реке по Улеме 350 копен. За князем Ишеем пашни по Офонасьевым книгам Болтина[3] девяноста шестаго году в селе Барышеве десеть четьи в поле, а в дву[4] по тому ж, сена сто копен.

К сей грамоте воевода Иван Петрович Головин печать своючернаго воску[5] приложил. Лета семь тысеч девяноста девятаго маия в десятаго[6] день[7]. //

РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1, д. 730. Л. 14[8]. Список 1799 г.

№ 2

1688 (7196) г. апреля 21. – Владеная выпись свияжского воеводы стольника И.И. Леонтьева и дьяка Л.Нечаева служилым мурзам Тоишу и Ибрагиму Алеевым детям князь Ишеева на поместье, крестьян и всякие угодья их отца в Свияжском уезде.

(л. 14 об.) Лета 7196-го апреля в 21 день. По указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверной царевны великие княжны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев столник и воевода Иван Иванович Леонтьев да дьяк Лев Нечаев дали сию владеную выпись свияжским служилым Тоишу да Ибраиму мурзам Алеевым детям князь Ишеева на поместье и на крестьян, и на всякие угодья отца их Алея мурзы Богданова сына князь Ишеева для того.

В нынешнем во 196-м году февраля в 8 день били челом великим государем царем и великим князи Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне великой княжне Софии Алексеевне всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем они, Тоиш и Ибраим, а в Свияжску в Приказной избе стольнику и воеводе Ивану Ивановичю Леонтьеву да диаку Лву Нечаеву подали челобитную. А в челобитной их написано: «В нынешнем во 196-м году по грамоте великих государей, а по их, Тоишеву и Ибраимову, челобитью отказано за них отца их поместье в Свияжском уезде в розных местах со крестьяны и со всеми угодьи, и отказные книги из Свияжска к Москве посланы. А с тех отказных книг владеные выписи не дано, и чтоб великие государи пожаловали их, Тоиша и Ибраима, велели с тех отказных книг на поместье отца их дать владеную выпись, по чему им тем поместьем со крестьяны и со всякими угодьи впредь владети».

---

[1] Союз «а» исправлен другими чернилами по ранее написанному.

[2] В слове «диково» слог «ди» исправлен другими чернилами по ранее написанному.

[3] В слове «Болтина» буквы «лт» исправлены другими чернилами по ранее написанному.

[4] В слове «дву» буквы «ву» исправлены другими чернилами по ранее написанному.

[5] Слова «чернаго воску» написаны черными чернилами над строкой.

[6] В слове «десятаго» буква «а» исправлена другими чернилами по ранее написанному.

[7] Слово «день» написано почерком и чернилами, отличными от основных.

[8] Помета XVIII в.: «С подлинными читал канцелярист Иван Ермаков».

А в Свияжску в Приказной избе в отказных книгах нынешнего 196-го году ноября 30-го числа отказу свияжских стрельцов головы Прокофья Алексеева сына Опрева да Приказные избы подьячего Семена Попова написано: «Отказано свияжского служилого Алея мурзы Богданова сына князь Ишеевы поместье ево в Свияжском уезде в розных местех детям ево Алеевым свияжским служилым Тоишу да Ибраиму мурзам князь Ишеева.

В Подгородном стану в селе Макулове двор помещиков да двор задворного человека Адычка Айтуганова, у него детей Сенка десяти лет, Курмашко пяти лет, у нево же братья Елдашко Айтуганов, женат, у него детей Асянка десяти лет, Аитко пяти лет, да Иштерячко Айтуганов, женат же. Да в том же селе дворы крестьянские: двор Климка Александрова, у него сын Стенка женат, у Стенки сын Ивашко шти лет; двор Тимошка Яковлева, у него детей Филька десяти лет, Ивашко шти лет; двор Петрушки Микулаева, у него сын Максимко полугода, у него же племянник Пашка Иванов осми лет; двор Овдюшки Васильева, у него детей Серешка пяти лет, Стенка двух недель; двор Ивашка Федорова, у него сын Васка полутора года; двор Куски Кондратьева, у него сын Митрофанко, женат; двор Петрушки Ильина, у него сын Данилко шти лет; двор Антошки Кондратьева, у него детей Офонка женат, Гришка осми лет, у Офоньки сын Сенка полугода; двор Ивашки Ильина, у него детей Васка да Ивашко женаты, у Ивашка детей Филька шти лет, Федка дву лет; двор Гришки Ондреева, у него детей Гришка же пятинатцети лет, Ивашка шти лет, Карпушка трех лет; двор Костки Китаева, у него дети Тимошка да Елизарко женаты, у Тимошки сын Гришка полутора году, двор Левки Васильева, у него сын Игошка году, у него ж брат Прохорка семнатцати лет; двор Маркелка Ондреева, у него брат Сенка женат, у Сенки сын Афонька трех лет, у него ж племянники Сенка пятинатцети лет, Петрушка десяти лет, Митрофанка семи лет, Гаврилко пяти лет Ивановы дети; двор Мишки Ильина, у него детей Мишка да Васка женаты, Аверчко пятнатцети лет, Стенка десяти лет, у Мишки сын Гришка полутретья года, да у него же пасынок Ивашко Венедиктов женат; двор Ларки Васильева, у него детей Ивашко женат, Мишка шти лет; двор Ивашки Кондратьева, у него детей Васка, женат, Митька деветнатцети лет, Петрушка семнатцети лет, Ивашко пяти лет, у Васки сын Бориско полутора году; двор Ларки Карпова, у него брат Куска семнатцети лет, двор Алешки Григорьева, у него детей Егорка женат, Федотка осмнатцети лет, Ивашко семнатцети лет, Мишка девети лет, Гараско четырех лет, Микишка году, у него ж пасынки Гаврилко тритцети лет, Тимошка семи лет Федоровы дети; двор Серешки Иванова, у него братьи Лучка двунатцети лет, Калинка десяти лет; двор Костки Васильева; двор Киргушки Родионова, у него детей Ганка шти лет, Микитка полугоду, у него ж шурин Егорка Архипов дватцети лет. Дворы татарские: двор Ишки Семенова, у него брат Минко Илеков десяти лет; двор Чюрювчейка Аклычева, у него сын Аширко дву лет, у него ж брат Урахча дватцети лет. Дворы бобыльские: двор Сенки Самсонова[1], у него детей Федотка десяти лет, Гришка шти лет; двор Ивашки Логинова, холост, у него брат Китайко пятнатцети лет; двор Митки Михайлова, у него сын Андрюшка трех лет. Да в том же селе Макулове пашни паханые добрые земли пятдесят восмь сети с осьминою и полтора четверика

[1] В слове «Самсонова» первая буква «а» и вторая буква «с» исправлены по ранее написанному.

в поле, а в дву по тому ж, сена восмьсот тритцать копен. Да в том же селе на реке на Сулице мелница большее колесо. Да в том же селе примерные земли пашни паханые добрые земли восмдесят четьи в поле, а в дву по тому ж, сена сто пятьдесят копен.

Да в Кирельском стану треть села Ишеева, что был починок на реке на Болшой Улеме. Пашни паханые добрые земли дватцеть три чети с третником в поле, а в дву по тому ж, сена двести тритцать пять копен. Да в том же селе примерные земли сверх дач лишние земли пашни паханые добрые земли сто тринатцать чети с третником в поле, а в дву по тому ж, сена двести копен. Да в том же селе Ишееве дворы крестьянские: двор Петрушки Ильина, у него сын Анофрейка семнатцети лет; двор Сенки Костентинова, у него дети // (л. 15) Ивашко двунатцети лет, Васка девяти лет, Микитка осми лет, Матюшка четырех лет, у него ж брат Якушка женат, у Якушки сын Родка двунатцети лет; двор Трошки Костентинова, у него сын Алешка году; двор Стенки Федорова, у него детей Мартышка пятнатцети лет, Мелешка двунатцети лет; двор Архипки Гарасимова, у него сын Васка пяти лет; да двор задворнаго человека татарина[1] Тимошки Утеева, у него брат Спирко дватцети лет.

Да в деревне Тонаеве, что написана та деревня в наказе треть деревни, что был починок за деревнею Тураевою, на реке на Тонатайке. Пашни паханые добрые земли десеть чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто шеснатцать копен.

Да в пустоши Танатайкове сена тритцеть три копны с третью копною. Да в той же деревне примерные земли сверх дач лишние земли пашни паханые добрые земли тритцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен.

Да в той же деревне Тонаеве, что на реке Тонатайке, дворы крестьянские: двор Микишки Федорова, у него сын Евсевейко осми лет; двор Спирки Артемьева, у него сын Патрекейко, женат, двор Софонка Григорьева, у него сын Тимошка, женат, двор Терешки Григорьева, у него сын Якимко девяти лет; двор Ивашки Данилова, у него детей Кондрашко да Васка, женаты; у Кондрашки детей Архипко двунатцети[2], Куска десяти лет, у Васки сын Трифонка осми лет; двор Андрюшки Степанова, у него сын Анисимко, женат, у Анисимки сын Ивашко шти лет; двор Купряшки Иванова, у него детей Макарко двунатцати лет, Селиверстко полутретья году, Якушко полугоду, двор Марейки Иванова, у него детей Гришка осми лет, Моисейка трех лет; двор Ганки Иванова, у него детей Елизарко, женат, Ивашко вдов, у Елизарка детей Оска шти лет, Гришка полутретья года, у Ивашка сын Алешка четырех лет, да у него же внучата Анофрейко осми лет, Гришка пяти лет Устиновы дети; двор Васки Иванова, у него детей Федка десяти лет, Кондрашка четырех лет, Сенка трех лет; двор Мишки Григорьева, у него сын Матюшка дватцети лет; двор Филки Григорьева, у него детей Стенка, Ивашко женаты, Алешка дватцети лет, у Ивашка сын Стенка четырех лет; двор вдовы Таюшки Петровы, у нее сын Сенка Григорьев; двор Андрюшки Игнатьева, у него детей Митька семи лет, Мишка пяти лет, у него ж племянник Куска Еремеев, женат; двор Егорки Яковлева Пятницына, у него сын Максимко полутора году, у него ж брат Ивашко дватцети лет да племянник Офонька Данилов осми лет; двор вдовы Катюшки Васильевы, у нее детей Лучка дватцети лет, Тишка осмнатцети лет, Фетка пятнатцати лет, Гришка

[1] В рукописи «гагарина».

[2] В слове «двунатцети» буквы «це» исправлены по ранее написанному.

двунатцети лет, Володимерко десяти лет Гавриловы дети; двор Мишки Терентьева; двор Петрушки Данилова, у него детей Васка, женат, Макарко дватцети лет, Серешка шеснатцети лет, Афонка осми лет, двор Климки Степанова, у него детей Петрушка пятнацети лет, Пронка двенатцети лет, Илюшка осми лет; двор вдовы Аленки Васильевы, у нее детей Мирошка четырнатцети лет, Микитка дву лет Назаровы дети; двор Алешки Федорова, у него детей Ивашко, Игнашко, женаты, у Ивашка сын Гараска полугода, у Игнашка сын Петрушка году; двор Емелки Карпова, у него детей Ивашко осми лет, Назарко десети недель, у него же братья Савка дватцети лет, Парфенко пятнатцети лет; двор Оброски Нассонова, у него детей Якушка, женат, Фетка девяти лет, Васка дву лет; двор Афонки Иванова, у него приимыш Мишка тринатцети лет, Пронка десяти лет Ивановы дети.

Да пустошь у деревни Тураевы на реке Улеме, что была та пустошь на оброке за их крестьяны. Пашни паханые добрые земли дватцать чети в поле, а в дву по тому ж, сена семьсот копен. Да в той же поместной и оброчной пустоши примерные земли сверх дач лишние земли пашни паханые добрые земли десять четьи в поле, а в дву по тому ж; и обоего в той помесной и оброчной пустоши пашни паханые добрые земли старые дачи и с примерною землею тритцать четьи в поле, а в дву по тому ж, сена семьсот копен. А оброку им, Тоишу и Ибраиму, с той земли платить с старые своей дачи по рублю по дватцети по два алтына да с примерные земли по дватцети по семи алтын по четыре деньги; обоего платить им с тое земли стараго и новаго прибылаго оброку по дву рубли по шеснатцети алтын по две денги на год.

Да жеребей в деревне Барышове, что в наказе написана та деревня селом Барышовым, на Улеме. А на их жеребей пашни паханые добрые земли десять чети в поле, а в дву по тому ж, сена сто копен. Да в той же деревне Барышеве двор задворного человека Токташка Иштерякова, у него детей Уразайко пяти лет, Бактемирка двунатцети недель. Да под селцом Барышевым на реке Улеме треть мельницы большаго колеса. Да в том же сельце примерные земли сверх дач лишние земли пашни паханые добрые земли семь чети без третника в поле, а в дву по тому же, сена сто копен.

Да треть пустоши, что была деревня Валгозина, на речке Алегазе. А на их треть пашни паханые добрые земли семь чети бес третника в поле, а в дву по тому ж, сена пятдесят копен.

Да в Каменском стану половину деревни Кищаги за Старою Свияжскою засекою на реке Кищаге пашни паханые добрые земли дватцать пять четьи в поле, а в дву по тому ж, сена сто семьдесят копен. Да в той же деревне примерные земли сверх дач лишние земли пашни паханые добрые земли дватцать четьи да дикаго поля восмьдесят четь, сена семьсот копен.

Да в вышеписанном селе Макулове по даче 192-го году // (л. 15 об.) ево ж Алеева выменнаго помесья, что он выменил у свияжских служилых татар у Ясачка да у Маметка Кабулиных, пашни старые дачи и с примерною землею девятнатцеть четь с полуосминою в поле, а в дву по тому ж, с сенными покосы и со всякими угодьи по перечневому списку и по дачам.

Да они ж, Тоиш и Ибраим, сказали у себя дворовых старинных людей в селе Макулове, татар Чакубку Иштерякова, у него детей Уразка десяти лет, Ижбулатка семи лет да Уразайко Сабалгеева, у него сын Тохтарко одиннатцети

лет, да Ишимка Бахтемирова, бездетна, Айтуганка Пепенева, холост, да беглаго человека Ятабанкова сына Тонатмышева Кутушка году».

И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, и по помете на выписке дьяка Льва Нечаева свияжским служилым Тоишу и Ибраиму мурзам Алеевым детям князь Ишеевым тем поместьем и вышеписанными крестьяны и всякими угодьи отца их Алея мурзы князь Ишеева впредь владеть по сей выписи.

К сей владеной выписи столник и воевода Иван Иванович Левонтьев печать свою чернаго воску[1] приложил.

На обороте: Смотрил Афонка Федоров.

Скрепа: Подписал диак Лев Нечаев.

РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч.1. Д. 730. Л. 14 об.- 15 об. Список 1799 г.

Список литературы

1. Айнутдинова Л.М. Генеральное межевание // Татарская энциклопедия. Казань: Ин-т Тат. энциклопедии, 2005. Т. 2. С. 79

2. Васильева И.В., Минеева Е.К. Душевладение дворян Казанской губернии в конце XVIII – начале XIX веков (по материалам Генерального межевания земель) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 14-22.

3. Герман И. Е. История русского межевания. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1907. 307 с.

4. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

5. Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. 4, IV, 2, 151 с., 3 л. табл.

6. Казанское дворянство.1785–1917 гг.: Генеалогический словарь / сост. Г.А. Двоеносова, отв. ред. Л.В. Горохова, Д.Р. Шарафутдинов. Казань: «Гасыр», 2001. 639 с.

7. Корсакова В.Д. Список начальствующих лиц в городах теперешней Казанской губернии с 1553 г. до образования Казанской губернии в 1708 г., а также губернаторов, наместников, генерал-губернаторов и военных губернаторов, управлявших Казанскою губерниею с 1708 г. по 1908 г. включительно // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 24. Вып. 5. С. 1–9, 1–18, 1–13, 1–14.

8. Милов Л.В. Исследования об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. 310 с.

9. Некрасов Ф.Г. Межевание земель в России. М., 1915. 141 с.

10. Ногманов А.И. Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2005. 215 с.

11. Перечневая книга Свияжского уезда: По материалам писцового описания 1646–1652 годов. Казань, 2004. 167 с.

[1] Слова «чернаго воску» написаны над строкой.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XXIII, № 17027.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XIV. № 10237.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. XVII. № 12474, 12488, 12570, 12659, 12664, 12711.

15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1128. Ч. 2.

16. РГАДА. Ф. 1312. Оп. 2. Ч. 1. Д. 730. Л. 14–16.

17. Рудин С.Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет 19 сентября 1765 г. 1915 г. Петроград: тип. В.Ф. Киршбаума, 1915. 2, X, 547 с.

18. Списки воевод и дьяков по Казани и Свияжску, составленные в XVII столетии / публ. и предисл. С.И. Порфирьева // Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1911. Т. 27. Вып. 1. С. 61–74.

19. Хайрутдинов Р.Р. Управление государственной деревней в Казанской губернии (конец XVIII первая треть XIX в.). Казань, 2002. 223 с.

Дата поступления материала 17.05.2019.
Принят к публикации 20.05.2019.

Сведения об авторе: Мустафина Дина Абдулбаровна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, e-mail: *Dina.Mustafina@kpfu.ru*

ACTS OF LAND TENURE OF SERVICE MURZ ISHEEVS FROM THE FUNDS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ANCIENT ACTS

D. Mustafina
Kazan (Volga Region) Federal university, Republic of Tatarstan, Russia, Dina.Mustafina@kpfu.ru

Abstract: The publication is devoted to the introduction into research and analysis of two new historical sources, reflecting the economic situation of one of the branches of the family of serving Murz princes Isheevs. The considered acts were preserved in the fund of the Mezhevoi Office of the Russian State Archive of Ancient Acts (f. 1312) as part of controversial cases that were settled by the boundary courts in the 90s. 18 – early 20 century. The first document enshrined the right of the father of the family – the representative of the nobility of the former Kazan Khanate, Prince Ishei Kudaiberdeev (Khudaybirdeev) on the estate in Sviyazhsky district at the end of the XVI century. Murza, among the first after the conquest of Kazan entered the service of Tsar Ivan Vasilyevich. The second one reflected the results of the multiplication of possessions and the management of his heirs at the end of the 17th century, and was issued to Toish and Ibrahim Aleev's Isheev children to confirm their ownership of the land in the specified county. The article briefly traces the

information potential of the sources. Their significance for studying the features of the evolution of feudal land tenure in a multi-confessional and multi-ethnic Kazan region is shown. An attempt was made to create a genealogy of the Isheev family. An observation was made about the reliability of the information given in the published acts, and the need for subsequent archival research and identification of new sources for an in-depth study of the development of the Kazan region in the late Middle Ages was emphasized.

Keywords: Kazan region, Sviyazhsk district, Isheev princes, service Tatars, service Murza, land tenure, later Middle Ages

For citation: Mustafina D.A. Acts of land tenure of service Murz Isheevs from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 97–111. (In Russ.)

References

1. Ainutdinova L.M. Generalnoe mejevanie // Tatarskaya enciklopediya. Kazan: In-t Tat. Enciklopedii. 2005. T. 2. S. 79. (In Russian)

2. Vasileva I.V., Mineeva E.K. Dushevladenie dvoryan Kazanskoi gubernii v konce XVIII – nachale XIX vekov: po materialam Generalnogo mejevaniya zemel // *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 2015. № 2. S. 14–22. (In Russian)

3. German I. E. Istoriya russkogo mejevaniya. M.: Tipo-litografiya V. Rihter. 1907. 307 s. (In Russian)

4. Dimitriev V.D. Chuvashiya v epohu feodalizma – XVI – nachalo XIX vv. Cheboksari: Chuvash. kn. izd-vo. 1986. 456 s. (In Russian)

5. Ivanov P. Opit istoricheskogo issledovaniya o mejevanii zemel v Rossii. M., 1846. 4, IV, 2, 151 s. 3 l. tabl. (In Russian)

6. Kazanskoe dvoryanstvo.1785–1917 gg. Genealogicheskii slovar / sost. G.A. Dvoenosova, otv.red. L.V. Gorohova, D.R. Sharafutdinov. Kazan: «Gasir», 2001. 639 s. (In Russian)

7. Korsakova V.D. Spisok nachalstvuyuschih lic v gorodah tepereshnei Kazanskoi gubernii s 1553 g. do obrazovaniya Kazanskoi gubernii v 1708 g., a takje gubernatorov, namestnikov, general- gubernatorov i voennih gubernatorov, upravlyavshih Kazanskoyu gubernieyu s 1708 g. po 1908 g. vklyuchitelno // *Izvestiya Obschestva arheologii, istorii i etnografii.* T. 24. Vip. 5. S. 1–9, 1–18, 1–13, 1–14. (In Russian)

8. Milov L.V. Issledovaniya ob «Ekonomicheskih primechaniyah» k Generalnomu mejevaniyu: K istorii russkogo krestyanstva i selskogo hozyaistva vtoroi polovini XVIII v. M., 1965. 310 s. (In Russian)

9. Nekrasov F.G. Mejevanie zemel v Rossii. M., 1915. 141 s. (In Russian)

10. Nogmanov A.I. Samoderjavie i tatari. Ocherki istorii zakonodatelnoi politiki vtoroi polovini XVI-XVIII vv. Kazan, 2005. 215 s. (In Russian)

11. Perechnevaya kniga Sviyajskogo uezda: Po materialam piscovogo opisaniya 1646–1652 godov. Kazan, 2004. 167 s. (In Russian)

12. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 g. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. 1830. T. XXIII. № 17027. (In Russian)

13. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 g. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. 1830. T. XIV. № 10237. (In Russian)

14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 g. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii. 1830. T. XVII. № 12474, 12488, 12570, 12659, 12664, 12711. (In Russian)

15. RGADA. F. 1209. Op. 1. Kn. 1128. Ch. 2. (In Russian)

16. RGADA. F. 1312. Op. 2. Ch. 1. D. 730. L. 14–16. (In Russian)

17. Rudin S.D. Mejevoe zakonodatelstvo i deyatelnost mejevoi chasti v Rossii za 150 let 19 sentyabrya 1765 g. 1915 g. Petrograd: tip. V.F. Kirshbauma, 1915. 2, X, 547 s. (In Russian)

18. Spiski voevod i dyakov po Kazani i Sviyajsku, sostavlennie v XVII stoletii / publ. i predisl. S.I. Porfireva // *Izvestiya Obschestva arheologii, istorii i etnografii*. 1911. T. 27. Vip. 1. S. 61–74. (In Russian)

19. Hairutdinov R.R. Upravlenie gosudarstvennoi derevnei v Kazanskoi gubernii – konec XVIII pervaya tret XIX v. Kazan, 2002. 223 s. (In Russian)

About the author: Dina Mustafina*,* Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University, e-mail: *Dina.Mustafina@kpfu.ru*

Received May 17, 2019.
Accepted for publication May 20, 2019.

Р Е Ц Е Н З И И

УДК 94 (517)

ЭПИДЕМИИ И ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Л.Ф. Абзалов
Казанский федеральный университет
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
len_afzal@mail.ru

Резюме. Статья представляет собой рецензию на книгу «Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XIV вв.)» (Казань, 2018). Эта публикация является первым научным изданием, освещающим данный аспект истории Золотой Орды за все время ее многолетнего изучения.

Ключевые слова*:* эпидемии, чума, природные катаклизмы, Золотая Орда.

Для цитирования: Абзалов Л.Ф. Эпидемии и природные катаклизмы: новые аспекты изучения Золотой Орды. *Тюркологические исследования*. 2019; 2(2): 112–120.

В 2018 г. в серии «История и культура Золотой Орды и татарских ханств», выпускаемой Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ, был опубликован сборник научных статей «Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.)», представляющий собой сборник материалов круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», прошедшего в рамках V Международного Золотоордынского Форума «История Золотой Орды и татарских ханств» (Казань, 15–18 марта 2017 г.).

На современном этапе исторические исследования охватывают все новые и новые аспекты историко-культурного развития Золотоордынского государства, что в конечном итоге способствует более полной и объективной характеристике его прошлого. Одним из таких значимых аспектов являются природно-климатические, экологические и эпидемиологические процессы имевшие место в Улусе Джучи и сопредельных территориях, оказавших значительно более сильное влияние на общественное развитие, чем было принято считать в традиционной историографии.

В конце XX в. в исторической науке все большую популярность стала приобретать история болезней. Интерес историков к эпидемиологической смертности, как указывает С.А. Прокопенко, можно объяснить, с одной стороны, пограничным характером проблематики, дававшей пищу модным на тот момент ментальным исследованиям, а с другой стороны – её комплексным и кумулятивным влиянием на динамику народонаселения, а также политическую и социально-экономическую историю. С.А. Прокопенко в своей статье ««Черная смерть» в историографии: общая характеристика» выделяет не только ос-

новные труды по рассматриваемой проблеме, но и акцентирует внимание на методологические новации последних десятилетий, к каковым можно отнести введение в научный оборот понятия “патогенный комплекс”, который включает в себя человека, патогенного агента и его переносчиков. Это позволило соединить биологический и социальный аспекты исследования объекта. Поскольку биоселекция воздействует также на экологическую нишу и равновесие в мире микроорганизмов, при анализе должны учитываться также морфология почвы, топография, растительный покров, температурный режим, солнечная радиация, уровень и характер гидрологического режима. Из социальных факторов важную роль играют плотность населения, его мобильность, зона расселения, тип жилища, одежда.

Общий историографический анализ, проведенный С.А. Прокопенко, позволяет ему сделать вывод о том, что пандемия чумы, имевшая место в Золотой Орде, в европейской историографии специально не исследовалась. Дело ограничивалось спорами о роли хана Джанибека во время пресловутой осады Каффы, и спекулятивными рассуждениями об эпидемии чумы как переломном рубеже в истории Золотой Орды, оказавшей, вероятно, влияние на начало феодальной смуты после смерти хана. Выводы автора о дальнейших перспективах изучения истории болезней в Золотой Орде связаны с необходимостью расширения источниковой базы, введением в научный оборот археологических материалов, а также поиском дополнительных нарративных свидетельств современников пандемии.

Особое место в истории болезней, конечно же, занимает эпидемия чумы, разразившаяся на территории Европы в середине XIV в., ставшей определенным рубежом в историко-культурном развитии европейских стран. Такое же, но только более трагическое в плане дальнейшей истории, эта эпидемия имела для Золотой Орды. Одним из первых данный аспект истории Улуса Джучи стал изучать американский ученый Юлай Шамильоглу.

И.Л. Измайлов для уяснения последствий пандемии чумы в Золотой Орде обращается к анализу причин кризисных явлений в Улусе Джучи. Ученый дает критическую оценку тем историкам, которые при выявлении причин кризиса в Золотой Орде, на передний план выдвигают социальный фактор, отмечая, что он был достаточно поверхностным и внешним явлением в условиях, когда страну поразил системный кризис, и стал скорее спусковым механизмом политического кризиса, нежели его причиной. Среди факторов, приведших к ослаблению империи Джучидов и усилению центробежных тенденций в 60–80-х гг. XIV в., исследователь выделяет природные факторы, самый важный из которых – резкое усыхание степной зоны запада евразийских степей в XIV–XV вв. При этом ученый отмечает, что сами по себе циклические изменения климата, которые происходят постоянно и постепенно, не могли нанести сильнейшего удара по хозяйству. Видимо, решающую роль в том, что последствия оказались столь трагичными, сыграло резонансное сложение ряда факторов. Главными из природных аномалий, очевидно, стали не просто ухудшение климата для ведения сельского хозяйства и аридизация степи, но из года в год повторяющиеся неблагоприятные годы – малоснежные холодные зимы, потепления и морозы весной, сухие ветра и жара летом, которые превзошли «запас прочности» сельского хозяйства. Немаловажную роль также играла деградация степных почв вследствие усиливающегося давления все возрастаю-

щего поголовья скота. Эти природные катаклизмы нанесли также страшный урон и земледелию. Одновременно, началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив к нижневолжским городам. В любом случае затопление плодороднейших земель в низовьях Волги нанесло сильнейший удар по земледельческой округе, что способствовало подрыву экономической основы хозяйства Орды.

Другой значимой причиной кризиса в Золотой Орде стала пандемия чумы. Голод, разразившийся вследствие природно-климатических и антропогенных факторов, приводил к бегству жителей в города, что способствует резкому росту их населения и ухудшению санитарно-гигиенической обстановки, что в свою очередь создает благоприятные условия для распространения болезней. Автор отмечает, что удар нанесенный пандемией чумы оказался особенно страшен, именно с этого времени в Золотой Орде начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье и Нижнем Поднепровье. Экономический и социально-политический кризис был также порожден спадом в международной торговле, который начался в 40-х гг. XIV в. и достиг пика во второй половине века. Другим составляющим кризиса стало расстройство денежно-весовой системы страны. Все это приводит к тому, что Золотая Орда из страны с развитыми торговыми и товарно-денежными отношениями превращается в конгломерат территорий, ведущих натуральное хозяйство. Автор заключает, что дестабилизация Улуса Джучи была вызвана целым рядом причин, которые в комплексе могли и дали эффект нарастающего кризиса всех сторон жизни, это был своего рода «идеальный шторм», когда все условия начинают складываться самым неблагоприятным образом. Одна дестабилизирующая причина усиливает другую, а та в свою очередь способствует возникновению следующей. Точкой невозврата в этом процессе послужило свержение и гибель Идегея в 1420 г., после которой наступила настоящая агония великой империи.

Другой казанский исследователь Т.Ф. Хайдаров также анализирует эпидемию чумы и ее последствия. Автор отмечает, что все тектонические изменения второй половины XIV – начала XV в. в Улусе Джучи и в русских княжествах были отчасти вызваны вспышками эпидемии Черной смерти. Фактически они стали одними из детонаторов изменений в политической и экономической картине региона. Причем ситуация ухудшалась из-за резкого похолодания климата, параллельного роста других эпидемических болезней (сибирской язвы, тифа, черной оспы), массового голода среди населения. Другими видимыми последствиями эпидемии чумы для Золотой Орды стали: глубочайший демографический кризис, ужесточение военно-политического противостояния между государствами-наследниками Улуса Джучи, культурный и технологический регресс, полное исчезновение ордынских городов в Пруто-Днестровском междуречье и Нижнем Поволжье, а также изменение этнического состава населения за счет переселения массы людей из кыпчакских степей и русских княжеств.

А.А. Порсин в своей статье «Заговор Ногая против Тула-Буги в контексте эпидемиологической ситуации в Золотой Орде последней четверти XIII века», осмысливает один из значимых политических событий золотоордынской истории, а именно заговор Ногая против Тула-Буги, в аспекте эпидемиологической ситуации сложившейся в регионе в последней трети XIII в. По мнению автора,

население Золотой Орды столкнулось с чумой минимум за шестьдесят лет до начала эпидемии конца 40-х годов XIV в. Аристократии улуса Джучи была известна сама болезнь, ее симптомы и характер развития. Более того, косвенные данные позволяют предположить, что был выработан механизм сдерживания эпидемии с применением карантина. На основе авторских реконструкций событий, А.А. Порсин делает вывод о том, что именно обострение эпидемиологической ситуации и его последствия позволили Ногаю реализовать свой замысел и привести к власти Токту.

В статье Моше Гринберга анализируется осада Каффы 1346 г. войсками хана Джанибека. Исследователь приводит убедительные аргументы, опровергающие широко распространенное среди историков мнение о том, что татары, начали забрасывать своих умерших от чумы соратников в осажденный город, при этом М. Гринберг не отрицает ключевой роли Крымского полуострова в дальнейшем распространении чумы, как в христианскую, так и в мусульманскую части Средиземноморья. Первый аргумент автора связан с критикой источниковой базы вышеуказанного факта. По его мнению, не следует безоговорочно доверять противоречивым сведениям Габриэля де Мюсси (ок. 1280 – ок. 1356), автора единственного источника, описывающего эти события «Historia de Morbo, sive Mortalitate, quae fuit Anno Dni MCCCXLVIII» (“История болезни, или Смерть, случившаяся в 1348 году [по летописанию от] Нашего Господа”). Вследствие чего не представляется возможным перепроверить эти данные, опираясь на другие сведения, по той причине, что такие события не засвидетельствованы нигде более. Кроме того, известно, что автор не покидал город в тот период и не мог лично наблюдать описываемые им события. Второй аргумент связан с хронологическими нестыковками осады и распространения чумы в Италии. Третий его аргумент связан с отсутствием какого-либо прецедента «бактериологической» войны в рассматриваемую эпоху, тем более со стороны кочевой армии, и тем более со стороны монголов. М. Гринберг ссылаясь на известные факты, пишет, что кочевники при вспышке инфекционных заболеваний покидали зараженный район, также они поступали и со своими смертельно больными соплеменниками. С другой стороны, похоронные обряды, обычаи и верования монгольских и тюркских кочевников того периода явно противоречили данному способу ведения войны. Для обоснования своей позиции М. Гринберг также уточняет хронологию распространения чумной пандемии в Крыму и Средиземноморье. Очередная, третья по счету, осада Каффы войсками Джанибека состоялась зимой 1346–1347 гг., что совпадало с распространением эпидемии в регионе (т.е. в Крыму). И далее автор заключает: «Данное обстоятельство никоим образом не подразумевает “ответственность” осаждавшей татарской армии за заражение осаждённого города. Вполне вероятно, что первыми из тех, кто бежал оттуда, были как раз осаждавшие, и только затем за ними последовали осаждённые (разумеется, в разных направлениях). Кроме того, следует усомниться и в способе заражения Каффы, предложенном де Мюсси, так как существовало ещё много других различных способов для проникновения в город чумных бактерий. Точно так же существовало гораздо больше путей транспортировки чумы в Европу, чем описанный в хронике де Мюсси».

В статье хорватского исследователя Гордана Раванчича дается оценка влияния первой волны эпидемии чумы на Дубровник. Исследователь отмеча-

ет, несмотря на то, что дубровницкие общинные власти не смогли адекватно отреагировать на эпидемию 1348 года, все же городское общество имело достаточную социальную сплоченность, чтобы предотвратить полный крах социальных ценностей и, эпидемия не привела к каким-либо существенным социально-экономическим потрясениям. Несомненно, такая неожиданная высокая смертность была бедствием, но с очень немногими постоянными последствиями, например, изменение возраста для вступления в Большой Совет. Последующие эпидемии чумы способтвовали выработке достаточно эффективных мер противодействия этой эпидемии.

К.А. Руденко в своей статье затрагивает археологические свидетельства пандемии чумы на территории Булгарского вилайета Золотой Орды. Автор констатирует, что сам факт чумной пандемии на территории Булгарского улуса во второй половине XIV–начале XV в. подтверждается археологическими материалами, но при этом имеющиеся данные не позволяют говорить о массовых жертвах. Исследователь отмечает, что последствия чумы прослеживаются далеко не на всех поселениях, то есть фатальный исход постиг только часть населенных пунктов; скорее всего, тех, которые были связаны с частым перемещением или скоплением людей: поблизости от речных и сухопутных путей, где были сезонные ярмарки; в тех местах, где жители обслуживали переправы или были лоцманами для проходящих судов (например, селище Чакма), а также поблизости от городов, откуда население выбиралось в кризисный период массового заражения чумой. «Зоной риска» были и степные территории в южной части Закамья и в Предволжье. В более отдаленных местах, а также в лесной зоне, сила пандемии была слабее, а какие-то пункты она обошла стороной. По мнению ученого, существует немало «отвлекающих» факторов препятствующих однозначной их увязке с пандемией чумы. Также, по его мнению, не следует преувеличивать роли пандемии чумы в произошедших во второй половине XIV в. изменениях в Булгарском улусе. Видеть в пандемии, которая без сомнения была катализатором многих процессов, единственный источник кардинальных перемен в Булгарском улусе – политических, экономических и этнических – является сильным упрощением ситуации.

И.М. Миргалеев в своем материале акцентирует внимание на особом факторе поражений хана Токтамыша, на который исследователи мало обращали внимание, а именно эпидемиях. Исследователь связывает спешный уход армии Тимура из Золотой Орды в 1396 году с возникшей в его войске эпидемией, и отмечает, что есть основания полагать, что это была чума. Автор указывает, что прямого противника в виде сильной армии, которая могла бы открыто бросить вызов Тимуру и угрожать ей на тот момент времени, просто не существовало. В последующем эти же эпидемии способствовали дальнейшему опустению золотоордынских городов.

Статья Л.Ф. Абзалова посвящена характеристике лиц, занимающихся лечением больных в Золотой Орде. Автор отмечает, что в сфере медицинского обслуживания, как и в других сферах жизни золотоордынского общества, причудливо соединились как достижения ведущих медицинских систем (китайская, тибетская, индийская, уйгурская, несторианско-христанская, исламская) того времени, так и шаманская практика изгнания духов, знахарского целительства и народного самолечения.

В статье Рикса Боша «Steppe Use, Climate Change and the Upcoming of the Mongol Empire» анализируется сложные взаимосвязи климата, флоры и фауны степей с различными сферами жизнедеятельности человека и миграционными процессами в эпоху Монгольской империи. Эти материалы в очередной раз позволяют сделать вывод о сложности и противоречивости природно-климатических и социально-экономических и политических или говоря в целом социоестственных процессов, имевших место на обширных пространствах Евразийских степей.

С.Ю. Скисов в своей статье «Золотая Орда, чума и деньги (клад 2013 года с Селитренного городища в историческом контексте)» дает анализ монетного клада, обнаруженного на Змеином бугре Селитренного городища. Анализируя этот клад, исследователь обратил внимание на тот факт, что в кладе наблюдается количественное снижение монет, относящихся к 749–751 гг., что и подтолкнуло автора на объяснение данного факта. С.Ю. Скисов изучил материалы 67 опубликованных кладов, укладывающихся в рассматриваемые исследователем хронологические рамки. В итоге автор, на основе нумизматического материала, сумел обосновать то, что в период благоденствия Золотой Орды, связанный с именем хана Джанибека, существует хронологический отрезок, в котором Орда пережила сильнейшие экономические потрясения. Границы этого отрезка – 747–752 гг.х. В итоге автор заключает, что причины этого потрясения со всей очевидностью связаны с пандемией чумы, поразившей в конце 40-х годов Золотую Орду, Средиземноморье и Европу.

И.Е. Алексеев в статье ««Химерические» мотивы на золотоордынских (джучидских) и «удельных» русских монетах XIV–XV вв. в свете гипотезы о символизации эпидемий чумы» приходит к выводу о том, что гипотеза о символизации эпидемий чумы посредством изображений Химеры и «химерических» мотивов, помещавшихся на серебряных «удельных» русских монетах XIV–XV вв. и послуживших для них прототипами медных золотоордынских (джучидских) монетах XIV в., представляется бездоказательной.

Л.В. Воротынцев в своем исследовании «Черная смерть» и феномен новгородского ушкуйничества: влияние эпидемиологического и климатического факторов на общественно-политические процессы древнерусского общества (XIV – первая половина XV в.) рассматривает демографические и общественно-политические процессы, происходившие в Новгородской феодальной республике во второй половине XIV – начале XV вв., с позиции влияния на них фактора пандемии т.н. «Черной смерти», усугубляемой экстремальными климатическими явлениями, соотнося их с военной активностью ушкуйников второй половины XIV – начала XV в.

Известный исследователь А.Н. Медведь в своей статье «Эпидемии XIV–XV вв. в церковной литературе и жизни православной церкви» подчеркивает, что историю эпидемию чумы следует изучать в рамках анализа социокультурной ситуации, сопутствующей им, в частности, в аспекте политической и церковной истории Великого княжества Московского. Автор отмечает, что в повседневной культуре Великого княжества Московского эпидемии XIV в. важны потому, что именно в этот период окончательно оформляется взгляд на эпидемию как на Божье наказание, которого невозможно избежать, но только «отмолить». Смерть от эпидемии светских и церковных сановников не афишировалась, так как факт такой смерти мог бросить тень на носителей власти.

Конечно же, такой взгляд способствовал распространению эпидемий, увеличению смертности от них. Лишь в начале XVI в. псковским наместником дьяком М. Мунехиным предпринимаются первые попытки обезопасить жителей Пскова от эпидемии, организовав карантин зараженных улиц. В середине – второй половине XVI в. карантин становится важной частью противоэпидемических действий, хотя вопросы о лечении и профилактике эпидемических заболеваний по-прежнему трактуются исключительно с точки зрения теотерапии, и далее автор заключает: «Таким образом, история моровых поветрий в средневековой России находится в тесной связи с историческим контекстом и историей средневековой православной культуры».

Д.Н. Маслюженко и Е.А. Рябинина в своем материале «Климатический и эпидемический факторы в истории сибирской государственности шибанидов в XV–XVI в.» высказывают идею о возможной взаимозависимости процессов развития сибирской государственности, эпидемий и климатических колебаний, и выражают надежду на то, что дальнейшие комплексные исследования, представителей различных наук позволят углубиться в изучение и данного аспекта развития местной государственности и процессов вхождения этих земель в Московию.

С.Х. Хотко в своей статье «Фактор «черной смерти» в генезисе адыгского этнополитического пространства (XIV–XV вв.)» анализирует природно-климатические и социально-экономические факторы препятствующие широкому распространению чумы в Северокавказском регионе. Автор отмечает, что если «черная смерть» и нанесла урон численности черкесов, то они быстро восстановились и продолжили территориальную экспансию по границам своей исконной среды обитания. В XVI в. Черкесия становится крупнейшей и наиболее населенной страной Северного Кавказа, интегрировавшей в свой состав целый ряд соседних земель и народов. Быстрому преодолению или даже, быть может, избавлению от действия пандемии 1346–1353 гг., а также весьма губительных и достаточно частых эпидемий этой болезни на всем протяжении второй половины XIV в. и первой четверти XV в., как предполагает автор, способствовали природные и социокультурные факторы: 1) Северо-Западный Кавказ не входит в число природных очагов чумы Восточной Европы и Кавказа; 2) определенная географическая, ландшафтная изолированность от степного мира, обеспеченная течением Кубани и высокой степенью лесистости (войдя в черкесский лес на берегу Кубани, можно было двигаться до самого берега Черного моря, не покидая ни разу лесного ландшафта, покрывающего весь нагорный сектор Закубанья на запад от Фишт-Оштенского массива); 3) самодостаточность хозяйственного комплекса Черкесии, что позволяло длительное время выдерживать режим карантина и не допускать на свою территорию пораженных болезнью людей и скот; 4) отсутствие городов, при более или менее равномерном распределении сельских населенных пунктов, что также облегчало организацию локальных карантинов; 5) фактор сбалансированного и насыщенного витаминами питания (повседневное употребление ценных в этом отношении продуктов: меда, фруктов, сухофруктов, рыбы, козлятины). Соответственно, мы можем предполагать, что накануне пандемии черкесское население не было ослаблено голодом, а именно испытывающее голод население (что хорошо известно из европейских примеров) давало наибольший процент летальных исходов при чумных и других эпидемиях.

В заключительной части сборника дается стенограмма круглого стола «Экологический и эпидемический фактор в средневековой Евразии», в материалах которого подчеркивается необходимость междисциплинарных исследований, позволяющих в наиболее полной мере раскрыть процессы взаимодействия человека, природы и общества в эпоху «Чёрной смерти» в регионе Magna Tartaria. В связи с чем можно полностью солидаризироваться с утверждением И.М. Миргалеева: «безусловно, важное значение имеет использование новых методов и данных смежных дисциплин… Составление «медицинской карты» средневекового человека в будущем позволит более детально разобрать «белые пятна» истории. Пока же мы только на начальном пути массового внедрения в исторические исследования методов естественных наук. Однако уже сейчас существует понимание того, как можно применить полученные таким образом данные».

Список литературы

Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XIV вв.). Сер. «История и культура Золотой Орды и татарских ханств». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 284 с.

Сведения об авторе: Абзалов Ленар Фиргатович, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Института международных отношений Казанского федерального университета, кандидат исторических наук (420008, Казань, ул. Пушкина, д.1/55), e-mail: len_afzal@mail.ru

Дата поступления материала 18.02.2019.
Принят к публикации 14.03.2019.

EPIDEMICS AND NATURAL DISASTERS: NEW ASPECTS OF STUDYING THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE

L. Abzalov
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation
len_afzal@mail.ru

Abstract. The article is a review of the book «Epidemics and natural disasters in the Golden Horde and adjacent territories (XIII–XIV centuries)» (Kazan, 2018), which is the first scientific collection covering this aspect of the history of the Golden Horde for all the time of its study.

Keywords: epidemics, plague, natural disasters, Golden Horde.

For citation: Abzalov L.F. Epidemics and Natural Disasters: New Aspects of Studying the History of the Golden Horde. *Tyurkologicheskie issledovaniya =Turkological Studies*. 2019; 2(2): 112–120. (In Russ.)

References

1. Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoj Orde i na sopredel'nyh territoriyah (XIII–XIV vv.) [Epidemics and Natural Disasters in the Golden Horde and Adjacent Territories (13–14 centuries)]. Ser. «Istoriya i kul'tura Zolotoj Ordy i tatarskih hanstv». Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2018. 284 s. (In Russian)

About the author: Lenar Abzalov, Associate Professor of Kazan Federal University, Cand. Sci. (History) (420008, Kazan, 1/55 Pushkina), e-mail: len_afzal@mail.ru

Received February 18, 2019.
Accepted for publication March 14, 2019.